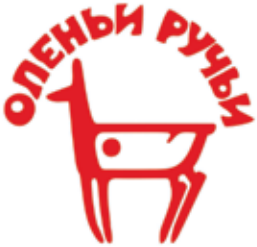

Романтикам парка
"Оленьи ручьи"

Романтикам парка “Оленьи ручьи”

УРАЛЬСКОЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Новоуральск

2024

УДК 82-43=161.1(049)
ББК 20.1
Р-69

Романтикам парка «Оленьи ручьи». – Новоуральск:
Р-69 Уральское Провинциальное Издательство, 2024. 192 с., илл.

ISBN 978-5-905991-53-0
Знак информационной продукции 12+

Издание представляет воспоминания первопроходцев – организаторов парка «Оленьи ручьи».

Что бы стало с этой территорией? Гадать бессмысленно. Но нашёлся в 1975 году человек по имени Александр Владимирович Добров, который стал и проектировщиком, и первым директором, и исполнителем всех работ. Соратником группы романтиков-студентов УрГУ, которые вели все работы: создавали инфраструктуру парка, вели охрану, исследования, экологическое просвещение на общественных началах, то есть бесплатно.

Конечно, были преподаватели, учёные, лидеры общественных организаций, неравнодушные руководители предприятий, которые поддерживали морально и, по возможности, материально благие начинания молодых. О них также содержатся сведения в этом издании.

Второй раздел – воспоминания о А. В. Доброве – содержит статьи, заметки друзей, сподвижников, журналистов, родной сестры Александра Владимировича, и помогает понять всю многогранность его интересов, оценить то, что удалось сделать – добиться официального открытия парка в октябре 1999 года и «открыть» его будущим поколениям.

Книга представляет интерес для разных специалистов и широкого круга читателей.

УДК 82-43=161.1(049)
ББК 20.1

ISBN 978-5-905991-53-0

© Авторы очерков, текст, 2024
© Бокачев М. Р., Мишин А. С., Трубецкой В. С., составление 2024
© Бокачев Р., Добров А.,.Дубровин Ю., Крыщенко В., Сеславина Е. и др., фотографии, 2024

Памяти

Александра Владимировича Доброва

(18.02.1949 – 18.08.2023)

Александр Добров

Очерки из цикла

«Неторопливое путешествие в долине реки Серги длиною в жизнь»

В природном парке «Оленьи ручьи» А. В. Добров занимал все мыслимые должности одновременно, но реально пост директора появился лишь в конце 1999 года, и его он занял по справедливости, но с 1975 года по 1999 год (почти 25 лет) А. В. Добров трудился на несуществующих должностях, то есть без официального трудоустройства.

Уникальный случай в истории создания особо охраняемых природный территорий.

О чём мечтал А. В. Добров, что ему удалось – направлено на общественное благо, для всего народа, что соответствовало его нравственным установкам.

Об этом его воспоминания.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРИРОДНОГО ПАРКА «ОЛЕНЬИ РУЧЬИ»

Указ губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя о создании Парка вышел 18 октября 1999 года, но история создания Парка началась гораздо раньше. Юго-запад Свердловской области в силу различных обстоятельств избежал участи промышленных агломераций Среднего Урала и мало измененные природные ландшафты с давних пор стали привлекать внимание исследователей, занимавшихся вопросами охраны природы.

В частности, специальная комиссия Академии наук в 1949 году рассматривала вопрос о создании здесь заповедника. Однако, комиссия сочла нецелесообразным создание заповедника ввиду отсутствия здесь, более-менее значительных нетронутых лесных массивов.

Однако, для создания национальных и природных парков это условие не является обязательным. К середине1960-х годов всё более популярным становится самодеятельный туризм, а точнее спортивные путешествия в природной среде на Азов-гору, Шунут-камень в долину реки Серга. Эти и многие другие места Среднего Урала превращаются в места традиционных путешествий, как для местных туристов, так и для приезжающих из других областей. В это время некоторые природные объекты, благодаря туристической и научной общественности приобретают официальный статус памятников природы. Это создало предпосылки для дальнейшего развития туристических маршрутов, особенно, в долине реки Серга и на прилегающих территориях, что, в свою очередь, позволило рассматривать эти земли, как будущую особо охраняемую природную территорию (ООПТ) более высокого ранга. В 1964 году вышла монография В. И. Прокаева, в которой впервые был поставлен вопрос о создании здесь национального парка.

В 1975 году по результатам полевых исследований, проведённых студенческой дружиной Уральского госуниверситета, вышел первый вариант технико-экономического обо-

---

** Текст очерков А. Доброва предоставлен В. С. Трубецким*

снования (ТЭО) для проектирования национального парка. Однако отсутствие в СССР нормативной базы для ООПТ такого типа затормозило реализацию этой идеи на долгие годы. Тем не менее, усилиями нескольких поколений дружины (до 1985 г.) на территории будущего парка велась систематическая борьба с браконьерством, маркировались и обустраивались туристические маршруты, развивалась методическая база экскурсий и учебных программ будущего парка.

Для автора важными событиями оказались два эпизода. Первый – это турпоход, о котором речь пойдет ниже. Второй – встреча с Б. П. Колесниковым, определившим мою судьбу на десятилетия.

Начало

Времена хрущевской оттепели были в истории нашего государства совершенно особым временем. Но описание характерных примет этого времени слишком непростая задача, потому что большая часть тех, кто родился в середине 1960-х гг. просто не знает, что такое очереди за хлебом, как поднималась целина, кто такие стиляги, что такое «рок на костях». И многое другое.

Но важно, что для моих сверстников, это время было временем ощущения свободы, распахнувшихся горизонтов и романтических надежд.

Последние годы школьной учебы (9-11 класс) у меня прошли в школе № 29 города Ревды. Нашим классным руководителем была Антонина Степановна Воронова, преподаватель русского языка и литературы – добросовестный и требовательный педагог. О семейной жизни её мы почти ничего не знали, кроме того, что она не замужем и что у неё взрослый сын.

С именем Антонины Степановны связаны два важных события, произошедших в 1963 году.

Первое событие – школьный новогодний бал по мотивам Евгения Онегина. Можно сказать, что мы готовились к этому событию около двух месяцев: заучивали пушкинские

тексты, разучивали бальные танцы пушкинской эпохи, готовили реквизит и, вместе с Антониной Степановной, сочиняли сценарий этого праздника.

Фраки и бальные платья были взяты напрокат, и, конечно, они были, что называется «второй свежести», но к балу, ценой больших усилий, нам удалось придать им вполне приличный вид.

В нашем классе было 42 человека и почти все приняли участие в этом празднике. Нужно отметить, что класс был весьма неоднороден по своему социальному составу. Выделялась группа ребят – детей городской интеллигенции и руководителей разных предприятий города. Другая группа – дети из неполных и неблагополучных семей, которых объединяло радиолюбительство, велосипед и загородные самодеятельные путешествия. И, наконец, третья группа – хулиганистые ребята из Северного посёлка, державшиеся особняком.

Но в тот волшебный вечер, под звуки не симфонического и даже не маленького камерного оркестра, а всего лишь аккордеона, мы вдруг почувствовали себя единым целым – крохотным осколком давно минувшей эпохи, непонятно, каким образом, заброшенным в настоящее время.

Бал закончился, но мы долго ещё не могли разойтись по домам в накинутой поверх фраков и бальных платьев зимней одежде, гуляя по пустым ночным улицам Ревды, залитых светом ртутных фонарей, под редкими крупным хлопьями снега, танцующими на наших странных одеждах.

Надо сказать, что фрак я надел тогда в первый и последний раз в своей жизни, и никогда не забуду магии этого наряда, который сделал меня чуточку другим человеком.

Второе, и, пожалуй, одно из главных событий в моей жизни – восьмидневный поход в июне 1965 года по маршруту: старообрядческое село Краснояр (Ревдинский район) – Шунут-Камень – Верхние Серги – Нижние Серги – Михайловск.

И, конечно, инициатором этого похода была Антонина Степановна, правда, из всего класса в поход отправилось только человек 15.

Опыта таких длительных путешествий ни у кого из нас не было. И какое у нас было снаряжение! Ни тебе палаток,

ни ковриков, ни спальников. На ногах кеды, кое у кого были штормовки.

К концу первого дня мы дошли до Шунута под мелким дождиком. Необычный вид скал, поднимающихся над древними ельниками, поразил моё воображение, но самая высокая точка была закрыта туманом, и разглядеть что-либо с вершины было невозможно. Ночевали мы под скальным навесом, наломав лапника, разведя костёр и просушив успевшую намокнуть одежду. Следующее утро не порадовало нас ясной погодой, и, наскоро позавтракав, мы пошли в сторону Верхних Серёг, сначала по хорошо натоптанной тропе, затем по раскисшей грунтовой дороге, под непрерывным дождём. В Верхних Сергах Антонина Степановна договорилась со школой и нас впустили ночевать в спортзал.

Пока мы расстилали на полу спортивные маты, «хулиганистые ребята» по распоряжению Антонины Степановны, принесли откуда-то две бутылки водки, которые, разделив, по справедливости, мы усугубили в качестве профилактического средства. Вот ответственность и смелость педагога!

Многие из нас, в том числе и я, попробовали водку впервые в жизни. Мне досталось чуть меньше 100 грамм, но благодатный огонь вскоре ударил мне в голову, и я моментально уснул на сухом мате, укрывшись ещё влажной штормовкой.

К полудню следующего дня мы доехали на автобусе до Нижних Серёг и сразу же направились дальше, по долине реки Серги под ярким июньским солнышком. Жизнь отравляло лишь то, что, накануне сбив подошвы до кровавых волдырей, я еле ковылял, опираясь на вырезанную из ивняка самодельную трость.

Тем не менее, зрелище речной долины в скалистых берегах, пышной июньской зелени, пестреющей яркими пятнами луговых цветов и ярко-голубого неба над всем этим великолепием, захватывало своей новизной настолько, что каждый шаг уже не казался таким мучительным.

Накануне, по долине прошел ураган, который вырвал с корнем или сломал старые сосны и кроны этих деревьев выглядели как молодые зеленые рощицы.

Серга, судя по литературе, уже тогда была популярным туристическим районом, но мы не встретили на своём пути

ни одного туриста, а время сенокоса ещё не подошло, и мы наслаждались безлюдьем и покоем, девственной, как нам казалось тогда, природы.

Даже тропинок нам не попадалось: лишь кое-где мы пересекали заросшие старые дороги.

Наконец мы дошли до того места, где должна была находиться пещера Катникова, и вся группа пошла искать её. Я же остался под одной из уцелевших старых сосен смазывать йодом волдыри на подошвах. Ребята вскоре вернулись, вымазанные глиной, как черти, и принялись полоскать в речке свою одежду и обувь, а у меня пропало всякое желание следовать их примеру.

К концу следующего дня мы вышли к Дыроватому камню. Шли мы по-прежнему в речной долине, но там, где скалы подступали к речному руслу, приходилось по перекатам выходить на противоположный берег. В июне речка имеет ещё достаточно высокий уровень, и глубина бродов доходила до колена, а кое-где и выше. Нас поразило обилие пескарей, которые стайками бросались к нашим подошвам, чувствительно покусывая босые ноги. В конце концов, мы перестали снимать обувь, двигаясь от переката к перекату, даже не выливая воду из кед.

Лагерь решили устроить на противоположном от Дыроватого камня берегу, на обширной сенокосной луговине. Выяснилось, что хлеб у нас на исходе и Антонина Степановна предложила добровольцам сходить на Бажуково, чтобы пополнить запасы провизии. Ноги у меня уже зажили, и в компании моих близких друзей мы направились к разъезду по хорошо набитой тропе.

Магазинчик был уже закрыт, но мы разыскали продавщицу, и она охотно открыла своё заведение и выдала нам всё необходимое.

Надо отметить, что в Бажуково тогда существовал железнодорожный разъезд, позволявший тихоходным товарным составам на паровозной тяге, расходиться на одноколейном пути. В Бажуково было людно. Здесь жили путейцы, дежурные на стрелочных переводах, начальник разъезда и другие работники железной дороги. Была железнодорожная станция с небольшим, но уютным залом и билетной кассой.

Со всеми жителями Бажуково позже мне довелось познакомиться и даже со многими подружиться, но это – отдельная история.

В тот вечер, когда мы пришли в Бажуково, солнце уже склонялось к закату, и мы, поблагодарив продавщицу, двинулись в обратный путь, но где-то на развилке, в сумерках, свернули с тропы не в ту сторону. Выйдя к реке, мы каким-то образом догадались, что наш лагерь находится ниже по течению. Ничего не оставалось делать, как спуститься в пойму и пойти в сгущающейся темноте в ту сторону, где, как мы думали, находится наш лагерь. Над поймой повис лёгкий туман. Где-то в лугах пела свою странную песню странная птица коростель, над головой пару раз пролетел какой-то крупный хищник. Скалы сделались выше, лес на скалах стал совсем чёрным.

Не помню, сколько раз мы прошли речку вброд, но в двух местах глубина брода оказалась выше середины бедра. Мы забеспокоились, но не потому, что нам было жутковато, а потому что в лагере нас заждались и, думаю, начали также беспокоиться. Не помню, кому в голову пришло остановиться и покричать. И, о радость! Нас услышали! Мы почти бегом бросились в сторону голосов и через несколько минут увидели свет фонариков – наши ребята пошли нас искать.

Вскоре мы оказались в лагере с чувством радости и глубокого облегчения. Правда, Антонина Степановна нас слегка пожурила за невнимательность и беспечность. В самом деле – где тут плутать, смотреть надо было под ноги!

Следующий день ознаменовался посещением пещеры «Дружба» – самой большой в Свердловской области. От этого визита у меня остался неприятный осадок. Пещера уже во входном гроте встретила нас холодом (по стенам кое-где ещё висел лёд) и сумраком. От входного грота, вглубь пещеры вели три сравнительно тесных хода и самые инициативные из нас тут же двинулись в эти зияющие непроницаемой чернотой дыры при тусклом свете фонариков, батарейки которых были уже давно основательно разряжены. Меня охватил страх – вдруг кто-то потеряется в этой черноте? Какие там ждут страшные сюрпризы? Ведь никто из нас до этого не был

в пещерах. Но, к счастью, энтузиазм исследователей быстро угас и, стуча зубами от холода, мы в полном составе вернулись на поверхность, где тёплый июньский полдень встретил нас запахами цветущих трав, пением птиц и комариным звоном.

Кстати, мои опасения позже подтвердились. Эта пещера не относится к сложным (по спортивной классификации не дотягивает и до первой категории сложности), но разгильдяйства не прощает. Во второй половине 1970-х гг. здесь погиб студент дорожно-строительного техникума, провалившись под лёд подземного озера в гроте «Этажерка». Второй эпизод в том же озере, едва не закончился трагедией лишь потому, что в этот момент в пещере оказалась группа туристов-экскурсантов. Главная опасность этого места состоит даже не в том, что неглубокий колодец, который идёт к озеру, имеет гладкие стенки, а в том, что вода в колодце – ледяная даже летом. Человек, попавший в эту ловушку, погибает, даже в одежде, от переохлаждения через 10-15 минут. Но в те далёкие годы я ничего об этом не знал, и только какое-то чутьё подсказало мне, что посещение пещеры требует подготовки и снаряжения.

Обилие пещер в долине Серги и её ближайших окрестностях придаёт ландшафту этой реки особое очарование и какую-то недосказанность, таинственность.

В том далёком прошлом я почувствовал не только это очарование, но и ощущение того, что кто-то. незримо присутствующий здесь тысячелетиями, добрый и мудрый, был рад нашей короткой встрече, и мы расстались с надеждой увидеться вновь. Так оно и получилось. Не по одному разу в году я стал приезжать сюда и с друзьями, и в одиночку, вначале в качестве туриста, потом исследователя и, наконец, ради реализации своей мечты – создания здесь национального парка.

В конце концов, я построил в Бажуково свой дом и окончательно поселился здесь, научившись зарабатывать на жизнь разными ремёслами, продолжая изучение долины Серги и её удивительных феноменов.

Я надеюсь в деталях описать свои приключения, встречи с разными людьми, свои поражения и победы в течение последних двадцати пяти лет моей жизни.

История названия и логотипа природного парка «Оленьи ручьи»

Великое часто проявляется в мелочах, кажущихся совсем пустячными, никак и ничем не связанных между собой и средой, которая их окружает. Именно с таких мелочей и началась история возникновения названия природного парка «Оленьи ручьи» и его символа или логотипа.

В июне 1965 года классная руководительница 10«А» класса школы № 29 города Ревды Антонина Степановна Воронова повела нас в многодневный турпоход, начавшийся в старинном раскольничьем селе Краснояр (Ревдинский район Свердловской области), через гору Шунут, Верхние Серги, Нижние Серги. От Нижних Серёг дальнейший маршрут проходил по долине реки Серги до станции Михайловский завод. Этот поход дал не только массу ярких впечатлений о природе, но и позволил за неделю с небольшим узнать столько нового о своих одноклассниках, чего я не узнал о них, проучившись вместе два года.

Начиная с 1971 года, я провёл в долине реки Серги несколько самостоятельных экспедиций по изучению физиологии редких растений на известняковых скалах вдоль берегов реки. Попутно, из любопытства, я продолжал знакомство с местными достопримечательностями и через 3-4 года приобрёл в кругу своих знакомых и друзей репутацию знатока этих мест.

В то время я свёл знакомство с Валерием Трофимовичем Петриным, сотрудником кабинета археологии Уральского государственного университета. Он, так же как и многие другие ребята из нашего круга, был «болен» Сергой. Правда, эта болезнь имела археологический уклон. В. Т. Петрин со своими помощниками обнаружил и описал несколько стоянок древних охотников в долине реки Серги. Как-то я полюбопытствовал, каким образом он обнаруживал эти стоянки, которые были населены много столетий тому назад и никаких признаков в современном ландшафте не обнаруживали.

Валера ответил на этот вопрос экскурсией по Серге, продолжительностью около двух дней. На первой остановке он

предложил мне выбраться на берег и выкопать траншейку глубиной около 20 сантиметров в указанном направлении.

Не прокопав и метра, я увидел слой прокаленной почвы с вкраплениями тёмных пятен и осколков светло-серого кремня, оказавшимися отщепами, оставшимися в этом месте при изготовлении каменных орудий, возможно наконечников стрел или каких-то скребков.

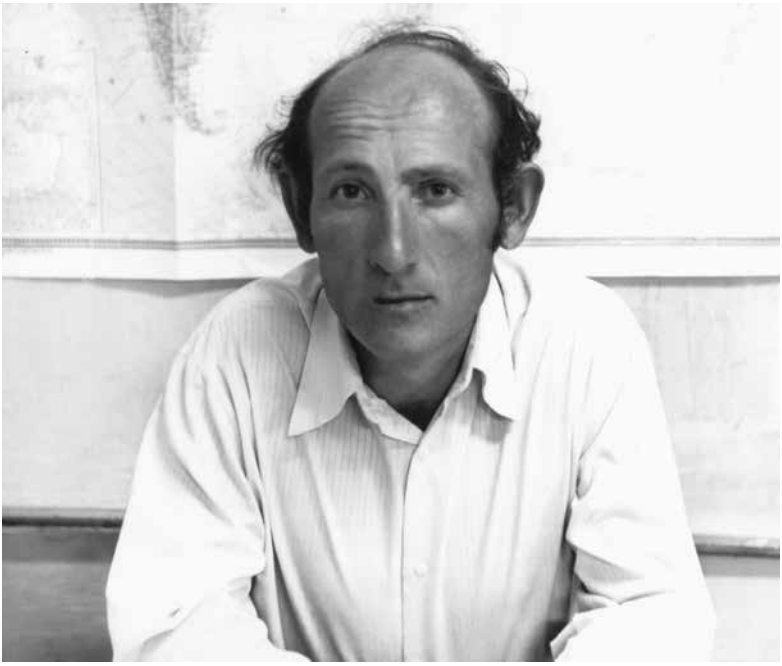
Изумлению моему не было предела!

«А что ты удивляешься? Ты взгляни на местность с точки зрения здравого смысла. Вот ты находился за день, устал и тебе хочется устроиться, где-то отдохнуть, поесть и, может быть, даже переночевать. И где же ты встанешь на ночлег? Вот, пожалуйста, сухая площадка, рядом ручеек, в пойме которого полно сухостоя для костра. Тут же старые ели, под которыми можно не опасаться даже сильного дождя. Вот и всё. Но, чтобы у тебя не сложилось ощущение, что наших далеких предков ничего, кроме еды и ночлега, не интересовало, я покажу тебе завтра кое-что посущественнее».

В тот день мы сделали ещё две пробные траншейки, получили такие же результаты, и мне не оставалось ничего, кроме того, чтобы снять шляпу перед Валерой.

В тот вечер, сидя у костра, я слушал Валеру. Обычно немногословный, но тогда, очевидно, увидев в моём лице благодарного слушателя, он увлеченно рассказывал мне о тех людях, которые жили в этих местах тысячи лет тому назад. И у меня начало складываться ощущение, что он сам – один из этих людей. Среднего роста, жилистый и крепкий, с орлиным профилем и практически лишенным волос черепом, в свете костра он даже казался мне не рядовым членом охотничьего племени – в нём чувствовалась какая-то особая древняя лесная порода. И это, в общем-то, не удивительно – Валера родом был из села Долматово в Курганской области, где с юных лет занимался рыбалкой и охотой, порой сутками пропадал в лесах, на болотах и озёрах.

Что привлекло его в археологию – трудно сказать. Проработав в университете девять лет, он так и оставался фактически завхозом в кабинете археологии, занимаясь по собственной инициативе разведкой археологических памят-

Валерий Трофимович Петрин

ников. И только в 1979 году его пригласили в Новосибирск, в Институт истории, где он быстро защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации.

Утром следующего дня мы доплыли до хорошо известного мне места. В прошлом году, если позволяла погода, я каждый день приходил на этот галечный пляж купаться.

Напротив галечного пляжика, на левом берегу реки, возвышалась скала, покрытая серыми и оранжевыми накипными лишайниками. А чуть вверх по течению, на уровне воды, в скале был виден грот, из которого в Сергу впадает небольшой подземный ручей. Шум его в тихую погоду отчетливо слышен с противоположного берега.

Во время купания я подплывал к самой скале, видел детали её поверхности, разглядывал «свои» растения, галок, гнездившихся в трещинах и небольших углублениях на поверхности скалы, но ничего другого, особенного, не видел.

Вид на скалу Писаница

Нижнесергинская писаница

А тут, подплыв к самой скале, Валера поднял весло и крикнул: «Смотри!» И я вдруг увидел вначале круглое пятно темной охры, а затем и всю фигуру лося или оленя, выполненную в традиционной манере древних охотников, когда тела животных часто изображались как бы в продольном разрезе и иногда достаточно детально прорисовывались внутренние органы. Как правило, несколько преувеличивались и пяточные кости задних конечностей.

В том, что рисунок подлинный, никаких сомнений не возникало – местами охра оказалась частично закрытой потеками извести, местами исчезла вместе с отщепившимися кусочками скалы. Рядом были видны частично сохранившиеся контуры других оленей (или лосей), изображение человека в лодке, сцена загонной охоты и в верхней части композиции – солярный знак (стилизованное изображение солнца).

Такие рисунки не редкость на других уральских реках, но на Серге это единственная писаница. В моей жизни это, наверное, самая яркая иллюстрация известного выражения «смотреть и видеть – не одно и то же». Сегодня я вижу эти рисунки с расстояния более сотни метров.

Идея использования древнего изображения крупного копытного животного в качестве логотипа будущего парка родилась в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия. В эти годы (с 1975 по 1985) в долине реки Серги и её окрестностей работала студенческая дружина Уральского госуниверситета по охране природы. Главным направлением деятельности было создание в этих местах природного парка. На основе материалов, полученных студентами в ходе летних и зимних экспедиций, в течение трёх лет мною было подготовлено технико-экономическое обоснование, лёгшее позже в основу проекта парка.

Автор этих строк в течение десяти лет существования дружины, был её куратором, осуществляя, в основном, научное руководство и принимая непосредственное участие в полевых работах.

У нас был свой стационар – большая изба человек на 20, в нижнем течении Митькиного ручья, служившая базой для полевых работ и рейдов по борьбе с браконьерством.

Стационар у Митькинского ручья. Фото В. Лузина

И вот на этой базе в августе 1979 года и родилась идея – использовать наскальный рисунок в качестве логотипа будущего парка. В нашей компании трудился в ту пору Алексей Сабанин, студент биофака, выполнявший обязанности комиссара отряда, занимавшегося благоустройством туристического маршрута, который сейчас в Оленьих ручьях называется главным маршрутом. Кроме всего прочего, Лёша был талантливым самоучкой - графиком, умевшим несколькими штрихами создать на бумаге точные выразительные образы живых существ.

Именно Алексеем Сабаниным и был разработан современный логотип парка, включающий стилизованное изображение лося и надпись «Оленьи ручьи», выполненную оригинальным шрифтом. Этот символ в течение 20 лет многократно тиражировался, украшая самодельные аншлаги и маркировку маршрутов будущего парка, пройдя, таким образом, испытание временем.

К великому сожалению, Лёша рано ушел из жизни, не дожив до реализации мечты, которой посвятили свои молодые годы десятки энтузиастов студенческой дружины Уральского университета.

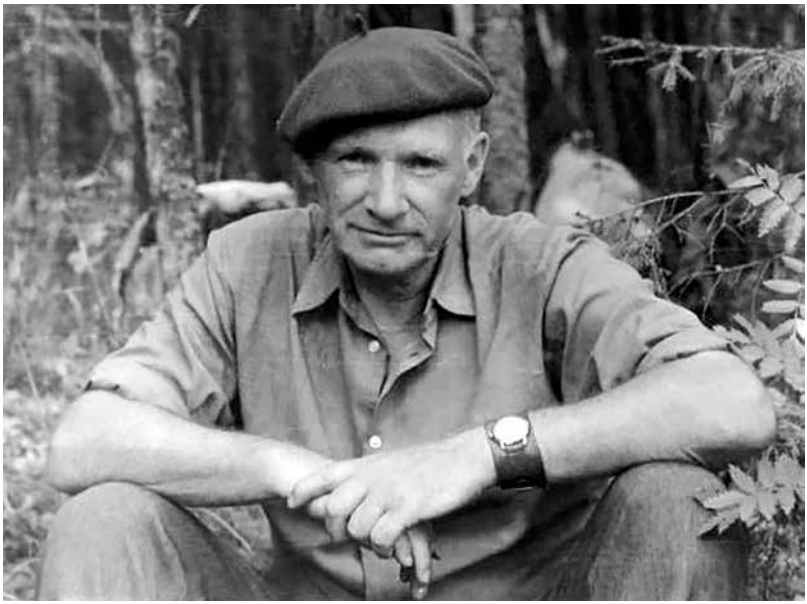

Алексей Сабанин. Фото А. Доброва

Название парка «Оленьи ручьи» также родилось не сразу. В 1975 году, когда началась работа по созданию парка, мы использовали название «Среднеуральский национальный парк» – достаточно громоздкое и безликое. Исследовательские полевые работы велись на площади 130 тысяч гектар и включали участки Полевского, Ревдинского и Нижнесергинского административных районов.

Тогда мне попала в руки книга А. К. Матвеева «Неройки караулят Урал», и я понял, что по вопросам топонимики лучшего консультанта мне не найти, и направился на филологический факультет родного университета.

Александр Константинович приходился дальним родственником моей первой жены Марины Валерьяновны. Ко времени нашей встречи ему было уже под шестьдесят. Венчик седых волос, добрые, внимательные глаза – внешне вполне обычный человек, но чувствовалась в нём старая интеллигентская порода.

Александр Константинович Матвеев

Когда я поведал Александру Константиновичу о цели своего визита, в глазах его появился живой огонёк, и у нас завязалась долгая беседа, из которой я вынес массу интересных сведений не только о топонимике и истории района исследований. Всё оказалось более сложным и более захватывающим, нежели я себе представлял первоначально. Дело в том, что на Среднем Урале исторически проживали различные народы, память о которых сохранилась в топонимах - названиях мест (рек, речушек, ручьев, гор, холмов, урочищ). Сохранились топонимы финно-угорские (мансийские, коми-пермяцкие), тюркские (булгарские, башкирские), ну, и, естественно, русские.

Однако, оказалось, что с детства знакомые названия реки Ревда и совсем рядом, всего-то за Коноваловским увалом, речки Ревдель (притока Бардыма), не желали поддаваться никаким топонимическим объяснениям. Бытовали они в районах, где до прихода русских переселенцев проживали башкиры. Свидетельством чего является тот же самый Бардым. Но в тюркских языках начальное «Р» отсутствует. Если опускаться

хронологически в топонимику дотюркских – финно-угорских языков, представители которых освоили этот край задолго до башкир, то и в вогульском (мансийском) языке отсутствуют подобные корни. Только предавшись совсем уж безудержным фантазиям, можно попытаться найти близкое по звучанию «ревт» лишь в одном из финно-угорских языков – саамском. Однако, где Средний Урал, и где саамы? Саамы проживают на Кольском полуострове, от Среднего Урала отстоящего на 3000 километров. О пребывании на Урале родственных им племен нет никаких указаний. Кроме топонимов. С саамского же «ревт» можно перевести как «олень, (бык)», либо «рувьт» – «железо». На Кольском полуострове встречаются топонимы типа Ревтъявр – «Оленье озеро», или Рувьтъявр – «Железное озеро», есть даже название поселка в Мурманской области только с другим ударением – Ре́вда.

Могло ли состояться грандиозное переселение носителей саамского языка с Урала в далекую Карелию, как минимум тысячу лет тому назад? Неизвестно.

Но главное прояснилось. Названия местных водостоков могут быть переведены на русский язык, как Оленья река или Олений ручей.

Вот таким незамысловатым образом появилось на карте Урала название природного парка «Оленьи ручьи».

Логотип Студенческого строительного отряда «Серга» тогда ещё планируемого Национального парка «Оленьи ручьи», 1981 г.

ДИКИЙ ЗАПАД (Университет. Наука. Серга. Щелпы)

В те славные шестидесятые годы помощь работникам села в уборке урожая была устойчивой традицией, освящённой решениями партийных органов.

На первый взгляд, не очень рационально тратить целый месяц драгоценного учебного времени на уборку картофеля. Однако, этот месяц напряжённого совместного труда помогал студентам-первокурсникам непросто познакомиться и понять, кто чего стоит, но и сплотиться в дружный студенческий коллектив. Из пятидесяти человек нашего курса парней было только четырнадцать, в основном – вчерашние школьники, но двое из нас прошли армейскую службу и пользовались определенным авторитетом не только среди нас, но и среди второкурсников, где ядром коллектива были парни также прошедшие армейскую школу.

Первые дни все первокурсники были поставлены «в борозду» и их задача состояла в том, чтобы, следуя за картофелекопалкой, наполнять мешки картофелем, оставляя их на поле кучками по 10-20 штук.

Задача грузчиков состояла в погрузке мешков в машины и выгрузке картофеля в овощехранилище. Очень скоро почти

Студенты биофака УрГУ на картошке в Красноуфимском р-не, 1964 г.

все наши ребята были переведены из «борозды» в грузчики. Работа была не из легких. Трудились без выходных и, бывало, за день так накидаешься этих мешков, что к вечеру и языком не ворочаешь. Единственная возможность передохнуть минут 10-15 появлялась в те минуты, когда грузовик шел с поля в овощехранилище и обратно в поле. Один или два раза за всё время лил хороший дождик, загонял всех под крышу. Так что времени на развлечения или романтические приключения у нас просто не было. Но запомнился один яркий эпизод. В один из дождливых дней ребята пошли к зерноскладу, шиферная крыша которого была усеяна голубями. У одного из старших парней была двустволка. Выстрелив дробью из обоих стволов по крыше, ребята насобирали кучу убитых птиц и уволокли их в столовую, где их ощипали, выпотрошили и зажарили на противнях.

Приближалась полночь. Нас было двенадцать человек, и мы уже уселись за стол, но, сглатывая слюну, к еде не прикасались – ждали тринадцатого, которому было поручено раздобыть водку. За окнами усиливался дождь, и ровно в полночь дверь распахнулась и гонец в брезентовом плаще с капюшоном, из-под которого был виден только квадратный заросший недельной щетиной подбородок, под наши радостные вопли стянул с себя заветный рюкзачок.

Стол был сервирован с изысканной простотой – кроме противней с жареным мясом и нескольких бутылок водки на нём ничего не было. Да и компания была как в каком-нибудь из пиратских романов Стивенсона – тринадцать грязноватых и небритых молодцов в «брезентухах» и резиновых сапогах.

Дивная была ночь! Жаль только, что со стола смели всё убранство за каких-нибудь 15 минут, но какое было общение!

С нашими старшими товарищами – второкурсниками – мы общались как со старшими братьями, постоянно чувствуя их поддержку и внимание. Уже там, в колхозе, они много рассказывали о факультетских педагогах, традициях факультета, научной работе на кафедрах.

Комиссаром нашего картофельного отряда был Николай Фирсов – будущий декан факультета, кстати, самый «долгоиграющий» за всю историю биофака, прирождённый адми-

Александр Добров в годы студенчества

Николай Фирсов, студент 2 курса. 1966 г.

нистратор. Я думаю, что именно благодаря его усилиям мы работали слаженно, без задержек и простоев. Не помню так же, чтобы у нас были какие-либо бытовые проблемы.

Тем временем, работа подходила к концу и, в соответствии с традицией, первокурсники должны были подготовить и провести самодеятельный концерт из юмористических сценок и песен под собственный аккомпанемент. Концерт прошёл под дружные аплодисменты наших ребят и жителей села. Мне предстояло исполнить популярную в те времена песенку морской тематики. И я исполнил, аккомпанируя себе, как умел, на гитаре. Но на последнем куплете позорно «пустил петуха». От стыда и горя я убежал с концерта и побрёл на опушку ближайшего леска, туда, где мы несколько раз пекли картошку, развёл маленький костерок и уставился на огонь, погрузившись в невеселые мысли. Вдруг я почувствовал чьи-то легкие шаги и перед моим крохотным костром я увидел маленькую фигурку. Это была наша однокурсница Марина. Я уже не помню слова, с которыми она обратилась ко мне, но это были слова поддержки и утешения, которые согрели и упокоили меня. Дружеские отношения, установившиеся

между нами, скоро перешли в настоящую любовь, продолжавшуюся долгие годы. В конце учёбы мы поженились, и через год у нас родился первенец – Дима. Спустя несколько лет, появился второй мальчик – Володя. По нынешним меркам, мы жили тогда крайне бедно, но наша семья выдержала испытание нищетой и другими трудностями, во многом благодаря Марине.

Об учёбе на биофаке, о жизни в студенческой среде, о замечательных педагогах следовало бы написать целую книгу. Здесь же я вынужден быть предельно краток.

Вспоминается, что первый и второй курсы были самыми трудными, хотя, сравнивая школьную учебу с университетской, нужно отметить, что даже история КПСС, диалектический материализм и другие общественные дисциплины допускали определенный люфт – на семинарах можно было обсуждать лекционный материал и даже высказывать особое мнение по каким-либо вопросам. Большинство из нас интуитивно понимали, что всё преподавание общественных наук в то время являлось промыванием мозгов с целью поддержания существующего в Советском Союзе и других странах социалистического лагеря коммунистического режима. Понимали мы также, что основной посыл коммунистической идеологии об изначальном равенстве людей не имеет под собой никакой биологической базы, поскольку любое сообщество высших существ всегда образует своеобразную пирамиду.

В человеческом же сообществе эта пирамида имеет весьма жёсткую структуру и для того, чтобы сохранить своё положение в этой пирамиде, нужны определенные усилия. Причём конкурентная борьба между членами сообщества тем острее, чем выше уровень, который занимает в сообществе тот или иной индивидуум. Да ладно бы, если в этой конструкции участвовали бы на честной основе ум, профессионализм, практические навыки, красота и физическая сила. Сплошь и рядом среди «продвинутых» мы видели подлецов и эгоистов, подхалимов и прочих мерзавцев, которые не брезгуют любыми средствами для достижения своих корыстных целей.

Честно сказать, отчётливое понимание этого социального устройства, пришло гораздо позднее. В те же юные годы,

Е. Я. Ильина на первомайской демонстрации

мир выглядел куда более комфортным и полным радужных надежд.

Возвращаясь к теме учёбы в университете, нужно отметить, что обучение здесь носило совершенно другой характер, нежели в школе. Во-первых, у большинства студентов была чёткая мотивация – мы сделали свой профессиональный выбор, и понимали, для чего нам нужны знания, а, во-вторых, талантливые и высококвалифицированные педагоги, учившие нас, усиливали эту мотивацию, как личным примером, таки содержанием учебных курсов, раскрывая перед нами сложную гармонию живой природы.

Евгения Яковлевна Ильина, преподававшая анатомию и физиологию растений, была тем человеком, который распахнул перед многими поколениями студентов двери в мир биологии, исполненный поэзии и красоты. Её лекции и практические занятия запомнились мне как самые яркие из дисциплин, преподаваемых нам на первом курсе.

К слову сказать, Евгения Яковлевна была требовательным педагогом – заработать у неё «пятёрку» на контрольных мероприятиях было весьма непросто.

А. Т. Мокроносов. Фото Е. Мокроносовой

И, наконец, никто из нас не забудет полевой практики на биостанции и приветствия на первом занятии, с которым обратилась к нам Евгения Яковлевна, уже немолодая женщина:

«Здесь, как и многим поколениям ваших предшественников, вам предстоит пройти испытание латынью, комарами, ночными холодами (мы жили в палатках) и любовью».

Адольф Трофимович Мокроносов, заведующий кафедрой физиологии растений и лабораторией фотосинтеза запомнился нам, как олицетворение всего передового, что было тогда на факультете.

Энциклопедически образованный, глубокий специалист в области физиологии и биохимии фотосинтеза, интеллигентнейший человек – казалось за ним стоят поколения научной аристократии, был уроженцем деревни Глинка Режевского района, родом из крестьян.

Что и говорить, особой дисциплиной мы – студенты – не отличались, но лекции любимого профессора всегда собирали полную аудиторию.

Адольф Трофимович вовсе не был кабинетным учёным – он принимал участие во многих экспедициях на Дальнем Востоке, в горах Памира, в Каракумах и, Бог знает, где ещё, и был прекрасно адаптирован к любым полевым условиям. В течение первых двух лет после защиты диплома я работал

под руководством Адольфа Трофимовича, и мне посчастливилось отработать два полевых сезона в северо-восточной Туркмении, где у меня была возможность узнать своего шефа поближе. Но это уже особая история, и, может быть, я когда-нибудь расскажу её.

Начиная со второго курса, я совмещал учебу на дневном отделении с работой лаборанта (0,5 ставки): сначала в лаборатории биофизики, затем на кафедре физиологии растений, где в мои обязанности входил ремонт приборов, а также конструирование и изготовление различных устройств для научных экспериментов (вот где пригодился радиолюбительский опыт и учёба в радиоклубе).

В 1969 году на факультете появился Владимир Семёнович Мархасин – молодой кандидат наук, лет на пять старше меня, пришедший к нам из мединститута. Невысокий, черноволосый, с насмешливыми карими глазами и аккуратной академической бородкой. Его облик ассоциировался у меня со стихами Окуджавы «Флейтист, как юный князь изящен…».

В. С. Мархасин на кафедре

Блестящий теоретик и лектор, читавший нам лекции по вариационной статистике, науке, казалось бы, сухой и вовсе нешуточной, основы которой Владимир Семёнович излагал на своих лекциях, иллюстрируя убедительными жизненными примерами и пользуясь яркими речевыми оборотами: «И вот, оглядываясь с высот современных научных достижений на пройденный путь, мы видим горы теоретических трупов, увязших в болоте фактов».

Именно, благодаря В. С. Мархасину, мы получили представление о методологии современной науки, где доказательством является не сам факт, но статистически обработанная совокупность фактов.

Вскоре вместе со своим другом, студентом-физиком Виктором Бойко, мы под руководством Владимира Семёновича выполнили одну на двоих сначала курсовую, а затем и дипломную работу, которая прошла успешно защиту вначале на кафедре оптики полупроводников, а затем на кафедре физиологии человека и животных.

Впоследствии наше близкое знакомство с Адольфом Трофимовичем и Владимиром Семёновичем перешло в дружбу, которая с Адольфом Трофимовичем продолжалась до самой его кончины, а с Владимиром Семёновичем продолжается и по сей день.

В моём повествовании река Серга как бы отошла на второй план, но, на самом деле, я возвращался на её берега, пользуясь каждой возможностью. Конечно, были и другие районы путешествий, но Серга притягивала меня с особой силой и, где бы я ни путешествовал, я всегда помнил очарование этих мест и ждал встречи с ними, как с близким и любимым человеком.

Вскоре после окончания практики на биостанции я вновь поехал на Сергу, уже не один, а с одним из моих друзей – однокурсником Валентином Короной. Это был весьма неординарный человек тонкого душевного склада и богатого внутреннего мира, особенностью которого был мистический настрой.

В те далёкие годы, в отличие от Валентина, я был убеждённым материалистом инженерного склада, или, как обзы-

вал меня Корона, – ползучим эмпириком. Но Валентин поколебал мои убеждения и долгий жизненный опыт убедил меня в том, что границы мира, в котором мы живём, гораздо шире, чем представляется на первый взгляд, ежели они вообще существуют.

И вот тут, на Серге, мы и сблизились по той причине, что ещё до знакомства с Валентином я отчётливо понимал, что магическая красота Серги – это не только видимый живописный ландшафт, но и скрытые в нём душевные потенции и особый язык, который при желании может понять почти каждый. Как тут не вспомнить слова Афанасия Фета:

Не то, что мнится вам природа,
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть любовь, в ней есть свобода,
В ней есть душа, в ней есть язык...

Вскоре к нам присоединился Коля Смирнов, сын известного палеонтолога Георгия Алексеевича Смирнова. Сын унаследовал от отца страсть к научным исследованиям, с той разницей, что область научных исследований Георгия Алексеевича была палеонтология палеозоя (отрезок геохроноло-

Коля Смирнов, Валя Корона, Саша Добров

гической шкалы, отстоящей от нас на сотни миллионов лет), а научные интересы Коли в основном связаны с последним отрезком истории биосферы – с четвертичным периодом. Важно отметить, что на Серге Коля побывал в совсем юном возрасте, сопровождая отца в экспедициях, а затем, в школьные годы, участвовал в самодеятельных экспедициях и путешествиях под руководством старшего брата. В студенческие годы мы неоднократно направлялись на Сергу в любительские прогулки, исследуя пещеры, как летом, так и зимой, и во время этих совместных путешествий, благодаря Коле, я узнал о Серге много нового.

Вскоре после окончания учёбы в университете, Коля уже профессионально начал заниматься исследованием палеоландшафтов четвертичного периода, используя естественно, палеонтологические методы. Наша связь сохраняется до настоящего времени, и надо отметить, что результаты исследований Николая Георгиевича легли в основу не только просветительских, но и учебных программ созданного в долине реки Серга природного парка.

Немного я знаю людей, сохранивших жизненный курс, выбранный в юности и достигших замечательных результатов (так и хочется сказать «на склоне лет») в зрелые годы.

К слову, правильно называть сегодня Колю – их благородие, доктор, профессор, член-корреспондент Российской Академии наук Николай Георгиевич Смирнов. К этому титулу можно добавить ещё: капитан, командир мотострелковой роты (в отставке), но о том, как Коля и его однокурсники заработали это звание, расскажем в отдельной публикации. В заключение этого короткого рассказа о своём друге, хочу добавить, что именно он помог мне понять, что четвёртая координата окружающего нас пространства – время – радикально изменяет картину мира, в котором мы живём, делая её более полной и понятной.

В лаборатории фотосинтеза, где я работал в последние годы учёбы и ещё спустя два года после защиты диплома, применялись две простые и изящные методики, позволявшие изучать тонкие биохимические процессы фотосинтеза, протекающие в зеленых растениях на свету. Грубо говоря,

фотосинтез – это фотохимическая реакция образования из воды и углекислого газа с помощью зеленого пигмента растений, сахаров, являющихся основой синтеза более сложных органических молекул, вплоть до целлюлозы (клетчатки) белков и жиров. При фотосинтезе выделяется кислород и 20% газового состава современной атмосферы – это и есть тот кислород, который образуют зелёные растения-автотрофы, дословно, «питающиеся самостоятельно». Распространённое заблуждение, что растения берут питание из почвы – не более, чем заблуждение. Из почвы растения берут лишь воду и небольшое количество минеральных солей. В этом легко убедиться, сжигая растение, после которых остаётся лишь кучка золы. Органические же вещества, разлагаясь в огне на воду и углекислый газ, уходят в атмосферу, также как и углекислота, и вода, образующиеся в результате естественного разложения умерших растений и их частей.

Разумеется, что все остальные живые существа, населяющие нашу планету, полностью зависят от зелёных растений, потому что не только обеспечивают пищей всех остальных, но и поддерживают постоянный приток кислорода в атмосферу, без которого жизнь на Земле, в том виде, в котором она существует сегодня, была бы невозможна. Поэтому, нет нужды объяснять важность изучения фотосинтеза, являющегося глобальным и фундаментальным процессом.

В конце 1960-х – начале 70-х гг. стартовала Международная Биологическая Программа, и наша лаборатория внесла свой скромный вклад в реализацию этой программы, изучая процессы фотосинтеза в разных природно-климатических зонах, начиная от Арктики до Каракумов, вдоль шестидесятого меридиана. Один из важнейших практических вопросов, на который должна была ответить эта программа, – это вопрос о том, сколько людей может прокормить та площадь Земли, включая поверхность мирового океана, где существуют условия для жизни зелёных растений, как естественных сообществ, так и посевов культурных растений.

Оказалось, что этот лимит не так уж и велик – при существующем темпе роста народонаселения он может быть исчерпан в ближайшие десятки лет. Но здесь мы вступаем

в область политики и экономики, уже совсем далёкую от главной темы нашего повествования, и мы вернёмся в нашу лабораторию.

Первая из упомянутых методик состояла в том, что вместо стабильного изотопа углерода (C12) растению предлагается (в составе газовой среды, окружающей растение) нестабильный изотоп (C14), который подвержен медленному радиоактивному распаду с выделением ионизирующего излучения, которое легко обнаруживали либо с помощью специального детектора, либо путём контакта с рентгеновской плёнкой, которая после проявки чернеет в тех местах, которые подверглись облучению. Химические свойства этих двух изотопов (C12 и C14) одинаковы, поэтому растения их не различают.

Вторая методика, всегда применявшаяся в нашей лаборатории вместе с первой, называется хромотографией. Этот метод был изобретён русским ботаником по фамилии Цвет, более ста лет тому назад. Суть методики состоит в том, что если капельку смеси, содержащей органические вещества нанести на рыхлую фильтрованную бумагу, можно увидеть, как эта капелька расползается по бумаге, и если вещества имеют хотя бы незначительную окраску, то после высыхания смеси, на месте нанесённой капли мы увидим несколько концентрических колец.

Происходит это потому, что молекулы исследуемой смеси имеют разные размеры и форму, и, соответственно, с разной скоростью проходят между волокнами бумаги. Каждое кольцо соответствует тому или иному веществу, входящему в состав раствора.

В более усложнённом варианте анализа после высыхания смеси лист бумаги вертикально погружают одним краем, там, где нанесена высохшая капля, в специально подобранный органический растворитель и он, пропитывая бумагу, тащит за собой смесь молекул от места старта вверх, образуя цепочку пятен, каждое из которых содержит какое-то из веществ, находившихся в исследуемом растворе.

Если вещества не имеют выраженной окраски, то, обработав после высыхания бумажный лист специальным ин-

дикатором, эти пятна можно увидеть. В нашем же варианте, где применялся радиоактивный углерод, местоположение пятен, их размеры обнаруживались с помощью рентгеновской плёнки.

Позже появились другие методы хромотографии, в том числе тонкослойная и газожидкостная, которые позволяют более точно и быстро определять последовательность и скорость протекания биохимических процессов в живых организмах. В начале семидесятых мне удалось поработать в рамках Международной Биологической Программы в Каракумах (Туркмения), в долине реки Белой (Башкирия) и, конечно, на Серге, где я провёл два полевых сезона, изучая фотосинтез скальных растений.

Долина реки Серги имеет особое значение в ландшафтах Среднего Урала, занимая пограничное положение между темнохвойными лесами среднеуральского низкогорья и лесостепными ландшафтами Южного Урала, которые подходят вплотную к Серге, в южной части её течения. Кроме того, по скальным береговым обнажениям здесь в северном направлении вклиниваются островки реликтовой флоры древних степей, покрывавших обширные водоразделы 7-20 тыс. лет тому назад.

Неудивительно, что видовой состав обитающих здесь только высших растений насчитывает более семисот видов. Для сравнения укажу, что в окрестностях Двуреченска, где находится биостанция университета, обитает примерно 250 видов растений.

Адольф Трофимович безоговорочно поддержал мой выбор места полевого стационара на Серге не только в силу указанных особенностей этих мест, но и потому, что Серга для него, как и для меня, была не просто названием на карте. Специально для этих экспедиций мной были сконструированы и изготовлены два прибора: полевой Х-радиометр и фотосинтетическая камера, тиражированная в трёх экземплярах. Этот прибор включал несколько ноу-хау, разработанных нами совестно с Адольфом Трофимовичем. Лет пять спустя шеф с досадой сообщил мне, что какие-то ушлые ребята из Израиля запатентовали эту камеру. Но, что поделаешь, ни

Хроматограф

Адольф Трофимович, ни тем более я не были практичными людьми в делах такого рода.

Весной 1973 года я начал подготовку первой самостоятельной научной экспедиции на Сергу, а в июне начал полевые работы. Однако погода выдалась на редкость неблагоприятная – почти всё время шёл дождь, а в редкие дни без дождя по небу шли кучевые облака, которые были серьёзной помехой в опытах, поскольку освещённость всё время менялась и получать сопоставимые результаты в ряду повторных экспозиций не было никаких возможностей.

Тем не менее, камера для изучения скорости фотосинтеза и полевой альфа-радиометр прошли успешные испытания, и было выбрано очень удачное место для стационара в районе Дикого Запада.

На топографических картах это место обозначено, как «лесоучасток Серга», но тогда я об этом не знал, и для себя в шутку окрестил это место Диким Западом за некоторое сходство с ландшафтами, в которых снимались индейско-ковбойские боевики с участием Гойко Митича, шедшие в то время в наших кинотеатрах.

Этот участок речной долины представлял собою широкую сенокосную пойму, замкнутую с востока известняковой

Дикий Запад. Фото А. Доброва

скалой, протянувшейся метров на 600 на расстоянии около 200 метров от речного русла. На Серге, над скалистыми берегами, мы почти везде видели лес. Здесь же скалы выглядели безлесными, потому что лесопосадки, выполненные недавно, ещё не поднялись.

Покос под скалами принадлежал семье Изгагиных, которые из-за погоды выехали на сенокос только в первых числах июля. Как раз в это время я на пару дней уехал в Свердловск, повидаться с семьёй и пополнить запасы продовольствия, а когда вернулся на реку Сергу, то встретил там патриарха Изгагинской семьи. У избушки, стоявшей на берегу реки, я увидел старика в высоких мягких валенках, доходивших ему до середины бедер.

Дед, греясь в лучах предзакатного солнца, выстрагивал какую-то деревяшку. Перейдя речку вброд, я подошёл к нему поздороваться и не удержался от ехидного замечания по поводу пимов. На что старик спокойно ответил, что мол, доживёшь до его лет, так поймёшь, что от ревматизма в коленях такие валенки – лучшее средство.

Оказалось, что ему перевалило за 90, но в его выцветших глазах светилась мудрость и интерес к жизни, а правильные речь и благородные черты лица выдавали в нём не совсем обычное для этих мест происхождение.

И в самом деле, род Изгагиных ведёт своё происхождение от корабельного плотника, который начал свою карьеру на воронежских верфях в петровские временах.

Толковый мастеровой был замечен руководством, и вскоре был направлен в Гаагу, на повышение квалификации, как бы сейчас сказали, к голландским корабельщикам. Вскоре он получил вольную, и стал на родной верфи руководителем среднего звена. Фамилия Изгагин, вероятно, связана с его стажировкой в Гааге.

Во время войны со шведами этот человек принял участие в военно-морских сражениях со шведами и даже был удостоен какой-то награды за проявленное мужество.

Но так удачно начавшейся карьере пришёл конец. Надерзив кому-то из начальства, Изгагин был отстранён от службы и отправлен на демидовские заводы, на Урал.

Такую историю поведал мне изгагинский патриарх, отметив, что к местным Гамаюнам, (так называет себя часть местного населения) Изгагины не имеют никакого отношения.

Любопытно, что Гамаюны представляют собою устойчивый микроэтнос, сложившийся в окрестностях Калуги ещё за несколько столетий до того времени, когда эти земли были подарены боярам Ромодановским, которые продали часть своих крепостных на демидовские заводы на Урал.

Невероятно, но факт: с тех пор, как сложился этот микроэтнос, прошло шесть столетий, а Гамаюны сохраняют свои обычаи, характерные говор и особый характер, несмотря на переселения, войны и тесные отношения с соседями.

Незаметно пролетели два часа в общении с дедом, и надо было идти к себе в лагерь, который я устроил на скалах над изгагинским покосом, хотя мне очень хотелось задать патриарху ещё несколько вопросов.

Во время моего первого появления на Диком Западе я заметил, что северная часть покоса заросла крапивой, купырем, репейником и дягилем – растениями, обитающими на

почвах, богатых азотом. Эти почвы образуются там, где когда-то жили люди. В обиходе такие заросли называются бурьяном. Эмерсон назвал их травой забвения, хотя точнее их следовало бы назвать травой воспоминаний.

Что за люди основали это селище, чем они тут занимались, в какие годы, почему они оставили эти земли – было неясно.

В тот вечер, поужинав, я сидел у своего костерка в долгих июльских сумерках, наблюдая, как над Сергой поплыл туман и как над головой разгораются знакомые созвездия.

Проснулся я поздно, в начале восьмого, оттого, что в пойме зазвучали человеческие голоса. Кто-то отбивал косу, а три человека, двигаясь в ряд, мерными взмахами кос укладывали тяжёлую от росы траву в аккуратные ряды.

Наиболее благоприятный период (пик цветения моих эндемиков и реликтов) уже заканчивался, и надо было успеть получить хотя бы несколько образцов растений для дальнейших лабораторных исследований. Поэтому я, не мешкая,

Василёк угольный. Фото А. Доброва

приступил к работе. Суть её состояла в том, чтобы сорвать кучку листьев, намеченного к пробе растения, разложить ровным слоем в рабочем объёме камеры, накрыть герметичной крышкой пластиковым прозрачным окном и ввести, с помощью дозирующего устройства, в рабочий объем камеры, строго определённое количество радиоактивного CO2 из специального газгольдера, входившего в комплект оборудования камеры.

После небольшой экспозиции камеры на солнце, крышка снималась, и одна пятая часть листьев сразу же помещалась в пары кипящего спирта. Пары, моментально проникая в ткань листьев, за доли секунды останавливали биохимические реакции листьев, фиксирую радиоактивную метку в тех соединениях, в которые эта метка успела попасть.

Ровно через пять минут в парах спирта оказывалась следующая порция и так далее, до тех пор, пока через 25 минут в парах спирта не оказывалась последняя порция листьев.

Реликтовое растение Тимьян (Богородская трава) на сергинских скалах. Фото А. Доброва

Таким образом, получалось пять проб, разделённых равными промежутками времени, которые позволяли достаточно точно определить скорость фотосинтеза, а также последовательность биохимических реакций в тканях листьев.

Понятно, что при экспозиции листьев на ярком солнечном свету они бы увяли раньше, уже через 10 минут, поэтому мы снабжали камеру водяной рубашкой, которая заполнялась холодной водой из ручейка, протекавшего в небольшой долинке, в 100 метрах от экспериментальной площадки.

К этому ручейку мне приходилось бегать с десятилитровой канистрой всякий раз перед началом очередной экспозиции. Конечно, разглядывать что-либо в ручье было некогда. Но когда работа заканчивалась, и я отправлялся к ручью за водой для бытовых нужд, то у меня появлялась возможность внимательно рассмотреть камушки на дне ручья. Там попадалось много плохо окатанных яшмовых галек, начиная от сургучной яшмы и кончая голубой и ситцевой, и ярко-красной.

В один из ненастных дней я направился вверх по течению ручья и обнаружил, что рифтовые известняки, которыми сложены берега Серги, выклиниваются меньше, чем в трёх километрах от речного русла и на дневную поверхность выходят кремнистые песчаники, слагающие Бардымский хребет, вдоль которого течёт Серга.

На границе Силура и Девона (более 400 млн. лет тому назад) Урал находился в зоне высокой тектонической активности, и какая-то часть кремнистых осадочных пород подвергалась воздействию высоких температур и давлений, что и привело к образованию разного вида яшм, особенно в южной части хребта. Таким образом появилось название «Яшмовый» у небольшого ручейка, впадающего в Сергу в районе Дикого Запада.

На исходе своего полевого сезона я успел познакомиться с семьей Изгагиных и, особенно, с Сашей Изгагиным, который работал лесником в Михайловской лесничестве. Он то и рассказал мне о том, что в предвоенные годы здесь был организован лесоучасток, который обеспечивал дровами и

стройматериалами город Михайловск. Тогда здесь и возник посёлок, в котором жило около сотни лесорубов.

В посёлке был магазин и начальная школа, в которую привозили малышню даже из деревни Половинка, в восьми километрах от лесоучастка. Жизнь посёлка оказалась недолгой, не более двадцати лет, но заросли бурьяна напоминают о ней и по сей день, хотя с момента закрытия лесоучастка прошло около 60 лет.

Около десятка подобных посёлков в Нижнесергинском районе существовало примерно в одно и то же время, но в жизни лесоучастка Серга произошла трагедия, о которой немногие живые свидетели помнят до сих пор.

В начале октября 1942 года сюда из Узбекистана прибыл отряд трудармии, численностью около ста человек. Практически одновременно появился небольшой отряд корейцев из мест компактного проживания с берегов Аральского моря.

По словам свидетелей, узбеки приехали в стеганных ватных халатах, брезентовых сапогах, тюбетейках и чалмах. Среди них почти никто не говорил по-русски. Корейцы же приехали хорошо экипированные, с чемоданами, у многих были часы, кое-кто поначалу был даже в пиджаках. Все говорили по-русски.

Приезжие жили в наспех построенных бараках. Их разбили на группы по четыре человека. На каждую группу была выделена лошадь, ручная лучковая пила («стахановка») и топор. Бригада должна была валить деревья, обрубать кроны и разделывать стволы на метровые обрубки («баланы»).

Эти «баланы» укладывались в поленницы. Дневная норма выработки составляла 4 кубометра на бригаду. Денежного довольствия «бойцы» трудармии не получали. Им выдавался сухой паек – 300 грамм пшена на человека в день.

Местное население находилось в более выгодном положении – помогали овощи со своих огородов, иногда удавалось добыть лося или какую-нибудь лесную живность. Русские, как могли, помогали приезжим, но ясно, что помощь эта была незначительной. А зима 1942-43 годов была многоснежной и морозной. И узбеки ослабли. Начали болеть и умирать. Собратья хоронили своих мёртвых в южном конце поймы.

Долбить мерзлую землю уже не было сил, и покойников складывали в снежные ямы, присыпая их снегом.

Сейчас на этом месте вырос густой ольшаник, но ещё в 1972 году я находил там человеческие останки – берцовые, тазовые кости и черепа, изгрызенные полевками и крупными хищниками.

В отличие от узбеков, с самого начала понимавших, что их ждёт, и смирившихся со своей трагической участью, корейцы больше частью выжили – помогло знание русского языка. С одним из них, в конце 1970-х гг., я познакомился. Агай Пётр Дорофеевич, работавший тогда директором маленького леспромхоза в деревне Половинка, сухой, смуглый с непроницаемым лицом. На мои вопросы о том времени, отвечал односложно и явно нехотя. Это и понятно – вспоминать детали той давней трагедии было тяжело, и я оставил старика в покое.

В тот момент мне стало ясно, что Серга с её дивными образами уже никогда больше не будет для меня лишь местом безмятежного счастья и светлых надежд. В душе поселилось чувство вины и тревоги, связанное с неясными ожиданиями будущих драматических, а, возможно, и трагических событий...

Прошёл почти год, и я стал готовиться к новому полевому сезону. В течение зимы я немного усовершенствовал камеру и радиометр, приобрёл новую палатку с ярко-голубым тентом.

Совместно с шефом мы изменили программу опытов, введя в неё серию ночных измерений, но самое главное – Адольф Трофимович направил в экспедицию студента-дипломника с нашей кафедры – Сергея Желамского, умного покладистого парня с хорошим чувством юмора, с которым мы подружились с первого дня работы на Серге.

Погода стояла прекрасная, и первые дни работы удачными ещё и потому, что работать вдвоём было гораздо проще, чем в одиночку.

Вскоре на свой покос приехала семья Изгагиных. По вечерам мы иногда спускались со своих скал попить у Саши

чайку, в котором он заваривал душицу, смородиновый лист и немного зверобоя, и послушать его незатейливые байки про работу на лесоучастке истории из жизни семьи Изгагиных и жизни местных обитателей.

Запомнились две истории о том, как Саша помог молодому лосю, который наступил своим копытом в консервную банку, и эта банка наделась ему на ногу, травмируя острыми краями кожу на ноге, причиняя животному острую боль, так что лосенок сильно хромал. Изганин терпеливо приманивал зверя и тот, наконец, доверился Саше, позволил снять злополучный «браслет» и залечить нанесённые ему раны.

Другой случай – о молодом зайце, которого преследовал филин, и заяц, буквально, бросился под ноги Изгагину. Филин вынужден был оставить свою жертву.

Наступило ненастье, и Изгагин уехал с покоса домой, а мы с Серёжей отправились в прогулки по ближайшим окрестностям, во время которых я знакомил своего нового друга с местными достопримечательностями.

Во время одной из прогулок, в районе скалы «Лягушка» мы увидели на противоположном берегу палатку, хозяином которой оказался Евгений Анатольевич Ляшенко – сотрудник кафедры магнетизма родного университета, решивший провести свой отпуск на Серге.

Мы с Женей были хорошо знакомы, поскольку он, как и я, входил в небольшое неформальное сообщество ребят, обеспечивавшее экспериментальное и учебное хозяйство кафедр химфака, физфака и кафедры физиологии растений и животных разнообразными самоделками, иногда достаточно сложными. У каждого из нас имелось своё хозяйство: инструменты, станки, материалы и радиодетали, которыми мы снабжались с разнообразных промышленных свалок в Свердловске и его окрестностях.

Иногда в своём хозяйстве кто-то из нас не мог найти какой-то необходимой пустяковой детали, но, пойдя к коллегам, можно было отыскать кусок тефлона, титановый пруток, резистор редкого номинала и прочее в считанные минуты.

Такая вынужденная кооперация со временем превратилась в коллектив друзей. Поэтому я предложил Жене пе-

ребраться в наш лагерь. Через некоторое время он поставил свою палатку рядом с нашей, но появился он не один.

Вторым оказался Слава Горфинкель, также сотрудник кафедры магнетизма, которому мне за два года до этого пришлось сдавать зачёт по практике, связанный с электрическими измерениями. Зачёт я сдал с большим трудом, причём проблема оказалась не в физической сути опытов, проводившихся на практике, а математической обработке результатов измерения.

Слава оказался дотошным и требовательным педагогом, но зачёт всё-таки поставил. Здесь, на Серге, он не был новичком, и в нашей компании сумел проявить себя совсем в другой ипостаси – доброго, с хорошим чувством юмора, тонкого душевного склада человека.

И Женя Лященко, и Слава Горфинкель быстро уяснили суть нашей работы и сильно облегчили нашу жизнь, взяв на себя все бытовые заботы. Днём они обычно уходили на рыбалку или в небольшие прогулки по окрестностям стационара, вечером же мы собирались у костра, обсуждали итоги дня и самые разнообразные темы, включая социально-политические.

Пищу для этих обсуждений давали передачи, которые мы слушали по радио. Я приволок на Сергу видавший виды приёмник «Альпинист», имевший всего два диапазона – длинноволновый и средневолновый.

В длинноволновом диапазоне круглые сутки устойчиво работали всего две радиостанции, транслировавшие всесоюзные программы. Средневолновый диапазон днём был пуст, кроме сигналов какого-то местного авиационного маяка. Ночью же он оживал голосами радиостанций всего мира.

Мы слушали различные мнения по одним и тем же проблемам и музыкальные программы, начиная от концертов Элвиса Пресли и Битлов, до русской популярной классики с комментариями музыковедов.

Благодаря заботам наших друзей, мы целые дни проводили на своей площадке, накапливали образцы проб листьев примерно десяти видов растений, наиболее часто встречающихся на скалах Дикого Запада.

Довольно скоро мы обнаружили неожиданный и непонятный эффект, проявившийся у нескольких видов растений.

Радиометрируя пробы, мы столкнулись с неясным обстоятельством: в некоторых образцах отмечалась совсем незначительная радиоактивность в первых точках, и только четвёртые и пятые точки вызывали бешеную пляску цифр на индикаторе радиометра.

Правда, эффект этот был нестабилен по сравнению с ночными опытами. Неискушенный читатель может сказать, что мы изучали фотосинтез, то есть процесс фиксации углекислого газа, протекающий исключительно на свету в листьях зелёных растений – о какой фиксации углекислого газа может идти речь в темноте?

Однако, в конце1960-х гг. уже было известно о существовании темновой фиксации, которая осуществляется за счёт энергии химических связей, накопленной растениями в дневное время. Правда, объёмы этой фиксации составляют доли процента от дневного уровня.

Именно вследствие этого обстоятельства нам пришлось увеличить время ночных экспозиций до двух часов, чтобы растения успели «насосаться» радиоактивной метки до такого уровня, который мог бы почувствовать наш радиометр. Зато ночные опыты показали, что обнаруженный нами эффект оказался более стабильным.

Наш с Серёжей доклад на ежевечернем семинаре вызвал недоумение у наших друзей-физиков и бурную дискуссию о природе этого эффекта.

Однако было принято резюме: следует дождаться результатов лабораторных анализов наших образцов, чтобы делать какие-то выводы.

Скоро в наших ежевечерних посиделках появилась новая тема: сны, которые стали видеть все жители стационара.

Я до сих пор помню детали этого жуткого сна: иду я в сумерках по тропинке, пересекающей обширную елань, и вдруг, в той стороне, куда я двигаюсь, где-то в густом ельнике, слышу отчаянный визг и крики о помощи. Бегу в ту сторону и уже на опушке леса замечаю светлое пятно; через две секунды вижу как бы женскую фигуру, бегущую мне на-

Скалистые обнажения Дикого Запада

Окрестности Бажуково. Фото А. Доброва

встречу с криком «Помогите!». Фигура неестественно тонкая. Голова и руки, протянутые ко мне, слабо светятся. Вдруг я понимаю, что это не человек – на лице громадные, в пол-лица глаза, руки кончаются длинными, очень тонкими пальцами с ногтями в виде тонких изогнутых игл, которыми это существо впивается в моё лицо, и я просыпаюсь от жуткой боли… Ощупываю лицо – нет, это всё-таки сон. Рядом слышу мерное дыхание своих товарищей, которое, то у одного, то у другого вдруг прерывается сдавленным стоном или невнятным бормотанием.

Через пару дней ребятам надо было возвращаться в город, а нам с Серёжей требовалось ещё несколько дней, чтобы закончить опыты.

В последний вечер семинар был непродолжительным – всем уже порядком надоело пересказывать свои ночные кошмары, но мы сошлись в одном – вокруг нас что-то изменилось, как будто мы притянули к себе чьё-то, отнюдь, не доброжелательное внимание, и этот кто-то или что-то ищет удобной ситуации, чтобы выкинуть нас отсюда к чертовой матери.

Тем временем пик лета уже прошёл, и хотя дни были по-прежнему солнечные и жаркие, но как только солнце уходило за горизонт становилось прохладно, и над речкой начинала стелиться лёгкая дымка, которая к полуночи превращалась в густой туман, заполнявший долину. В свете убывающей луны он стелился над рекой, подобно молочной реке, в которой угадывалось медленное движение в ту сторону, куда течёт река.

Неистовый птичий хор утих, и журчание переката, находившегося в двухстах метрах, стало отчётливо слышно. Почти каждый вечер мы слышали отрывистее «цвиканье» летучих мышей, охотившихся на насекомых, привлечённых светом нашего костра. Иногда удавалось увидеть порхающий полёт этих удивительных зверьков. Правда, когда мыши находятся в спячке в глубине пещер, и есть возможность рассмотреть их поближе, то начинаешь понимать основу жутких легенд и суеверий, связанных с этими животными.

Крохотная мордочка летучей мыши в глубоких складках, напоминает злобную гримасу вампира, а когда зверёк, про-

сыпаясь, начинает раскрывать свою пасть, густо усаженную острыми, как иглы, зубами, мы видим законченный портрет вурдалака, словно сошедшего со страниц какого-нибудь комикса страшилки. Тезис «красота» – это интуитивно ощущаемая полезность, вряд ли здесь подходит, да и во многих иных случаях – тоже.

Однако о пользе летучих мышей для лесных сообществ знают многие, поскольку именно летучие мыши, поедая ночных насекомых, сдерживают их численность, снижая вероятность массового развития таких вредителей леса, как бражники и совки.

После отъезда Жени и Славы работа шла своим чередом, а вечерами мы стали чаще бывать у изгагинской избушки, угощаясь травяными чаями со сгущёнкой, небольшой запас которой у нас ещё оставался.

Саша Изгагин был замечательным рассказчиком, и мы с удовольствием слушали его байки о жизни лесных обитателей. Как-то он сообщил нам, что совсем рядом с нашими палатками есть лисиная нора, и указал нам ориентир – выворотень почти над обрывом. Мы исследовали это место, и, действительно, под выворотнем обнаружилась маленькая карстовая воронка с небольшой пещеркой в верхней части. Почва на входе в пещерку была вытоптанной; кое-где виднелись отпечатки лисьих следов и клочки шерсти.

Удивительно, что каждый день, не по одному разу проходя к ручью за водой, буквально в десяти метрах, мы ни разу никого не видели.

Чуть подальше, на заброшенном покосе, на берегу ручья я регулярно видел свежие погрызы и лёжки лосей и неподалеку медвежьи кучи, в июле состоявшие из полупереваренных стеблей борщевика, а в августе – из косточек черёмухи.

Короче говоря, мы были не одни, но местное население, наученное долгим горьким опытом общения с людьми, на всякий случай, старалось быть незаметным.

Наша работа подходила к концу, осталось выполнить последнюю серию ночных проб. Вечером, пока было светло, мы отмечали выбранные растение светящимися в темноте маркерами, и, когда окончательно темнело, заряжали нашу

Александр Изгагин. Фото А. Доброва. 2015 г.

камеру и укладывались спать, карауля конец экспозиции по очереди. Сегодня заканчивать экспозицию должен был Сергей, но, зарядив камеру, мы оба остались у костра – из радиоприёмника неслись бодрые маршевые звуки «Желтой подводной лодки» (репертуар «Битлз»).

Вдруг нарастающий хриплый гул заглушил чудесную музыку, и все попытки очиститься от помех оказались безуспешными. По всему средневолновому диапазону шёл уже не гул – вой, продолжавшийся около двух минут. Затем наступила полная тишина, нарушаемая лишь слабым шипением низкочастотного тракта радиоприемника.

Нужно было дожидаться ещё два часа до окончания пробы, но, оставив Сергея у костра, я пошёл в палатку и сразу уснул. Проснулся я, по-видимому, через час с небольшим, потому что Сергей буквально, вломился в палатку, сгребая на себя всё, что было внутри.

– Ты чё, Серёга?

– Не надо, не ходи туда!

Но я уже в ночевальной одёжке и в шерстяных носках стоял над обрывом, замерев от страха.Там, в лунном свете, в молочной реке я успел заметить громадную змеевидную тень, скользнувшую в туман прочь от скал.

Попятившись от обрыва, я споткнулся о нашу камеру, которая осталась там, где мы её установили, но почему-то лежала на боку с открытой крышкой; проба листьев кучкой валялась рядом.

В палатке было сухо, тепло и безопасно.

– Ну, и как там? – донеслось из-под серёжиной штормовки.

– Да, черте что творится, но рассветёт когда, со всем попробуем разобраться, а сейчас поспим ещё чуть-чуть.

Спустя какое-то время, когда солнечные лучи через брезентовый тент стали нагревать палатку, мы выбрались из неё и убедились в том, что ночное происшествие – не сон.

Скоро по перекату загромыхали тележные колёса, и через несколько минут Изгагин уже распрягал у избушки свою лошадку. Заметив нас, он приветливо помахал нам рукой:

– Айда, парни, чай пить, да хозяйка вам гостинцу послала!

– Не, я не пойду – сказал Серёжа. – Я лучше тут порядок наведу, а ты сходи, послушай старого лешего, может, что новенького узнаешь.

Пока я спускался к Изгагину, он разложил на чистой тряпочке отварной, ещё тёплый, картофель, посыпанный резаным укропом, и открыл банку с деревенской сметаной, больше похожей на масло.

На костерке уже закипал видавший виды, покрытый многослойной копотью, алюминиевый чайник, и Саша запихивая в него веничек из зверобоя, душицы и смородинового листа, покосился в мою сторону:

– Чё сидишь? Картошка-то совсем остывает. Наяривай давай!

Мне хотелось выложить Изгагину всё о сегодняшней ночи, но опасения на счёт того, что Саша поднимет меня на смех, удерживали меня от рассказа. Однако Саша сам начал разговор.

– Щелпы, небось, напроказничали чего? Так не надо было лезть к ним. Я сразу подумал, что надо было предупредить вас, дык понадеялся, что обойдётся как-нибудь.

– Саш, погоди, что за щелпы?

– Да, это вроде леших, но только облику своего они не имеют, а по обстоятельствам, то пеньком, то кочкой, то кустиком или травой какой прикинуться норовят. И препятствий для них никаких нет, даже в банке консервной поселиться могут. Татары их «сельте» зовут, по-нашему это мякина мелкая или пыль, которая везде проникает. И поселяются они там, где горе какое-то случилось. Ты ведь здешнюю историю об узбеках слышал? И я тебе точно скажу, что если даже одного убитого не похоронят или просто закопают без обряда, то душа его отсюда долго не уходит.

– А причём тут щелпы?

– А притом, что через щелпов душам этим, не похороненным, проще память о себе донести до нас, совесть наша чтобы не дремала. А так, страшного чего, щелпы не творят, разве что сам на рожон не лезешь.

Интересно, подумал я, где мы по щелповским понятиям полезли на рожон?

Вернувшись в лагерь, я увидел, что Сергей собирает свой рюкзак.

– Сваливать нам нужно отсюда!

– Может быть! – И я рассказал Сергею то, что услышал от Изгагина.

За одну ходку на Бажуково, мы не смогли утащить всё имущество, но к вечернему поезду как раз успели, в том числе и принести образцы растений, упакованные в большой полиэтиленовый мешок.

Любуясь из окна вагона проплывающими пейзажами с уже сметанными стогами сена, я не мог отделаться от ощущения, что мы увозили с Серги какую-то мину со взведённым взрывателем, которому суждено сработать, непонятно, где и когда...

В нашей родной лаборатории кипела работа – почти все сотрудники и студенты приступили к обработке материалов, привезённых с полевых работ, и приткнуться в какой-то уголок со своими образцами было просто невозможно. Мы решили работать по ночам, когда почти все сотрудники разойдутся и в лаборатории будет попросторнее.

Помещение, в котором мы начали обработку образцов, было разделено на две части. В одной стоял большой стол, на котором раскладывались хроматограммы, а другая часть, по сути, представляла собой громадный вытяжной шкаф с застекленной перегородкой, отделявшей шкаф от основной комнаты.

Шкаф был оборудован мощной тягой, удалявшей токсические пары растворителей с бумажных листов хромотограмм, развешанных в шкафу для просушки.

Анализ уже первых образцов показал, что наши наблюдения на Серге не были ошибкой. Благодаря анализу наших образцов, мы установили, что радиоактивная метка действительно, в ряде случаев, включалась в высокомолекулярные соединения (белки, клетчатка, жиры), минуя сахара и другие простые соединения, образующиеся в начальных стадия длинной цепочки биохимических превращений.

В ту памятную ночь мы с Сергеем, как обычно, принялись за работу, и уже в полночь весь вытяжной шкаф почти полностью был увешан бумажными листами хромотограмм.

Сидя спиной к шкафу, я вдруг услышал звон разбитого стекла и ощутил сильный толчок в спину. Далее события развивались, как в замедленной съёмке.

Ещё не успев оглянуться, я увидел, как Сергей, перепрыгнув через стол и накрыв голову халатом, бросился в пламя, охватившее весь внутренний объём шкафа, и рванул на себя рубильник, выключив вентилятор, находившийся на чердаке здания.

Пламя сразу осело, и к этому моменту я успел сорвать со стены огнетушитель и окатить струей пены выкатившегося из огня Сергея. Заливая остатки пламени, я хватанул едкого дыма и свалился на пол, рядом с Серёжей, обливаясь слезами и кашляя.

Шум услышала девочка, работавшая у радиометра в соседнем помещении, мигом оценила обстановку и вызвала пожарных. Уже через 6-7 минут пожарный расчёт бодро топал по коридору, разматывая шланг.

В помещении, где мы работали, ещё стоял дым, и командир расчёта скомандовал: «Огонь в переборках!»

Что ту началось! Орудуя своими инструментами и заливая помещение водой, ребята не только уничтожили массу ценного оборудования и наши образцы, но и мою надежду на то, что загадка Серги, к которой мы едва прикоснулись, будет когда-либо раскрыта.

Причиной пожара была объявлена неисправность электропроводки, но, я думаю, что это сработала та мина, которую мы привезли с собой с Дикого Запада.

В некоторых случаях Природа упорно не желает раскрывать свои тайны, особенно тогда, когда научное открытие может существенно повлиять на равновесие окружающего нас мира.

Вскоре наш шеф получил от академии наук предложение, от которого ему было сложно отказаться, и возглавил Институт физиологии растений РАН в Москве. В лаборатории сразу как-то стало пусто, хотя по инерции она работала ещё какое-то время. Серёжа защитил диплом и надолго исчез из виду. Университетские археологи пригласили меня настаивать радиоуглеродную метку определения возраста ископаемых образцов, и я навсегда оставил исследования фотосинтеза загадочных обитателей Дикого Запада.

ДРУЖИНА

Работа над картами территории, намеченной для исследований, отняла у меня около месяца, и в конце марта 1975 года была близка к завершению. Правда, наша маленькая компания к тому времени как-то сама собою распалась, но я надеялся на поддержку студентов биофака, и не напрасно.

В один из солнечных дней, в конце марта, ко мне заявилась компания из шести бодрых, весёлых ребят, заканчивавших обучение на рабфаке и намеревавшихся продолжить учёбу на биофаке УрГУ. Их направил ко мне Сергей Васильевич Комов – декан рабфака УрГУ, заинтересовав ребят участием в интересном проекте.

За два часа нашей беседы я рассказал студентам о территории, встрече с Колесниковым, о планах на лето, и мы

договорились о рекогносцировочной поездке, не откладывая в долгий ящик, на первые выходные апреля.

Надо заметить, что в те годы во многих университетах страны стало шириться студенческое природоохранное движение. Студенческая дружина возникла на биофаке УрГУ, но о её работе мне ничего не известно. В. Шамин, С. Криницын и Ю. Фёдоров появились в нашей компании уже в разгар полевых работ.

Конечно, районом рекогносцировочной поездки стала долина реки Серги, и в первую пятницу апреля 1975 года наш отряд в составе студентов рабфака: Миши Бокачева, Саши Александрова, Саши Бородина, Ольги Жмуркиной, Ольги Дормидонтовой, Виктора Васильевича Камышана собрался на железнодорожном вокзале Свердловска и в 17:20 сел в электричку Свердловск – Дружинино.

В те годы от Дружинино регулярно ходил местный поезд Дружинино – Михайловский завод. Но между электричкой и поездом был разрыв в 1,5–2 часа. И если подворачивался товарный состав в сторону Михайловского завода, то мы и другие туристы пользовались «услугами» этого состава. Но он не всегда останавливался в Бажуково, и нам приходилось прыгать на ходу, рискуя получить серьёзную травму. В тот раз я решил не рисковать. Мы дождались Михайловского поезда и в 22 часа вышли в Бажуково, потратив на дорогу 5 часов. Сегодня мы тратим на дорогу из Екатеринбурга до Бажуково 1,5-2 часа, но добираемся туда на автомобиле.

Как всегда, в те апрельские дни стояла тёплая погода, снег осел и пропитался влагой, но местами его глубина доходила до полуметра, а до предполагаемого места ночёвки предстояло пройти более 5 километров. Но молодой кураж и крепкое здоровье позволили нам преодолеть этот путь практически без остановок, хотя, шедшие в голове колонны менялись каждые пять минут. Через полтора часа мы вышли к южной части урочища Дикий Запад, где михайловские мужики недавно поставили для сенокосных нужд весьма вместительную избушку (Пильниковская изба).

Уже в полной темноте мы заготовили дрова и затопили печку, поужинали и устроились на нарах, но в том углу, где

расположились девчонки, ещё долго слышна была весёлая возня и хохот, который никак не мог остановиться, пока Камышан не принялся натапливать печку, а девицы не взмолились о пощаде.

Проснулись мы, когда уже совсем рассвело. В этот день нам предстояло знакомство с некоторыми достопримечательностями Серги, нужно было выбрать место для стационара, который должен был стать базой для работы с браконьерством. У меня же, кроме того, было желание посмотреть на что годны были ребята, на их здоровье, крепость, мотивацию и способности к систематической исследовательской работе.

Надо сказать, что ориентировочно я уже представлял место для строительства. Год назад мы с Женькой Ляшенко и Сеней Израильским осмотрели территорию в нижнем течении Митькиного ручья (левый приток р. Серга), но было это в середине лета. Теперь же нам предстояло оценить это место в конце зимы. Поиски оказались недолгими – в полутора километрах от долины Серги мы вышли на небольшую полянку, окруженную могучими елями и соснами, залитую полуденным апрельским солнцем. Вдруг мы увидели крохотную сову – воробьиного сычика, который с удивлением и любопытством взялся таращиться на нас с нижней ветки старой сосны и, по-видимому, был не против нашего присутствия. Чувствовалось, что место это обжитое. Невдалеке, вдоль старой лесной дороги, располагались сенокосные елани, где много лет страдовал Николай Слизов со своей семьёй. С ними мы познакомились летом того же года.

Итак, место для стационара было выбрано, но мы, будучи законопослушными (по мере возможности), решили получить официальное разрешение на строительство в управлении лесного хозяйства, куда было отправлено официальное письмо за подписью первого секретаря Обкома ВЛКСМ с просьбой разрешить строительство стационара в полутора километрах вверх по течению от устья Митькиного ручья. Через некоторое время кто-то из ребят доставил мне запечатанный конверт с ответом. Студенческая дружина получила разрешение на разбивку палаточного лагеря «с соблюдением мер противопожарной безопасности».

Что и говорить, мы приуныли, однако, в начале июня наш небольшой отряд, вооружившись пилами и топорами, выехал на Митькин ручей. Мы выбирали для строительства дефектные деревья со сломанными и кривыми вершинами, и даже сухостой. Естественно, что в непосредственной близости от стройплощадки мы не могли набрать нужное количество леса, и нам приходилось таскать тяжеленные брёвна аж за 200 метров. До сих пор помню, как трещали наши спины и тазобедренные суставы под грузом этих деревьев, но в 1975 году сруб был поставлен, а в 1976 году строительство было завершено. Правда, год нам пришлось ютиться под навесом рядом со стройплощадкой.

К слову сказать, многие наши шаги к созданию природного парка были незаконными, начиная с того, что нормативных актов об особо охраняемых природных территориях типа национальных парков в то время попросту не существовало, не говоря уже о размножении секретных картографических материалов и прочих действиях. Однако, если бы мы не делали этого, вряд ли бы природный парк «Оленьи ручьи» был бы создан. Я думаю сегодня, что с первых шагов нашей деятельности мы были «под колпаком» у компетентных органов, которые до поры до времени никак не реагировали, к их чести, на наши «шалости», за исключением одного случая.

Наша борьба с браконьерством велась не «на равных»: у нас не было ни оружия, ни транспорта, а к Митькиным рудникам и, практически, к району Большого провала вела заброшенная лесовозная дорога, находившаяся в хорошем состоянии, и каждый раз в начале охотничьего сезона мы слышали в тех направлениях канонаду, хотя это была территория Государственного охотничьего заказника. И мы решили разобрать старый мост в начале этой дороги, примерно в полукилометре от оживленной Ревдельской трассы. Однако, поработав полчаса ломами, топорами и двуручной пилой, мы убедились в том, что эта задача нам не под силу. Утирая пот со лба, мы присели передохнуть и решили поделиться своими соображениями по поводу ликвидации моста взрывным способом.

В ту пору я работал директором Ботанического сада Университета. В понедельник около 11 часов я получил за-

На Первомайской демонстрации 1978 г.
Слева П. Е. Суетин - ректор УрГУ 1976-1993 гг.,
справа Леонид Яковлевич Кобелев –
зав.кафедрой низких температур.

печатанный пакет с нарочным с приказом ректора срочно явиться на приём. Паригорий Евстафьевич Суетин, родом из Красноярских кержаков, доктор, профессор, зав.кафедрой, одним словом, уважаемый человек, принял меня в своём кабинете, даже не предложив мне сесть.

– Ты там у себя какой-то мост взорвать собираешься? Так я тебе предлагаю выкинуть эту затею из головы, тем более обсуждать её со своими студентами. Понятно?

– Так точно! Разрешите выполнять?

– Уё!

Я любил Паригория Евстафьевича, и не только потому, что он сделал лично для меня много доброго, но и потому, что он был глыбой – человечищем, которого редко можно встретить сейчас на руководящих постах.

Паригорий Евстафьевич, будучи человеком весьма загруженным работой и многочисленными делами, не порывал

тесной связи со своей деревенской средой и часто бывал в Краснояре. Однажды в составе небольшой группы, закончив рекогносцировку в окрестностях Шунута, наш отряд спускался по лесной дороге в сторону Краснояра. Навстречу нам на телеге ехал какой-то мужик в серой «зэковской» робе и старых кирзовых сапогах. Когда мы поравнялись, я понял, что перед нами наш ректор, который направлялся, по-видимому, на покос, принадлежавший кому-то из Суетиных. На его заросшем недельной щетиной лице мелькнула улыбка, мы обменялись коротким приветствием и двинулись дальше. Но эта мимолетная встреча помогла мне понять одну из причин наших тёплых отношений. Ведь наши усилия были направлены на изучение и сохранение древних местных традиций.

Когда я вышел от ректора, стало понятно, что социальная среда, в которой мы жили тогда, гораздо сложнее и опаснее, нежели мы себе представляли.

В начале полевого сезона 1975 года, по совету наших товарищей из Обкома комсомола, мы установили контакт с Архитектурным институтом (ныне Архитектурная академия) с кафедрой ландшафтной архитектуры, которой заведовал Алексей Стариков, нынешний ректор Академии. Под его руководством были выполнены одна или две кандидатские работы и несколько дипломных проектов по темам, связанным с будущим национальным парком. Некоторые идеи из этих проектов в дальнейшем были воплощены в конкретных сооружениях и схеме туристических маршрутов на территории парка.

В то же время мы спланировали аэрорекогносцировку, но заказать специальный авиарейс над территорией нам было не по карману, и мы решили воспользоваться пожарной авиацией, на что получили разрешение руководителя авиаотряда.

Один из самолетов базировался в Красноуфимске, куда мы и прибыли рано утром, наскоро перекусив в железнодорожном буфете. Летчик-наблюдатель Ворошилов встретил нас хмуро, а прочитав сопроводительное письмо от начальства, в котором было указано: «Допустить к полёту группу студентов без изменения обычного маршрута патрулирования» вообще сначала хотел нам отказать, но у нас с собой

были некоторые материалы, где были описаны цели нашей деятельности, и он с этими материалами удалился в свою каптёрку, а через пять минут вернулся другим человеком.

– Ну, куда полетим? – и развернул свою навигационную карту. Мы опешили, но, определенно зная, что именно нам нужно, быстро проложили маршрут и пошли к самолёту.

С первых минут полёта мы поняли, что недооценили неказистый с виду старенький АН-2. В умелых руках летнаба Ворошилова машина круто пошла вверх, за несколько минут набрав высоту около тысячи метров, затем перешла в горизонтальный полёт. Летнаб ещё на земле предупредил нас, что если мы захотим рассмотреть что-нибудь получше – дать знать.

На вопрос, можно ли фотографировать, летнаб ответил: «Конечно, нельзя!» и протянул мне отвёртку: «Там, в полу салона, есть лючок, открой его, только крепёж не растеряй!» В составе нашей группы была Роза Кулага, аспирант Архитектурного института, которой хотелось получше рассмотреть планировку старой части рабочего посёлка Арти, который вскоре появился у нас прямо по курсу, и пилот бросил машину в крутое пике, а затем начал кружить над площадью, подобно кордовой модели, удерживаемой невидимой нитью. Я увидел, как люди, вначале задрав головы, стали разбегаться с площади. Самолёт, сделав несколько кругов, снова пошёл круто вверх и взял курс на Михайловск. От Михайловска на небольшой высоте мы пошли над долиной Серги, а от Нижних Серёг направились к Шунуту. Пилот заботливо указал нам место, где хранились гигиенические пакеты, но острой нужды в них пока не было. Полетав над Шунутом, над южными окраинами Ревды и Азов-горой, пилот взял курс на юго-запад, и вскоре мы увидели, что горизонт впереди оказался затянут дымкой лесных пожаров.

Тут началась самая тяжёлая часть нашего авиапутешествия. Я никогда не видел лесных пожаров с воздуха. Можно было рассмотреть, как огонь, ползущий по земле, внезапно охватывал старую ель, и мощный поток восходящего воздуха выдёргивал дерево из почвы, затем дерево падало, вздымая фонтан искр, а огонь бежал дальше, следуя направлению ветра.

У каждого очага пожара самолёт кружил, пока пилот определял координаты пожара и передавал их по рации наземным отрядам пожаротушения. Нужно ли говорить, что самолёт, попадая в мощные восходящие потоки, бросало то вверх, то вниз. Вскоре в ход пошли гигиенические пакеты. Последние полтора чала полета измучили нас настолько, что, выйдя из самолёта на аэродроме, мы еле стояли на ногах, держа в руках по два наполненных пакета. Летнаб с сочувствием поглядел на нас и поинтересовался, чем мы позавтракали.

– А, вот оно что! Если бы я так позавтракал, то не лучше бы вас выглядел. Завтрак – дело ответственное.

Несмотря на тяготы последнего отрезка авиаэкспедиции, она оказалась в дальнейшем весьма полезной, позволив нам сэкономить много времени во время наземных работ. Сразу же после этого «исторического события мы разработали маршруты наземных экспедиций, задачей которых стало детальное изучение местности с целью определения границ будущего парка, его функционального зонирования, трасс туристических маршрутов и состава инфраструктуры зон обслуживания посетителей. Отмечу, что речь шла о территории около 130 тыс. га.

Кроме того, необходимо было оценить значение древесины спелых и приспевающих лесов, чтобы оценить экономический ущерб, который был бы нанесён лесной промышленности в случае прекращения рубок главного пользования на этой территории.

Скажу сразу: понимая важность этого вопроса, перед тем, как сесть за расчёты, я нанёс визит в управление лесной промышленности с целью выяснить их отношение к нашей затее. Ну, естественно, меня разве что взашей не вытолкали, мотивируя свой резкий отказ тем, что изъятие лесных запасов подрывает экономику региона, хотя я интуитивно понимал, что использование этих лесов как рекреационных экономически гораздо эффективнее, по сравнению с лесозаготовками. Сегодня поступление средств за пользование оборудованными маршрутами парка составляет около 10 млн. руб., примерно с 3-4х тыс. га за год. Но тогда это было необходимо доказывать, и я сел за расчёты.

Исследовательские отряды, тем временем, разошлись по маршрутам, а я занялся обсчётом запасов спелой и приспевающей древесины разных пород по каждому из выделов в составе лесных кварталов. К наступлению зимы эта работа была закончена. К тому времени ко мне начали стекаться итоги летних полевых работ. И тогда я понял, что визг, который подняли лесопромышленники – не более, чем агрессивность собаки, у которой пытаются отнять кость. Ведь при разумной организации лесозаготовок и определённой технологической культуре интересы лесозаготовителей и посетителей парка не содержат глубоких внутренних противоречий.

В самом деле, рубки ухода, санитарные рубки, а в каких-то случаях и рубки главного пользования снижают вероятность лесных пожаров, увеличивают мозаичность лесных ландшафтов и их эстетические достоинства. Разумеется, для этого необходимо очищать от порубочных остатков лесосеки, щадить подрост и своевременно проводить рекультивацию нарушенных площадей и лесопосадки. И эта лесохозяйственная практика осуществляется во многих американских и европейских национальных парках.

– Ах, – скажет иной лесопромышленник, – там же культура европейская (американская), а у нас – тундра неогороженная, нашим хоть кол на голове теши – у них в одно ухо влетит, в другое – вылетит. Вылетит наша природоохранная пропаганда. Осмелюсь заметить, что это не так! Наши люди не глупее немцев или там американцев, и родину свою мы любим, и примеров тому – огромное количество. Но необходимо помнить и говорить о проблемах лесоиспользования, поощрять добросовестных людей и наказывать нерадивых и равнодушных. А это не требует особых затрат, но даёт замечательные социальные результаты, создавая предпосылки полноценного отдыха в природной среде.

Предвидя критику в мой адрес со стороны определённой категории лиц, которые тяжелее шариковой ручки ничего в своих руках не держали, могу сказать – природные и национальные парки – не заповедники, а особо охраняемые природные территории, главной задачей которых является создание условий для полноценного отдыха и просвещения

разнообразных категорий граждан. Эти условия: ландшафтное разнообразие, информационно-методические материалы и туристская инфраструктура. Необходимо отметить, также, необходимость эталонных участков, своеобразных микрозаповедников, где запрещены все виды хозяйственной деятельности, включая организацию массового туризма. Назначение таких участков – изучение природной динамики экосистем парка для того, чтобы понимать, что происходит в зонах массового посещения.

Более 40% территории, намеченной для создания парка, было занято лесосырьевыми базами, запасы древесины в которых были уже порядком истощены. Современными рубками не были затронуты лишь водоохранные леса и лесные территории памятников природы, где лесозаготовители создавали лишь косвенную угрозу, уничтожая почвенный покров участков, расположенных вверх по склону от охраняемых объектов. Таким участком оказались, например, Митькины озёра, куда стекали глинистые потоки с лесосеки, расположенной восточнее на склоне Митькиной горы.

Временным решением проблемы было бы расширение сети памятников природы на территории будущего парка. И мы подготовили решение о придании статуса памятников природы 16 объектам на изученной территории, в том числе: Воробьиный камень, Старик-Камень, истоки реки Малый Ик, Митькины озёра и другие.

Научно-технический совет ВООП, куда входили специалисты Академии Наук, Управления лесного хозяйства, институты Гипроводхоз, Геологического и других ведомств рассмотрели первый вариант Технико-экономического обоснования (ТЭО), сделанный лично мной. В начале 1976 года в целом оно было одобрено. Но нам понадобилось ещё около года для того, чтобы устранить ряд недоработок и ошибок этого документа.

В 1977 году основополагающий документ – ТЭО для создания Национального парка «Оленьи ручьи» – был одобрен тем же советом и рекомендован к реализации. Но отсутствие нормативной базы, т. е. закона о национальных и природных парках России затормозило создание парка на долгие годы.

Тем временем, благодаря Сергею Криницину, мы установили контакт с дружиной географического факультета МГУ, которую курировала сотрудница факультета Вера Павловна Чижова. Именно этот коллектив принёс нам идею создания учебных природных троп. Идея состояла в том, чтобы превратить обычный туристический маршрут в информационно-воспитательный, где различные природные и природно-культурные объекты стали бы цепочкой микроэкскурсий, связанных единой концепцией.

В результате совместных полевых и камеральных исследований появился первый вариант маршрута, который был назван Тропой Бажукова. Накануне открытия парка этот маршрут был усовершенствован: было устроено искусственное покрытие, выпущен новый путеводитель, появился ряд искусственных сооружений (мостики и овраги, в том числе и мост через Митрофанов лог). Сегодня это самый популярный маршрут в парке: в разгар туристического сезона его посещают за выходные до 3000 человек, как в составе экскурсионных групп, так и самостоятельно.

Экспедиция с москвичами в «Оленьих ручьях», 1977 г. Фото А. Доброва

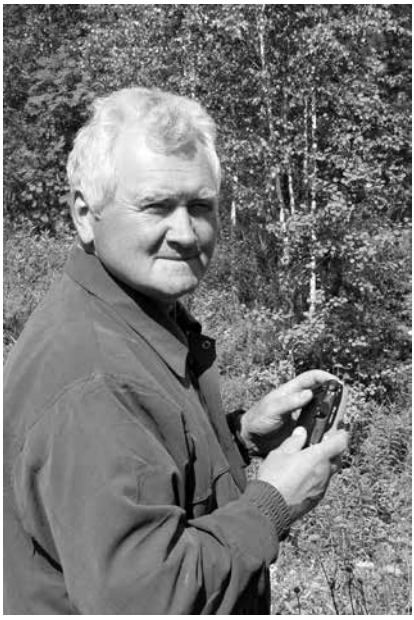
Но во второй половине 1970-х годов, когда нам стало понятно, что до открытия парка как государственного учреждения ещё очень далеко, мы решили начать создание модели будущего парка, продолжая благоустройство маршрутов и строительство избушек вдоль трассы тропы. Местные жители со скептическим настроением наблюдали за нашими усилиями, однако с удовлетворением пользовались избушками, выезжая на покосы или рыбалку. Вскоре у нас стал появляться Саша Макаров, который работал на Михайловском заводе организатором спортивных и культурно-массовых мероприятий. Он то и рассказал вновь назначенному директору Михайловского завода Сергею Михайловичу Якимову о нашей деятельности.

Я в то время жил в Свердловске на Сиреневом бульваре, и как-то часа в 4 утра на пороге моей квартиры появился Саша и сообщил, что Сергей Михайлович приглашает меня на встречу. Быстро натянув штаны, я вышел из дома и оказался в машине, которая везла директора в аэропорт. В течение получаса Сергей Михайлович объяснил мне свой интерес к нашей работе: завод – это не только цеха и оборудование, но и город, и окружающие леса, где работники завода всё ещё сохраняли свою многоукладность, заведенную ещё Демидовыми, ведя свои подсобные хозяйства, сенокошение, пастьбу скота, заготовку дров, сбор грибов и ягод. А в последние десятилетия лес стал и средой отдыха заводчан, и, поскольку, наша работа способствовала повышению качества отдыха, то завод готов оказать нам посильную помощь. Так что после командировки он ждал нас с подробным планом на ближайшую перспективу. Так в первый раз сбылось пророчество Бориса Павловича Колесникова о том, что нам будет протянута «дружественная и сильная рука».

Вспоминая те времена (конец 1970-х - начало 80-х), необходимо отметить, что личный состав дружины существенно изменился. Летний отряд дружины, занимавшийся благоустройством туристских маршрутов в центральной части парка и борьбой с браконьерством, получил статус ССО (Студенческого строительного отряда), члены которого были освобождены от участия в осенней уборке урожая с

Сергей Криницин - сотрудник института экологии растений и животных УрО РАН

Сергей Михайлович Якимов - бывший директор Михайловского завода

колхозных полей. Это привлекло в отряд некоторое количество людей, главной мотивировкой которых было избежать тяжёлого труда на картофельных полях.

Те ребята, которые в 1975 году начали работу по изучению территории парка и систематическую рейдовую работу по борьбе с браконьерством, уже закончили учёбу и принимали лишь эпизодическое участие в деятельности Дружины, но свои традиции и опыт передали новому поколению. Особую роль в формировании этих традиций сыграл Миша Бокачев.

Его отец, Ренат Иванович, будучи по профессии геологом, большую часть своей жизни посвятил охоте и охране животного мира, работая егерем, охотоведом и председателем Областного общества охотников и рыболовов. Он привил сыну не только навыки лесной жизни и охоты, но и тонкое понимание природы, любовь к ней и убеждение в необходимости защиты живых существ, включая правовую базу и практическую борьбу с браконьерством. При Мише в дружине сложился особый сектор – БСБ (борьба с браконьерством). Однако, БСБ ставила задачи не только по изъятию оружия, орудий браконьерства и продукции незаконной охоты и рыбной ловли, но и по воспитанию нарушителей.

Выстрел...

Миша Бокачев после «удачной охоты»

Бывало, конечно, и ломали «крутых брэков», но чаще всего, расходились по хорошему. Однажды, находясь на базе у Митькиного ручья, мы услышали выстрел в районе Митькиных озёр. Отряд из четырёх человек, рассыпавшись в редкую цепь, побежал на выстрел. Но на группу из четырёх вооружённых человек, в числе которых оказались работники правоохранительных органов, вышел в одиночку только Миша. После беседы с нарушителями (охота в заказнике) Миша вернулся на базу с четырьмя ружьями, среди которых оказалась бельгийская двустволка «Зауэр».

Ружья нарушители впоследствии получили у местного охотоведа, заплатив приличные штрафы. Мой личный опыт участия в рейдовой работе по борьбе с браконьерством не лишил меня глубокого внутреннего убеждения, что убийство животных ради развлечения – занятие безнравственное. Другое дело, когда охота есть способ пропитания. Однако, должен признать, что подавляющее большинство охотников тонко чувствуют природу и по-своему любят её. На этой основе возможен диалог между нарушителем и инспектором. Члены сектора занимались и другими направлениями деятельности дружины – изучение территории Парка с целью подготовки технико-экономического обоснования его проекта, проектирование и благоустройство учебных троп природы и работы со школьниками.

В числе наиболее активных и талантливых ребят назову: Василия Пономарева, Татьяну Иванову, Григория Машанова, Анатолия Жесткова, Павла Наумкина, Вадима Федорова, Эдуарда Поленца, Халида Нафикова. Вова Чернов принадлежал к этой же генерации. Особыми талантами он не выделялся, правда, любил поспать. Но его страстью были набеги в Аракаево в компании таких же, как он, энтузиастов. Из этих рейдов

Григорий Машанов

они возвращались груженые сетями, изъятыми у аракаевских мужиков, которые веками занимались этим промыслом и не понимали, за что их наказывают. Года через три случаи браконьерства стали заметно реже, и местные нарушители практически перестали попадаться – территория стала приобретать статус реально охраняемой, хотя государственное учреждение Природный парк «Оленьи ручьи» появилось лишь спустя двадцать лет.

В период с 1978 по 1983 годы руками этих ребят были построены такие сооружения, как противоэрозионный спуск у Дыроватого камня. Основная заслуга в этом деле принадлежит Грише Машанову, который три недели провёл на Михайловском заводе, изготавливая элементы этой конструкции.

Год спустя был изготовлен и смонтирован спуск в Большой провал. Элементы спуска были изготовлены Серёжей Ковалевым на Нижнесергинском заводе. Мы были вынуждены заняться этими сооружениями ввиду начавшейся эрозии почвенно-растительного покрова, связанной с существенно возросшей нагрузкой. У Дыроватого камня ширина вытоптанного растительного покрова на тропе достигла семи метров. Вместе с остальными растениями исчезли и пять видов эндемиков и реликтовых растений. Кроме того, в сырую погоду поскользнуться и получить серьёзную травму (крутизна склонов более 30 градусов) стало проще простого.

Наблюдения за состоянием растительного покрова после устройства спусков показали, что в течение пяти лет растительный покров полностью восстановился. Сегодня редкие и исчезающие растения можно увидеть прямо под трапами.

В эти же годы была выполнена маркировка основных маршрутов на территории Парка, включая многокилометровый маршрут Большой провал – Шунут-камень.

Тогда же было завершено благоустройство стационара на Митькином ручье и построена баня, примерно в километре вверх по течению от стационара. В 1978 году появился приют для туристов в устье Федотова лога, приют «Голубятня» напротив скалы Писаница, приют у Дыроватого камня и, наконец, приют на Диком Западе («Западня»), просуществовавший всего три года. Впрочем, и другие приюты оказались

недолговечны: ни одна из избушек не просуществовала более 11 лет. Но, благодаря нашим усилиям, количество туристов, посещавших эти места, за последние пять лет нашей строительной деятельности увеличилось в 5-6 раз, прежде всего за счёт приезжих из Екатеринбурга и других крупных городов.

Но жители Нижнесергинского района, находясь в меньшинстве, наносили основной ущерб нашим постройкам. Прежде всего – автографы типа «банан, пява, косой и маня-давалка здесь были», затем – неубранный мусор и порча оборудования. Поскольку за дровами в лес идти лениво, поэтому на дрова шли столы, скамейки, нары и даже стены. Конечно, если бы у нас была возможность регулярно убирать мусор, заготавливать дрова, делать ремонт и т. д., то избушки служили бы дольше, но ни финансовой, ни правовой базы у нас для этого не было. Правда, спуск в Большой провал и к Дыроватому камню служат до сих пор.

Владимир Иванович Руденко – бывший директор Нижнесергинского металлургического завода

Я всегда был и буду благодарен директору Михайловского завода ОЦМ Сергею Михайловичу Якимову и директору Нижнесергинского металлургического завода Владимиру Ивановичу Руденко за их бескорыстную поддержку и глубокое патриотическое понимание целей и задач нашей работы.

Ключевую роль в наших делах сыграл Геннадий Васильевич Арефин, бывший в те времена председателем Совета народных депутатов Нижнесергинского района, что соответствует нынешнему статусу главы администрации района. Геннадий Васильевич рос и воспитывался в семье деревенского кузнеца, который привил сыну разнообразные трудовые навыки, передал ему природный ум и крепкий характер.

Арефин пользовался большим авторитетом в районе, и всемерно использовал свои связи и административные ресурсы для поддержки нашей работы. С его помощью удалось увеличить количество памятников природы на территории

Арефин Геннадий Васильевич – председатель совета народных депутатов Нижнесергинского района

района до 20, в том числе и в долине Серги. А когда Нижнесергинский леспромхоз, ведя рубки главного пользования, приблизился к Митькиным озерам, Арефину удалось остановить эти рубки и спасти от уничтожения ландшафтно-исторический памятник который сегодня входит в территорию природного парка.

Можно назвать и другие примеры его участия в создании парка, но, лично для меня, важна была его моральная поддержка в трудные моменты моей жизни. Со временем мы стали друзьями, и я горжусь этой дружбой, согревающей наши сердца по сей день.

Было бы неправильно обойти молчанием тот факт, что до прихода Бокачева и его друзей в Дружину никакой работы в Университете не велось. Ещё за два года до нашей встречи на биофаке существовала инициативная группа, лидером которой был Валера Шамин. В эту группу входили также Серёжа Криницын, Юра Фёдоров и Филаред Гафуров. Однако, о конкретных делах этой группы мне почти ничего не известно, кроме того, что Серёжа Криницын вёл активную переписку с природоохранными дружинами других вузов страны, что обеспечило наш контакт с Группой Охраны Природы (ГОП), начавшей свою деятельность на географическом факультете МГУ. Куратором этой группы была Вера Павловна Чижова, кандидат географических наук, сотрудник геофака.

В 1977 году небольшой отряд московских студентов под руководством В. Чижовой принял участие в изучении территории будущего парка «Оленьи ручьи». С этого момента началось наше регулярное сотрудничество, главным результатом которого стала разработка туристских маршрутов особого типа – учебные тропы природы, с подробно разработанными сценариями экскурсий, как для самостоятельного посещения, так и под руководством экскурсоводов.

Важным этапом нашего сотрудничества стала подготовка и проведение всесоюзного семинара дружин в 1978 году, прошедшего на Серге в период с 5 по 10 сентября. Всего в семинаре приняли участие более 60 человек. Кроме нас и москвичей были делегации из Литвы, Белоруссии, Украины, Казахстана и Таджикистана, а также из разных городов России.

Вера Павловна Чижова в поезде «Москва-Свердловск» во время первой поездки в «Оленьи ручьи» в 1977 г.

Кроме весьма полезного обмена опытом, была проведена учебная имитационная игра в полевых условиях по борьбе с браконьерством. В ходе игры небольшим инспекторским группам были предъявлены наиболее типичные ситуации, возникающие в реальных рейдах. Поведение групп оценивалось опытными инспекторами, а в финале был проведён детальный «разбор полётов», который сделал работу нашего сектора БСБ более эффективной. К сожалению, такая учёба проводилась у нас всего лишь один раз.

Шли годы напряженной работы. Мои студенты сообщили мне, что в приюте у Дыроватого камня поселился человек, который начал оказывать своеобразные услуги гостеприимства, используя построенные нами избушки. В ожидании туристов, он выходил к нижнему концу спуска, и, если группа появлялась, он, представляясь смотрителем парка, строгим тоном задавал вопросы: откуда прибыли, кто старший, цель посещения, надолго ли прибыли и т. д. Если группа была небольшой, то он приглашал их к себе, и за проявленное гостеприимство туристы, слушая его байки, приглашали само-

званого смотрителя за стол. Ежели группа оказывалась больше 5 человек, то «смотритель» провожал туристов в другой приют, желал им приятного отдыха и наказывал: после себя порядок навести, лишние продукты оставить и дров заготовить – «так положено».

В то время я работал преподавателем в Институте повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций, используя Сергу, как учебный полигон для проведения практических занятий и учебных экскурсий для слушателей Института. Я специально поехал на Сергу глянуть на этого «волонтёра». Им оказался мужчина лет сорока, с небольшой кудлатой бородой, с коричневыми от чифира зубами и бойкой речью, охотно отвечавший на мои вопросы. Он назвался Максимом Башировым, пояснил, что работает на городской свалке Михайловска мусоросжигателем, и работа позволяет ему часто и подолгу отлучаться, а поскольку он любит рыбалку, то значительную часть времени проводит на Серге, помогая нам «заодно» поддерживать порядок в приютах.

Вернувшись в город, я рассказал об этой встрече директору Института и предложил принять Баширова на полставки в качестве сторожа и уборщика, но, увидев фотографию Вермишелевого Макса (так Баширова прозвали студенты), Валерий Фёдорович категорически отклонил мое предложение. И как в воду глядел! Вскоре у Макса появились «друзья» – какие-то чумазые ребятишки, которые вместе с Максом, а потом и самостоятельно стали собирать продукты, оставленные туристами в приютах.

Вскоре туристы начали жаловаться на пропажи. У кого-то пропал спиннинг, у кого деньги, а у кого и дорогостоящее снаряжение, и я попросил Макса прекратить свою «педагогическую» деятельность. Макс пообещал уехать, но тщетно. Я обратился в милицию. Участковый, выслушав меня, ахнул: «Вот он где!». Оказалось, что Баширов, отсидев небольшой срок за «неквалифицированное мужеложество несовершеннолетних», был переведён на «химию», то есть на принудительные работы на свалке Михайловска. Вскоре наряд милиции выловил Макса на Серге, а чумазые друзья

«порассыпались» в разные стороны, а затем исчезли в неизвестном направлении.

Однако следует заметить, что именно эта компания предвосхитила современную практику Парка по вполне законному отъёму денег у посетителей за предоставляемые Парком услуги – пользование оборудованными маршрутами.

В начале восьмидесятых деятельность Дружины понемногу пошла на спад, главным образом потому, что исчезла надежда на скорое создание Парка. Нормативная база для создания особо охраняемых природных территорий такого типа в России по-прежнему отсутствовала, хотя наши усилия в какой-то степени ускорили разработку этой базы.

В 1984 году произошло трагическое событие, поставившее точку в истории Дружины. Борьба с браконьерством превратилась в рискованную забаву, в которой были забыты и этические принципы этой борьбы, и опыт предшествующих генераций Дружины. Женя Семухин, один из немногочисленных последних инспекторов Дружины, собирал образцы лишайников для своей дипломной работы вместе со своим помощником неподалёку от села Аракаево. Сварив на костре обед, ребята сели перекусить. Во время застольной беседы, Женя обронил фразу: «неплохо было бы в город ружьё привезти…» В этот момент невдалеке раздался выстрел. Ребята побежали в сотрону выстрела, причём Женин помощник отстал от него на несколько десятков метров. Женя, увидев человека с оружием, вытащил своё инспекторское удостоверение и на бегу стал размахивать им. Человек хладнокровно прицелился и первым же выстрелом нанёс Семухину смертельную рану. Подойдя к раненному, убийца сделал второй выстрел прямо ему в лицо.

Помощник уцелел потому, что упал, спрятавшись за дерево, а убийца заторопился, желая поскорее скрыться с места преступления.

На место происшествия выехала следственная бригада из Свердловска, и менее чем через месяц преступник был задержан. Им оказался житель Аракаево Айдар Аракаев, отсидевший недавно небольшой срок за избиение пенсионера. Дело Аракаева рассматривалось в открытом судебном

заседании, собравшем представителей десятков дружин из разных городов страны. Аракаев держался вызывающе, если не сказать нагло, до того момента, пока суд не огласил приговор – высшая мера наказания.

Тут Аракаев растерялся: начал просить прощения у отца погибшего, который еле стоял на ногах после перенесённого инсульта, обращаясь к суду, просил сохранить «его молодую жизнь», в общем, зрелище было тягостным. В феврале 1985 года приговор суда был приведён в исполнение, а Семухин был посмертно награждён орденом Трудового Красного Знамени. Лично я оказался на перепутье: попытаться возродить Дружину и продолжить работу на общественных началах (что было уже нереально), найти какой-то способ реального заработка и сохранить своё присутствие на Серге или же распрощаться с мечтой о Парке навсегда. Однако, пророчество Б. П. Колесникова удерживало меня от этого поступка и вскоре в конце тоннеля появился свет…

ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ

Кабинет археологии, куда меня пригласил работать мой близкий друг Н. Г. Смирнов, жил, в основном, за счёт договоров, по которым, в соответствии с действовавшими тогда законами, любое крупное строительство предварялось, в том числе, и археологической экспертизой, дабы не уничтожить невзначай какой-нибудь памятник древней культуры.

Передо мной была поставлена задача – наладить методику определения абсолютного возраста органических образцов. Суть метода состоит в том, что наряду со стабильным изотопом углерода (С12), содержащемся в атмосфере Земли в виде углекислого газа, в воздухе всегда присутствует углерод (С14) – радиоактивный изотоп, период полураспада которого составляет 5 730 лет. Измеряя соотношение С12 и С14 в исследуемом образце (уголь, древесина, кость и т. д.), можно с удовлетворительной точностью определить возраст образца, поскольку доля С14 в исследуемом материале равномерно убывает вследствие радиоактивного распада.

Для начала я был направлен на стажировку в славный город Ленинград (ныне Санкт-Петербург), в лабораторию востоковедения, где провёл почти месяц, изучая методики радиоуглеродной датировки. Конечно, у меня была возможность знакомиться с городом, с его архитектурой и памятниками, а также с его драматической и героической историей. Это была одна из самых замечательных поездок в моей жизни.

Другая интересная поездка была связана с Сургутом, где в то время велись раскопки древнего Барсова городища, протянувшегося на несколько километров по берегу Оби. Задачей нашего отряда была археологическая разведка вдоль трассы железной дороги Сургут-Нижневартовск.

Правда, за исключением древнего хальмера (кладбища и святилища хантов), нам не удалось найти в бескрайних болотах поймы Оби что-либо представляющее археологический интерес. Зато местная природа, её разнообразные богатства и встречи с местными людьми запомнились мне на всю жизнь.

Вернувшись из экспедиции, мы узнали, что наш шеф – В. Ф. Генинг – собирается уезжать в Киев, куда его пригласили работать в Институт археологии Академии наук, на должность заместителя директора.

Естественно, все хоздоговорные ставки были сокращены, и мне пришлось искать другую работу. После краткого собеседования с руководителем конструкторского отдела Оптико-механического завода я был принят на работу в качестве инженера в этот отдел. На первый взгляд, странный поворот судьбы. Ведь моя работа на заводе была связана с проектированием сложных электронных устройств, а по университетскому образованию я биолог. Но здесь сыграла важную роль увлекшее меня со школьных лет конструирование электроники, а в университете во время учебы и работы я, в основном, только тем и занимался, что конструировал и изготавливал разные устройства для научных и учебных целей.

Работа в лаборатории аналоговых устройств оказалась захватывающей и крайне интересной, но это был совершенно другой уровень, по сравнению с тем, чем мне приходилось заниматься ранее. Здесь я впервые увидел гибридные микро-

схемы и другие варианты сложных устройств, выполненные в виде миниатюрных корпусов со множеством выводов, танталовые конденсаторы и многое другое.

Мне, как новичку, было поручено конструирование блока питания для одного летающего устройства. Этот блок должен был сохранять параметры выходных напряжений в широком диапазоне температур, перепаде давлений и умещаться в небольшом объёме.

Коллектив лаборатории возглавлял Лев Дмитриевич Будрин, талантливый, разносторонне образованный и душевный человек лет сорока. Инженеры, работавшие под его руководством, были ему под стать: Валера Томин, Толя Панов и другие – цвет заводской интеллигенции.

Конечно, вначале у меня были проблемы – сказывался недостаток квалификации, но внимание и поддержка старших товарищей довольно быстро позволили мне получить необходимые знания и навыки, за что я благодарен этим людям.

Особенно я благодарен Виктору Васильевичу Камышану. Он – единственный специалист лаборатории, работавший не на военный заказ. Его направление – экспонометрия и экспонометр «Свердловск», а также его модификации – были известны широкому кругу фотографов, как любителей так и профессионалов.

Фотоаппарат «ФЭД», который мне подарила мама, сопровождал меня во всех поездках и экспедициях, начиная со второго курса. Но занимался я фотографией, как большинство фотолюбителей, интуитивно определяя основные параметры будущего снимка.

Виктор Васильевич, узнав о моём увлечении, попросил меня показать мои фотографии. Беседы с ним помогли мне узнать то, о чём я до этого имел смутное представление – о сюжете, композиции, освещении, о работе с портретируемым и работе на пленере, о конструкции фотоаппаратов, о фотоматериалах и многом другом. Мы стали вместе выезжать на пленеры на Шунут и на Сергу, и окончательно сдружились. Виктор Васильевичу было уже за пятьдесят, но в выносливости и силе он не уступал мне, а его мудрость и великолепное чувство юмора украшало наши встречи.

С начала моей работы на заводе прошло несколько месяцев, и как-то мы собрались с Витей Бойко и Юрой Елькиным на Шунут. Летом я, гуляя по окрестностям Шунута, наткнулся на уютную избушку, стоявшую на небольшом покосе в окружении столетних елей.

Недалеко от избушки пробивался небольшой ключик с прозрачной и вкусной водой, и место это так понравилось мне, что я решил показать его своим друзьям.

Короткий декабрьский день близился к закату и, нагулявшись по Шунуту, мы двинулись в сторону избушки, но нашли её не сразу. Видимо, в конце лета здесь прошли рубки главного пользования, и мы с трудом пробирались по лесосеке, захламлённой порубочными остатками, укрытыми глубоким рыхлым снегом.

Солнце уже коснулось горизонта и, потеряв всякую надежду на тёплый ночлег, мы вдруг увидели на громадной вырубке маленькую покосившуюся избушку. Сомнений не было, избушка была та же, но на полянке, искорёженной трелевочниками и заваленной мусором, не было и следа той красоты, которая здесь была ещё недавно. В довершение ко всему, трактор зацепил хлыстом угол сруба так, что дверь не закрывалась.

Уже стемнело, когда мы растопили печку и кое-как сумели закрыть дверь. Ужин получился грустным – мы вспоминали другие наши путешествия – везде одно и то же. Повсюду перерубы расчётных лесосек (в лесосырьевых базах лесу вырубается больше, чем прирастает), лесовосстановительные мероприятия – по минимуму, повсюду мусор и даже гниющие штабеля делового леса на лесосеках.

Конечно, среди людей, работавших в лесном хозяйстве, были профессионалы и энтузиасты в области охраны природы, например Булат Галеевич Нигаматов, который до сих пор работает директором Нижнесергинского лесхоза, но что они могли сделать против тысяч лесорубов и их руководителей. Правда, личные заслуги энтузиастов отмечались наградами и почетными званиями. Например, Булат Галеевич – Заслуженный лесовод России.

При свете догорающей свечи мы стали укладываться спать, и в этот момент Виктор произнёс: «Вот если бы в этих

местах удалось создать Национальный парк, то хотя бы здесь – на маленькой, крохотной, даже в масштабах Среднего Урала, территории – можно было бы навести необходимый порядок…»

Буквально через день или два какие-то дела привели меня на родной факультет, и в коридоре мы столкнулись с хорошо знакомым мне Сергеем Васильевичем Комовым, который сообщил мне о том, что на кафедральном семинаре заведующий кафедрой Биогеоценологии Борис Павлович Колесников сообщил о том, что в моей вотчине (как называли на факультете места моих постоянных путешествий между Азовом, Шунутом и Сергой) планируется создание национального парка!

Я аж чуть не присел от удивления:

– А подробнее, Сергей Васильевич?

– А ты сходи к Борису Павловичу и всё узнай.

Я призадумался, но не потому, что Колесников казался мне неприступной твердыней: шутка ли – доктор, профессор, член-корреспондент, ректор университета и, кстати сказать, заслуженный лесовод России, а потому, что на пятом курсе он читал нам небольшой курс охраны природы, из которого в моей голове ничего не осело. Придя на экзамен, я начал отвечать по билету, но Борис Павлович прервал меня:

– Тройка вас устроит?

Со смешанным чувством стыда и облегчения я, конечно, согласился с этим предложением. И вот теперь мне нужно было идти со своими вопросами к этому человеку.

Борис Павлович был на кафедре и первым делом спросил меня:

– А почему Вас это интересует?

– Я хочу участвовать в создании этого национального парка.

– Тогда приходите сегодня вечером ко мне домой, там и поговорим.

Удивлению моему не было предела. Загруженный до предела административной, научной работой и кучей общественных дел, он пригласил меня к себе домой, назвав адрес и время встречи (на кафедре его адреса и телефона никто не знал). Об этом приглашении я сказал Юре Елькину и мы ре-

С веранды биостанции смотрит С. В. Комов,
внизу стоит Валентин Корона

шили идти вдвоём. Двери открыл сам Борис Павлович. В его мрачноватой квартире с высокими потолками и стеллажами с книгами царил аскетический порядок – казалось, там больше, кроме книг и простой мебели, ничего не было.

Борис Павлович усадил нас за круглый стол в гостиной и вначале коротко рассказал о состоянии дел.

Оказалось, что под его редакцией В. И. Прокаевым, зав. кафедрой Свердловского пединститута была написана книга «Краткая характеристика ландшафтов юго-западной части

Свердловской области и некоторые вопросы охраны природы этой территории».

Изданная, если я не ошибаюсь, где-то в конце 60-х годов прошлого столетия, эта книга до сих пор является наиболее полным источником разнообразных сведений о природе обширной территории, окружённой городами Ревда, Полевской, Михайловск, Арти, Красноуфимск, Первоуральск.

Книга содержала предложение по развитию сети особо охраняемых природных территорий этого района, в том числе и по созданию Национального парка.

Библиография этой книги содержит около ста источников, которые были использованы автором. Среди авторов этих публикаций можно назвать таких видных специалистов, как Горчаковский П. Л., Большаков В. Н., Данилов Н.Н., Сторожева М. М., Смирнов Г. А. и многих других, начиная с конца XIX столетия.

С середины XX столетия Азов, Шунут и Серга становятся популярными среди туристов и приобретают важное социальное значение. По инициативе Б. П. Колесникова, на совместном заседании бюро обкома КПСС и Облисполкома в 1963 году было принято решение: «…просить Совет Министров СССР рассмотреть вопрос о создании парка на указанной территории». Однако, в законодательстве об охране природы в то время были указаны лишь заповедники, разнообразные заказники и памятники природы, а в достаточно широких кругах природоохранной и научной общественности того времени Национальные парки считались «буржуазной, чуждой нам формой охраны природы».

– Как видите, до Национального парка ещё далеко, – сказал Борис Павлович. – Но, чем раньше начнётся работа по его созданию, тем скорее он станет реальностью.

Первоочередной задачей должно стать технико-экономическое обоснование (ТЭО) – главный предпроектный документ. В нём должна содержаться подробная физико-географическая характеристика района исследования, функциональные зонирования (резерваты, места массового отдыха, пешеходные и (где возможно) автомобильные маршруты, зоны сельского и лесного хозяйства и соответствующая ин-

Б. П. Колесников

фраструктура). Необходимо было провести финансово-экономический анализ современного хозяйственного использования и будущего хозяйства Парка, нацеленного на обслуживание посетителей.

Таким образом, предстояла серьезная работа, которая была бы по силам специализированному НИИ, а нас же было пока три человека – физик, математик и биолог, но у нас было три преимущества – любовь к этим местам, молодость (мне было 26 лет) и вера в успех.

Важно подчеркнуть, что началась эта работа не на пустом месте – до нас здесь поработали десятки по-настоящему грамотных квалифицированных специалистов.

У нас не было никаких источников финансирования, кроме собственной зарплаты, но Борис Павлович рекомендовал обратиться за поддержкой в обком ВЛКСМ и во Всерос-

сийское Общество Охраны Природы (ВООП), заметив при этом, что на ВООП надежды мало, но попробовать можно. Так оно и вышло. В Обществе нас принял тогдашний председатель Реньев, бывший физкультурник, он чуть не расцеловал нас, наговорив много ласковых слов в наш адрес, и ничего более.

В Обкоме нас принял В. Фатиков, секретарь по работе со студенческой и научной молодежью и Н. П. Пичугина – секретарь ЦК ВЛКСМ по Уральскому Научному Центру.

Помощь этих людей была существенной – рекомендательные письма, которые помогли нам сэкономить кучу денег, организация консультаций, а спустя три года, по ходатайству Пичугиной и Фатикова, ЦК ВЛКСМ премировал нашу работу серьёзной для нас премией.

Нина Петровна Пичугина

Но я забегаю вперёд, а в тот момент мы начали подготовку к полевому сезону. Главной проблемой было отсутствие картографических материалов. Мы обратились в Комитет по Геодезии и Картографии. Встреча была краткой. Сотрудник Комитета поинтересовался, есть ли в нашей организации лица, имеющие допуск к секретным материалам, специально оборудованное помещение с сейфом и т. д.

Что я мог ответить?

– Ну, тогда пользуйтесь картой административного деления области, – ответил сотрудник, и мы вежливо попрощались.

Но у одного из наших знакомых была подружка, которая имела доступ к секретным картографическим материалам. И она вынесла из своей конторы на полчаса шесть листов «километровки» – топографические карты с масштабом 1:100 000.

В одной из хороших фотолабораторий мы сделали фотокопии на стеклянных негативах 13х18 см, а в дальнейшем и бумажные отпечатки, «растянув» их до масштаба 1:50 000. И я сел за ручное копирование этих отпечатков на кальке, с которых мы, в дальнейшем, делали необходимое количество копий, охватив, таким образом, территорию будущих полевых работ.

Вскоре Борис Павлович пригласил меня на прощальную встречу (он уезжал в Симферополь, где, оставив прежнюю деятельность, решил вести преподавательскую деятельность в пединституте). На этой, последней для нас, встрече Борис Павлович поинтересовался, как идут наши дела, и сказал:

– Не бросайте этого дела ни при каких обстоятельствах. Знайте, что пройдёт время, и вам будет протянута дружественная сильная рука.

Это пророчество грело меня долгие годы и неоднократно сбылось.

ПЕЩЕРА ДРУЖБА

Самая большая пещера Свердловской области находится в правом борту Федотова лога, в 1,5 км от его устья (место выхода лога в долину р. Серги) Суммарная протяжённость ходов составляет около 500 метров.

В этой пещере можно выделить три этажа.

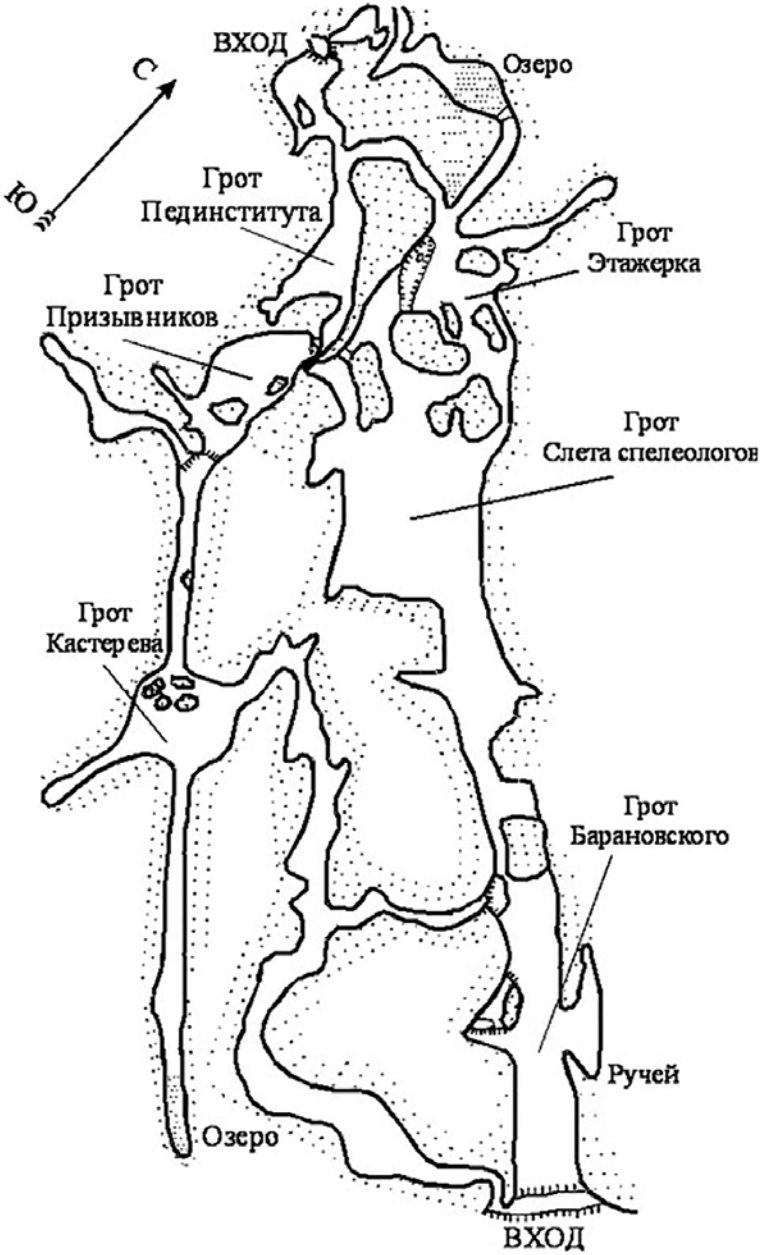
Вход в верхний этаж находится рядом с основным входом, слева, в виде небольшого отверстия, в которое с трудом может протиснуться человек средней комплекции. Этот коридор проходит параллельно основному ходу и является самой древней частью пещеры.

Ручей, который промыл в известняке этот коридор миллионы лет тому назад, нашёл новый путь, и результат его работы – средний этаж с тремя основными гротами. Входной грот – грот Барановского, названный в честь земского врача из Нижних Серёг, опубликовавшего в конце XIX века первое описание пещеры. В своём сообщении, опубликованном в трудах Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) Витольд Барановский отмечает, что пещера до него уже посещалась людьми, и кто-то у входа в пещеру оставил автограф, сделанный масляной краской – «Пещера Дружба». Сегодня автограф ещё виден под натёками извести, и под ним можно разглядеть дату – 1870 год.

Конечно, пачкать автографами природные достопримечательности – свинство, но в данном случае автограф является важным историческим свидетельством.

Перед входом виден понор – место, где вода уходит под землю. Этот понор заполняется в паводок ручьём, текущим со склонов Бардымского хребта, и появляется в нижней части входного грота в виде большого буруна, устремляясь вглубь пещеры, достигая глубины до двух метров и более. В нижней части грота Барановского глубина потока доходит до середины бедра.

Отметки паводкого уровня в средних гротах пещеры видны на стенах в виде мелкого лесного мусора, приносимого ручьём на высоте двух метров. Таким образом, в паводок пещера основательно промывается, и стены гротов и кори-

План пещеры Дружба

Пещера Дружба. Грот Барановского

Пещера Дружба. Подземное озеро

доров из тысячелетия в тысячелетие шлифуются, что позволяет увидеть тонкую структуру известняка. Этот известняк представляет собой древний риф, протянувшийся от Нижнесергинского курорта до станции Михайловский завод, получивший у геологов название Аракаевский риф. Образовался он ещё в девонское время (300 млн. лет тому назад) на восточной мелководной окраине древнего моря, благодаря коралловым полипам и множеству других видов животных, имевших известковые скелеты. На отшлифованной водным потоком стене грота мы без труда можем рассмотреть фрагменты коралловых колоний двух родов: ругозы и табуляты, тела морских лилий, криноидей, похожих на крупных червей, раковины моллюсков и брахиопод, а также окаменелые останки других более мелких организмов.

Палеонтологи определяют в этих обнажениях более 130 видов древних организмов. Некоторые из них вымерли, другие продолжают своё участие в работе морских экосистем и сегодня. Благодаря выжившим видам, мы знаем, какие условия морской среды они предпочитают (солёность, температура, глубина, скорость течения и т. д.), поэтому с большой долей вероятности мы можем судить об условиях морской среды, существовавшей здесь сотни миллионов лет тому назад.

Двигаясь дальше вглубь пещеры, мы попадаем в большой грот, пол которого поднимается влево, и в конце подъёма практически смыкается с потолком. В этом месте когда-то была настоящая драпировка из мелких сталактитов – известняковых натёков (сталактит от греческого сталактос – капля), свисавших с потолка грота.

Сталактиты образуются в результате медленного просачивания через известняк воды, которая висит затем в виде крупных капель на потолке, постепенно испаряясь. Поскольку в такой воде содержится много известняка, то, по мере испарения воды, известь выпадает в осадок, образуя на потолке вначале небольшие бугорки, а затем настоящие сталактиты.

В зависимости от условий испарения (скорость воздушных потоков, влажность воздуха и температура) натёки принимают разные размеры и форму – от мелкой кальцитовой «соломки» до громадных сосулек, флагов и колонн.

Процесс этот идёт тысячелетиями. Но в Дружбе, сравнительно молодой пещере, натечные образования встречаются редко, да и они, в основном, были уничтожены посетителями уже к середине XX столетия. Что заставляет людей совершать подобные акты вандализма – тема особенного исследования.

Из этого грота можно попасть, следуя тремя разными путями, в грот Этажерка, получивший своё название, благодаря своей форме. Вытянутый по вертикали, он имеет три, как минимум, этажа. Нижний этаж – озеро, лучше сказать сифон, через который в паводок уходит ручей. Эта вода, в конце концов, попадает в Сергу. Основная часть потока уходит в реку у скалы Писаница – шум этого ручья слышен в гроте, в нескольких метрах вверх по течению от наскальных рисунков.

Иногда летом в тёплую погоду здесь даже виден туман, выползающий из грота – настолько холодна вода в этом ручье.

Сифон в гроте Этажерка имеет дурную славу. Наиболее простой путь к нему, как кажется на первый взгляд, ведёт через колодец с гладкими стенками, глубиной не более 4 метров. Именно здесь погиб один из туристов, свалившись в сифон, но задержавшийся на подводном уступе, стоя по грудь в воде. Двое его друзей пытались поднять своего товарища, пользуясь самодельной верёвкой из шарфов и штанов, но провозились они слишком долго – в воде с температурой чуть выше 0^0C даже в одежде человек умирает от переохлаждения не более чем через 15 минут. В конце концов, со словами: «Не могу больше…» парень соскользнул с уступа и ушёл в глубину сифона. Подобный случай произошёл летом, несколько лет тому назад. Но человека удалось спасти, поскольку в тот момент в пещере оказалась экскурсионная группа с опытным руководителем.

На мой взгляд, продолжительные прогулки в условиях местных пещер летом не стоит рекомендовать посетителям парка из-за низких температур и высокой влажности. Другое дело зимой! С мороза или снежной пурги вы сразу попадаете в сухое и тихое место, а пройдя несколько десятков метров, оказываетесь в тепле (около 0^0C), двигаясь дальше, попадаете вообще в зону плюсовых температур.

Снежные узоры. Фото А.Доброва

Пещера Дружба

Зимой вас поразит роскошное ледяное убранство входного грота, и далее, в глубине пещеры, вы увидите потолки гротов, усыпанные капельками воды, которые в лучах ваших фонарей сияют подобно россыпи бриллиантов. С пола же тянутся вверх ледяные сталагмиты: то крохотные, размером со стакан, то достигающие высоты более метра и напоминающие своими формами диковинных зверей или человеческие фигуры.

Во второй половине зимы, ближе к марту, капель почти прекращается, и лёд начинает испаряться. В это время поверхность сталагмитов покрывается тончайшим белым порошком извести, и если его весной не уносит вода, то в таких местах он накапливается, образуя скопления белой массы, напоминающей творог или густую сметану – монмильх – дословно в переводе – горное молоко, которое постепенно твердеет, превращаясь в чистейший карбонат кальция.

Несколько раз мне доводилось ночевать в пещере. И тут можно услышать то, что во время короткой прогулки под землёй вы никогда не заметите. Устройтесь поудобнее на своей постели, закройте глаза, уже привыкшие к темноте, и сосредоточьтесь на своих ощущениях. Вдруг вы увидите перед собой стену пещеры, на которую только что глядели, и заметите, что изображение деформируется и как бы уплывает куда-то в сторону. Затем вы увидите светлые движущиеся пятна, и лишь спустя десятки минут перед вашим взором на фоне абсолютной черноты будут изредка мелькать слабые искры.

Слух, тем временем, начинает обостряться, и редкая, еле слышная, капель начинает звучать, как сочные шлепки. Вскоре вы услышите удары собственного сердца и пульсирующий шум крови в сосудах.

Если вы выбрали место ночлега где-нибудь вблизи Этажерки, то, привыкнув к этим звукам, вы обнаружите и другие звуки, идущие откуда-то снизу и напоминающие невнятную монотонную речь на неизвестном языке и, кроме того, на эту речь регулярно накладываются короткие музыкальные фразы – две-три ноты, пропетые детскими голосами. Как будто хозяин этого подземелья затеял какую-то мрачную, бесконечную мессу.

Если вы находитесь в пещере больше суток, то обычный суточный режим начинает меняться. Спать я улёгся рано, около восьми вечера, но поднялся хорошо отдохнувшим, позавтракал, и с удивлением увидел, что часы показывают всего три часа ночи.

Решив не тратить время попусту, я начал поиск источника странных звуков, услышанных перед сном. Это оказался небольшой ручеёк, впадавший в подземное озеро. Правда, я так и не увидел этого ручья – он шёл где-то в глубине коридора, но звуки были отчётливыми, и я понял, что вода работает ниже главного коридора и когда-нибудь откроет в него доступ. Я находился в средней части Этажерки и, внимательно оглядевшись, увидел в противоположной стене грота внушительных размеров отверстие. Перебравшись к нему по глыбам, застрявшим между стенами Этажерки, я направился через это отверстие по коридору с небольшим подъёмом, и вдруг увидел впереди ровный голубоватый свет. На минуту мне стало жутковато, но, пересилив свой страх, я двинулся дальше и понял, что вижу звёздное небо через небольшое отверстие на дне карстовой воронки. Небольшие сквозняки зимой чувствуются во многих местах пещеры, но здесь снизу дует натуральный ветер, раскачивая покрытые густым инеем былинки и ветки кустарников, растущих у выхода из пещеры.

Но нужно отметить, что активная вентиляция пещер такого типа, как Дружба, происходит лишь в зимнее время, потому что наружный холодный воздух, имея большую плотность, стекает вниз и выталкивает из пещеры менее плотный воздух, насыщенный влагой, которая кристаллизуется в гротах, расположенных близко к поверхности. И чем крепче мороз, тем активнее идет вентиляция.

Жизнь в пещерах, подобных Дружбе, крайне скудна, и в этом нет ничего удивительного, так как главный источник энергии, который приводит в движение громадный и сложнейший механизм биосферы – Солнце, проникает сюда только в предвходовую часть пещеры, и здесь мы можем обнаружить лишь накипные лишайники.

Растительный мусор, который приносит сюда паводок, мог бы служить пищей грибам и бактериям, но низкие

Подземный лёд

Пещера Дружба

Летучая мышь на зимовке

температуры мешают их развитию, а летучие мыши находят в пещере лишь зимнее убежище, пребывая в анабиозе. Их численность в Дружбе и в других посещаемых пещерах Серги неуклонно сокращается. В конце семидесятых годов численность зимующих в пещере рукокрылых составляла 40-50 особей. Сегодня на зимовках можно насчитать всего лишь 4-5 штук.

Главная причина сокращения численности мышей – беспокойство, которое причиняют им посетители пещеры. Мыши начинают просыпаться, обмен веществ усиливается, и запасы жира, которых обычно хватает до весны, до появления первых насекомых, истощаются и зверьки гибнут.

Я уже не говорю о тех случаях, когда наиболее одичавшие посетители пещер, движимые страхом и брезгливостью, жгут факелами беззащитных животных или сбивают их палками со сводов пещеры. Правда, такое случается довольно редко.

КООПЕРАТИВ

В начале 1980-х Анатолий Жестков, член дружины, появился на стационаре Митькиного ручья в необычном наряде. Штаны его (явные «самостроки») и рюкзак были сшиты из какого-то плотного синтетического материала: белого с чуть заметным желтоватым оттенком. Оказалось, что это фильтровальное полотно с завода медпрепаратов, где через этот капрон фильтровали раствор каротина в подсолнечном масле. Через некоторое время фильтрующие свойства полотна ухудшались и его выбрасывали, так же, как и лавсановые полотна, использовавшиеся для этой же цели.

Как-то мама или тётя Толика принесла ему отработанные фильтры, и он тут же сшил себе снаряжение, удивившее меня своей надёжностью и практичностью. В то время в продаже трудно было найти столь же удобное и практичное, и я последовал примеру Толика, сшив себе бахилы, брюки, куртку и рюкзак.

В 1985 году вышел закон «О Кооперативах» и были опубликованы типовые уставы кооперативов по разным видам деятельности. Я тут же разработал устав кооператива и зарегистрировал его в Нижних Сергах, взяв за основу типовой устав кооператива по обслуживанию населения. К этому времени у меня накопился некоторый опыт организации и проведения экскурсий со слушателями Института повышения квалификации работников туристско-экскурсионных организаций, куда меня пригласил работать П. И. Истомин – известный краевед, уже работавший в ИПК.

Руководство Института предложило мне создать учебный полигон для проведения занятий со слушателями, и я с энтузиазмом взялся за дело, но до организации коммерческих туров в «Оленьих ручьях» было ещё далеко, а пошив рюкзаков, можно сказать, был уже налажен, осталось доработать некоторые детали. Через неделю первая партия рюкзаков уже поступила в продажу. Но меня гораздо больше интересовала организация коммерческих туров в «Оленьих ручьях» как способ удержаться на Серге, и сделать хотя бы небольшой шаг на пути создания Парка.

Анатолий Жестков

В «Оленьих ручьях» уже существовали маркированные маршруты, кое-где были отсыпаны влажные участки пешеходных троп, а в полутора километрах вверх по течению от устья Митькиного ручья, ещё во второй половине 1970-х гг. мы закончили оборудование стационара, где была построена изба, вмещавшая до 20 человек, навес, туалет и метеоплощадка.

В общем, минимальная инфраструктура уже существовала, но необходимо было выполнить иллюстрированное описание полигона, в том числе планы и расписание практических занятий, тексты экскурсий и методические материалы для преподавателей.

Вскоре начали появляться первые коммерческие группы, прежде всего сотрудники завода медпрепаратов. В организа-

ции этих групп важную роль сыграла Виктория Валентиновна Смирнова, работавшая в том время начальником отдела технического контроля на своём заводе. Вскоре она стала нашим постоянным турагентом, направляя группы не только на пешеходные маршруты, но и на водные туры на катамаранах.

В то время сотовой связи не существовало, и надёжной дороги, а также стоянки для легковых автомобилей в Бажуково не было. Зато было регулярное железнодорожное сообщение. Туристы садились в Свердловске на электричку, ехали до станции Дружинино и там пересаживались в поезд Дружинино – Михайловский завод, состоявший из двух вагонов, прибывая в Бажуково в 18 часов. Поезд этот местное население называло «дачным», и на дорогу до Бажуково уходило до 5 часов. Сегодня туристы на своих машинах или автобусе добираются за полтора-два часа. Таким образом, путь в Бажуково был непрост, и в команде, обслуживающей туристов, должен был работать человек, встречавший группу в Свердловске и доставлявший её в Бажуково.

Виктория была красивой и милой женщиной, и в то же время умела «построить в колонну по четыре» кого угодно, она, как нельзя более, идеально подходила для этой работы. Она была принята в кооператив и долгие годы работала с нами, не гнушаясь никакой работы и проявляя массу инициатив, позволявших нам всё время улучшать качество приёма туристов.

К середине 1980-х годов Михайловский завод уже не имел возможности оказывать нам прежнюю поддержку, но последний подарок, сделанный заводом, позволил нам окончательно встать на ноги. Мы безвозмездно получили на баланс железнодорожную казарму 1913 года постройки. Эта казарма была построена на 308 км – крохотном железнодорожном посёлке, примерно в 5 км на юг от Бажуково, затем её перевезли в Бажуково, но для жилья рабочих её уже не использовали, а передали Михайловскому заводу, который использовал это здание для нужд своего подсобного хозяйства, в том числе, для хранения зерна. Конечно, здание, кишевшее крысами, находилось в аварийном состоянии, но завод и тут помог нам, изготовив оконные рамы и двери, и обеспечив ремонт всеми необходимыми материалами.

Григорий Георгиевич Осколков

Месяца два спустя мы смогли принимать туристов в новом приюте, но их становилось всё меньше, и к концу 80-х жиденький денежный ручеёк окончательно иссяк.

Но тут, в который раз, сбылось напутствие Б. П. Колесникова. В нашей компании тусовался в ту пору Фоминых Юрий Сергеевич, человек гораздо старший, чем любой из нас, но находивший удовольствие от общения с нами и периодически помогавший нашей работе и дельными советами, и практическим участием.

В то же время создавалась пивоваренная компания «Патра», директором которой был назначен Осколков Григорий Георгиевич. Об этом мы узнали от Юрия Сергеевича, ставшего сотрудником компании в первые дни её создания. Компания должна была стать предприятием с широким спектром

выпускаемой продукции, в том числе и безалкогольных напитков на основе местного растительного сырья: зверобоя, душицы, мяты, валерианы и других видов растений.

Осколков, узнав о нашей деятельности, тут же пригласил меня на встречу, а вскоре и сам приехал в Бажуково со своими специалистами. По итогам этих встреч мы заключили договор по обеспечению производства безалкогольных напитков лекарственно-ароматическим сырьем. Так я стал фермером. Администрацией района мне были выделены земельные участки в окрестностях Бажуково, общей площадью около 30 га. Трактора со шлейфом сельскохозяйственных орудий и средства на постройку жилых домов, мастерской и сушилки для растительного сырья выделила «Патра».

В этот момент в Бажуково приехал мой друг Дима Кухта, с которым мы дружим со школьных лет. Он, окончив Горный институт, уехал в Забайкалье, где проработал достаточно долго. Теперь он решил вернуться на Урал, и предложил мне свои услуги в качестве «мастера на все руки». Такое предложение было для меня большой честью, потому что Дима был, что называется, инженером Божьей милостью и неутомимым тружеником. Вместе с ним мы построили сушилку, мастерскую, маленький домик с баней на первом этаже и жилой мансардой.

О сушилке нужно сказать особо. В производстве лекарственно-ароматического сырья очень важную роль играет скорость сушки. Поэтому мы разделили процесс на два этапа. На первом этапе трава, по мере поступления от сборщиков, в течение дня, выкладывалась на затененные и хорошо вентилируемые стеллажи, где слегка подвяливалась, а на ночь переносилась на стеллажи, сделанные из медных трубок, по которым циркулировала горячая вода, подаваемая из водяного котла. Пространство между стеллажами продувалось теплым воздухом с помощью мощного центробежного вентилятора. Производительность этой сушилки, в зависимости от видов сырья, составляла от 80 до 140 кг. сухого материала за ночь.

Кроме того, мы построили вакуумную сушилку, позволявшую за 10-15 мин. высушить 20-25 кг. сырого материала при температуре 20 градусов и давлении 7-8 мм ртутного

Дмитрий Гаврилович Кухта

столба. Эта сушилка предназначалась для сушки деликатного сырья, типа корневищ Радиолы Розовой (Золотого корня).

Жили мы достаточно скромно, но работали, не покладая рук, в надежде на серьёзные доходы в будущем.

Анализ почв на выделенных мне землях показал, что это тяжёлые и кислые суглинки, и для того, чтобы сделать их пригодными для сельскохозяйственного производства, необходим целый комплекс агротехнических мероприятий, требующих серьёзных затрат. Тем не менее, через два года производство было почти налажено, но, неожиданно, подготовка линии безалкогольных напитков на «Патре» была остановлена, и мне пришлось искать новый рынок сбыта для нашей продукции.

Хотя, до поры до времени, продажа нашей продукции через розничную аптечную сеть давала нам возможность жить в сравнительном достатке.

Однажды у нас появились люди, предложившие нам договор об оптовой поставке лекарственных трав их фирме с оплатой 10% от общей стоимости продукции, остальное – по мере реализации.

Вскоре весь товар был загружен в пришедший Камаз, что называется «под завязку», около 4,5 тонн, и ушёл, якобы, в Свердловск. Спустя пару недель я поехал в конторку этой фирмы узнать, как идёт реализация, но в этой конторе сидели уже совсем другие люди, ничего не знавшие о той «фирме», которая до них арендовала это помещение.

Это был удар, от которого мы уже не могли оправиться.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ФЕРМЕРСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Главным достижением фермерского хозяйства накануне открытия Парка была постройка щебёночной дороги от Михайловсого тракта до Бажуково.

Где-то в середине 1990-х появилась организация «Фермерфонд», задача которой была финансовая поддержка различных проектов, связанных с фермерской деятельностью.

Мне удалось получить небольшие средства на строительство дороги к Бажуково протяженностью около двух километров. И вот тут появился Юра Шабалин. Он выполнял загадочную функцию посредника между подрядчиком, строившим дорогу, и заказчиком, то есть моим фермерским хозяйством.

Функция была загадкой для меня, поскольку и подрядчик, и я знали, где и сколько нужно насыпать щебня, нарезать кюветы, установить водопропуски и т. д. Тем более, что никаких проектно-изыскательских работ при этом не проводилось, но, по существовавшим тогда порядкам, посредник должен был быть. Ну, раз надо – пусть будет; мне главное, чтобы дорога была отсыпана.

Вскоре была отсыпана не только дорога, но и две бажуковских улицы.

Шабалин присутствовал здесь всё время, пока строилась дорога, и проявил живой интерес к Парку, расспраши-

вая меня о целях и задачах Парка, интересуясь историей и перспективами.

О себе он рассказал, что окончил железнодорожный институт, где его научили строить выемки и насыпи. Как и сегодня, в ту пору для Парка было актуально развитие дорожно-транспортной сети, и Шабалин предложил свои услуги в этой работе.

Тот вариант главного маршрута, который работает сегодня, точнее его начальный участок, был предложен и реализован именно Шабалиным. Он привлёк финансовую спонсорскую помощь своих друзей, в первую очередь Евгения Кривцова, и лично, с помощью племянника, отсыпал щебнем участок тропы от нынешней «избушки Бабы Яги» до реки. На эти же средства был сооружён пешеходный мостик на высоких стальных опорах в устье небольшого ложка, позволявший кратчайшим путём двигаться в сторону Дыроватого камня.

Правда, доски, из которых были сделаны фермы и настил, были полусгнившими. Но когда я обратил на это внимание Шабалина, он ответил: «Ничего страшного – сейчас нужна акция». «Акция» – было одним из любимых словечек Шабалина в то время. Позже я понял значение этой «акции».

Через год с небольшим мостик начал падать, и вскоре его пришлось разобрать. Одновременно со строительством мостика началась прокладка тропы вдоль речного русла к Дыроватому камню. Для этого пришлось вырубать трассу длиной около 1 км, местами в скале. На эту работу подписался П. С. Воздвиженский, который работал там, как чёрт, практически в одиночку, и к осени работа была закончена. Сколько Шабалин заплатил Воздвиженскому – осталось тайной.

В то же время под руководством Шабалина был установлен подвесной мостик у Карстового моста. Тут пройдоха решил сэкономить: вместо того, чтобы установить на левом берегу опору, он распорядился зачалить конец моста за перемычку между двумя отверстиями в скале. В результате, нижняя точка настила оказалась всего в полутора метрах от меженного уровня реки. Это привело к тому, что в первый же паводок вода захлестнула настил, и мост парусом встал поперёк реки, превратившись в ловушку для некоторых не-

поворотливых туристических плавсредств. В результате один из плотов врезался в это препятствие, и один из шести членов полупьяного экипажа погиб.

Шабалин в это время получил грант за свои подвиги от американского консульства и поехал в Новый Орлеан слушать джаз. Когда Шабалин вернулся, друзья погибшего пытались предъявить ему претензии, на что он заявил, что к строительству моста он отношения никакого не имеет.

Тут бы мне отказаться от каких бы ни было услуг Шабалина, но я смалодушничал, и впоследствии не раз пожалел об этом.

Приближался октябрь 1999 года, и нужно было решать, кто станет директором Парка. На мой взгляд, реальных претендентов было трое: Воздвиженский, Шабалин и я. Мы собрались на брёвнышках, там, где стоит сейчас дом госпожи Фарафонтовой, и я спросил собравшихся: «Ну, что, мужики, кто готов сунуть шею в этот хомут?»

Паша скромно потупил глазки, а Шабалин сказал: «А что, я готов!». И тут же побежал в родное министерство Природных ресурсов, где заместителем министра в то время была Г. Ю. Пахальчак, прекрасно знавшая всех претендентов и обстановку.

Выслушав Шабалина, Галя аргументировано его «отшила». Бедняга от горя чуть концы не отдал, и заботливая жёнушка Ия целый месяц отхаживала мужа в Карловых Варах, а я с тех пор сделался в глазах Шабалина его врагом, хотя совесть моя перед ним была чиста.

В октябре 1999 года Указом губернатора я был назначен директором Парка. Я принял это назначение без особого энтузиазма, поскольку необходимых административных знаний и навыков у меня не хватало, но куда было деваться…

Согласившись принять предложение министерства о моем назначении, я понимал, что моя работа будет в значительной мере связана с бумагами, но чтобы в такой мере… Я буквально шагу не мог сделать, чтобы не написать развернутого отчёта об этом. Кроме того, составление должностных инструкций, текущих и перспективных планов и т. д. поглощало почти всё рабочее время. А сотрудников, кроме

меня, было: инженер, водитель, бухгалтер и рабочий. Мало того, примерно полгода вся офисная деятельность протекала в моём доме.

Да ещё Вова Чернов, который караулил момент открытия Парка примерно полгода, и был принят мною на работу сразу же после открытия. В студенческие годы Вова был активным членом Дружины, где занимался борьбой с браконьерством. Он хорошо знал территорию и нормативную базу, имел навыки в работе по благоустройству Парка. Володя после окончания университета был направлен в один из заповедников Туркмении, откуда сбежал на север Пермской области. За время работы в заповедниках Володя утратил трудовые навыки, и заставить его что-нибудь делать я не мог, но и уволить тоже, поскольку он под видом рейдовой работы постоянно бродил по лесу и предоставлял об этом коротенькие отчёты. Жил Чернов в моём доме, до тех пор, пока не обменял квартиру в Уфалее на квартиру в Нижних Сергах.

Вспоминая первые годы работы Парка, невозможно не вспомнить Павла Сергеевича Воздвиженского, благодаря которому у нас появилось первое офисное помещение, которое сегодня используется Парком как гостевой домик для посетителей. Где-то рядом со своим домом Паша углядел интересную строительную технологию, основу которой составляли пенопластовые блоки с пустотами, заполняемые бетоном со стальной арматурой. Потратив минимум средств, мы буквально за неделю завели под крышу это здание, и сразу решили две проблемы: общежитие для сотрудников, не имевших в Парке или рядом с ним жилья, и офисное помещение.

Почти одновременно мы решили проблему связи. Помог случай: где-то на реке сотрудники Парка задержали группу браконьеров с бреднем. Завязалась беседа, в ходе которой сотрудники поделились своими текущими проблемами, в том числе и проблемами связи. Мужики с пониманием отнеслись к этому и пообещали выслать из города 16-тиметровую стальную опору для антенны Парка, которую мы смонтировали рядом с первым офисным зданием, и таким образом установили устойчивую связь Парка с внешним миром.

Первый подвесной мост через Сергу перед скалой Городище был построен также благодаря Пашиным конструктивным идеям. Сооружение этого моста позволило обеспечить беспрепятственный доступ посетителей к достопримечательностям Парка, находящимся на левом берегу Серги. Были и другие примеры плодотворной деятельности Воздвиженского в первые годы нашего сотрудничества.

В конце 1990-х персональные компьютеры уже прочно вошли в повседневную практику учреждений, и одним из первых приобретений Парка стал компьютер с необходимой периферией. Мы открыли счёт в одном из банков Екатеринбурга.

Я абсолютно доверял Паше ведение финансовой отчетности и другие дела, связанные с бюджетом Парка. Однако вскоре у меня возникли подозрения в Пашиной добросовестности, и чуть ли не силой, с помощью милиции, я забрал у него компьютер. Правда, Паша успел уничтожить некоторые важные сведения.

Я предложил Паше уволиться по собственному желанию, но он начал строчить на меня жалобы в мыслимые и немыслимые инстанции, вплоть до комиссии по правам человека, куда я был вызван.

Председатель комиссии, дама в годах, без лишних разговоров сказала мне: «Вы хотите уволить Воздвиженского? Тогда издайте приказ, где местом постоянной работы укажите Бажуково с 9-00 до 17-00 и ознакомьте с приказом под роспись Павла Сергеевича».

Паша, поставив роспись, скривился: «Ну, что, добился своего?»

«Да» – ответил я, хотя и понимал, что увольнение Паши не решит всех проблем в руководстве Парком.

Сегодня я склонен считать, что тогда мне следовало бы найти компромиссный подход к взаимодействию с Воздвиженским, и, может быть, работая с ним вместе, мы могли бы добиться неплохих результатов в развитии Парка.

Воспоминания об Александре Владимировиче Доброве

Я вышел ростом и лицом –
Спасибо матери с отцом;
С людьми в ладу – не понукал, не помыкал;
Спины не гнул – прямым ходил,
И в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал…

В. С. Высоцкий

Эти строки совпадают с характером А. В. Доброва, но не отражают всей многогранности талантов этого Большого Человека.

Воспоминания родных, друзей, сподвижников, знакомых в определенной степени помогут понять натуру романтика, труженика, лидера создания Парка «Оленьи Ручьи».

И. В. Герасименко (Доброва)

Воспоминания о брате

Наши родители – Добров Владимир Семёнович и Нелюбина Тамара Александровна встретились и поженились в 1947 году.

После окончания экстерном Киевского техникума геодезии и картографии, получив специальность «топограф-геодезист», Владимир и Тамара Добровы отправляются по распределению в Ханты-Мансийский национальный округ. Здесь началось освоение территории Западной Сибири. Работать приходилось в сложных условиях тайги, бурелома, топких болот, с тучами кровососущих насекомых летом. А зимой работа не прекращалась и в сильные морозы, которые достигали отметки минус 50 градусов! Добров Владимир Се-

Добров Владимир Семёнович
и Нелюбина Тамара Александровна

Добров Владимир Семёнович проводит угломерную съемку трассы будущей дороги

Дом бабушки в деревне Нелюбовщина

ДоброваТамара Александровна

мёнович с помощниками проводил изыскательские работы, затем шла обработка полевых материалов, делались вычисления и составлялась топографическая карта местности для прокладки дорог.

В 1948 году наша мама за несколько месяцев до рождения Александра едет к своим родителям на «большую землю», как принято говорить на Севере, в Кировскую область, и 18 февраля 1949 года на свет рождается крепкий малыш Александр Добров-младший, названный в честь Доброва Александра Семёновича – младшего брата отца ребёнка.

Первые месяцы жизни мама с Шуриком живут в деревне Нелюбовщина, в доме у бабушки Марии Ивановны, маминой мамы, где выросли четыре сестры и брат Александр Нелюбины.

Наша бабушка по материнской линии – хозяйка этого дома, Мария Ивановна, – была старшей из восьмерых детей. Родилась и выросла в крепкой крестьянской семье. Её мать – наша прабабушка – была знаменитой в своей округе

травницей, вырастила и выучила всех своих детей. Марии же, которая была главной помощницей в семье, учиться не пришлось, так как ей нужно было помогать матери по хозяйству и нянчить малышей. Дети подрастали, а Марьюшку рано выдали замуж в бедную семью. Но наша бабушка, не зная грамоты, была очень умной, мудрой, умела делать всё: и вести хозяйство, и растить своих пятерых детей. Трудилась, не покладая рук, и сумела воспитать своих детей прекрасными людьми, всем дала образование. Тамара и старшая дочь Валентина окончили фармшколу, Евгения и Галина – стали бухгалтерами, Александр – инженер-электрик. А когда сама стала бабушкой, помогала своему сыну и дочерям растить своих внуков.

Время шло быстро, на свежем деревенском воздухе, да на молочке Шурик хорошо развивался.

Во время бодрствования Шурик проявлял интерес ко всему, что происходит вокруг, он был открыт общению, ему нужны были впечатления. Пытливость ума Шурика требовала развития, и он мог уже до года самостоятельно играть в игрушки продолжительное время. Мама вспоминала: когда они приехали в гости к деду и бабушке, дед усадил внука в свой тулуп и дал ему накомодных слоников. Ребёнок играл с ними около часа, пока не потребовалась помощь мамы.

Под присмотром мамы, любящих бабушки и деда, Шурик хорошо рос и развивался, и маму решено было отпустить на Север: надо было работать.

Родоначальники семьи Добровых, с которыми несколько лет своей жизни провёл мой брат, – дедушка Семён Карпович и бабушка Вера Никитична – прожили в счастливом браке, вырастили, воспитали и дали прекрасное образование своим детям. Старший сын Владимир окончил Высшее военно-морское училище им. Фрунзе в Ленинграде, Александр Добров окончил три курса Высшего Ленинградского артиллерийского училища, после войны окончил Свердловский юридический Институт. Роза также выпускница юридического института.

История жизни нашего деда, Доброва Семёна Карповича, очень необычная. Это судьба сильного человека, о ней я

Мама и Шурик

Наш дед Добров Семён Карпович

Слева наша бабушка Вера Никитична Доброва

услышала от нашей тёти – Зинаиды Васильевны Добровой, жены Александра Семёновича.

В детские годы Семён рано лишился родителей и стал беспризорником, но на его жизненном пути встретился человек, который разглядел в мальчике что-то особенное, и он помог поступить Семёну в гимназию для одарённых дворянских детей. У Семёна началась новая жизнь: он учится, успешно осваивая все школьные предметы, и, сдав на отлично выпускные экзамены, поступает в педагогический техникум по специальности «Естествознание». Наука юноше даётся легко, и Семён после окончания учёбы и сдачи выпускных экзаменов получает Диплом преподавателя естественных наук!

В те времена (ориентировочно в 1909 году) модным увлечением для городской молодёжи было участие в самодеятельных театрах. Ставились пьесы по произведениям русских классиков: Пушкина, Островского, Чехова, Тургенева. Тётя Зина рассказывала, что познакомились Семён Карпович и

Вера Никитична в кружке художественной самодеятельности, где были участниками постановки спектакля.

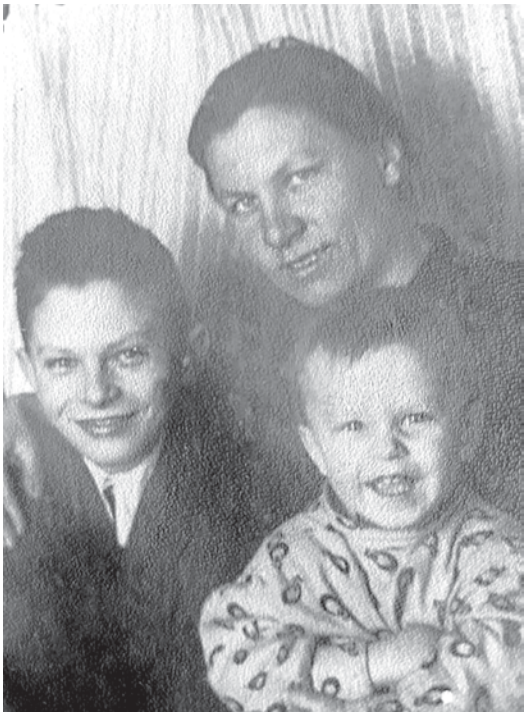
Вера Никитична, наша бабушка (мама отца, Доброва Владимира Семёновича), выросла в зажиточной крестьянской семье, получила медицинское образование – сначала на сестринских курсах, затем в фельдшерской школе. Она была универсальным специалистом, во времена нашествия эпидемий инфекционных заболеваний спасла жизни огромному количеству людей. А ещё бабушка любила петь, у неё был прекрасный голос, и она, освоив гитару, могла аккомпанировать себе, исполняя романсы и русские народные песни. Со своим будущим мужем они встретились в кружке художественной самодеятельности.

В этой благодатной для развития среде рос и воспитывался мой брат Александр Добров. В возрасте шести лет Шурик идёт учиться в общеобразовательную школу села Буйское. Бабушка и дед занимались воспитанием внука, прививая ему аккуратность и бережное отношение ко всему: вещам, книгам. Поддерживали интерес к чтению, развивая его любознательность. Дедушка научил Шурика мастерить скворечники, проявлять заботу о братьях нашим меньших, привлекая помощника к посильному труду в огороде. А Александр Семёнович, приезжая в отпуск к родителям и племяннику, научил его плавать в сельском пруду, вместе с ним ходил в лес на прогулку, учил различать птичьи голоса.

Летние каникулы пролетают быстро – не успеешь глазом моргнуть. Не за горами осень: помощь деду и бабушке по хозяйству, школьные уроки. Учился Александр хорошо, учёба давалась ему легко, дед и бабушка получали благодарственные письма за воспитание внука. Зимой у Шурика появлялось больше времени для чтения и лыжных прогулок.

В 1957 году наш дедушка после тяжёлой болезни ушёл из жизни. Бабушке предстоял переезд к сыну Александру Семёновичу в Свердловск. А Шурика отец увозит из Буйска и устраивает в Шухтунгортскую школу-интернат.

12 июля 1957 года произошло моё рождение: в этот день мама пошла в лес за земляникой и, споткнувшись, упала на живот, пришлось возвращаться, идти в медпункт. Так насту-

Шурик приехал на каникулы, пос. Полноват, март 1960 г.

пил день моего рождения в посёлке Красный Яр Ново-Лялинского района, где стояла геологоразведочная партия моего отца. Я, Ираида Доброва, – так записал меня регистратор ЗАГСа, а родители хотели назвать Ириной. Брат, приехав домой на каникулы, по рассказам мамы, был рад, впервые увидев меня.

В августе 1961 года, после бесконечных перелётов-переездов по просторам Западной Сибири, наша семья объединяется, и мы переселяемся в Ревду – небольшой промышленный уральский город металлургов и химиков. В городе было несколько заводов. Маме выделили жилплощадь в Старой части города, в старинном деревянном аптечном доме на берегу реки Ревды. У нас было три сотки земли, где мы выращивали картошку, морковь, репу, лук, и грядку гороха. Во дворе у нас жил петух и несколько куриц. Шурику приходилось помо-

гать родителям по хозяйству, допустим, сходить на колонку за водой – дом был неблагоустроенный. Кроме этого, учился колоть дрова, так как у нас была в комнате небольшая плита. Но мамочка умела создать уют, порядок поддерживался всей семьёй. Поскольку мама работала в дежурной аптеке на две ставки, за чистотой в доме было поручено следить Шурику, он, как всегда, делал всё быстро и качественно! Мама уходила на работу рано утром и возвращалась поздно: работа была за пять километров от дома, приходилось ходить пешком через весь город! О нашей маме, о её трудовых и спортивных достижениях печатали статьи в местной газете. В коллективе аптеки к Тамаре Александровне всегда относились с уважением. Мама любила свою профессию, была терпелива и деликатна, ровна в общении с людьми, всегда доброжелательна по отношению и к сотрудникам, и к покупателям, и другим людям.

Мама всегда старалась сделать по максимуму то, что требовалось от неё и на работе, и в быту, и эти черты характера передались сыну Александру. Шурику от деда Доброва Семёна Карповича, нашего отца Владимира Семёновича и дяди Александра Семёновича передалось умение работать с книгой, наблюдательность, природная смекалка, концентрация внимания на главном. Такие качества человек может развить в себе и наследует от своих предшественников. Я часто любила наблюдать за папой во время его работы, когда он составлял топографическую карту местности, где создавался какой-либо жилой или производственный объект: серно-кислотный цех на Среднеуральском медеплавильном заводе или плотина на реке Ревда перед заполнением водой Ново-Мариинского водохранилища, строительство городской поликлиники...

Несмотря на разницу в возрасте в 8 лет, мы с братом дружили, я радовалась успехам Шурика в изобретательстве. Например, раньше в холодные снежные зимы во дворе старого дома был высоченный сугроб! Вечерком, бывало, возвращаюсь из садика и вижу снежную пещеру. Шурик с друзьями делали её из снега с многочисленными входами-выходами. Часто зимой после садика мы с Шуриком ходили на гору неподалёку от нашего дома: на высоком берегу реки в Старой

Ревде была колонка, куда все ходили за водой, в сильные морозы горку заливали для катания на санках или фанерках, а Шурик с этой крутой горы с разбегу бесстрашно съезжал на коньках в полный рост! У тех, кто был рядом, дух захватывало от увиденного. Это было необыкновенное зрелище, вызывающее чувство восторга и гордости за моего брата. Также запомнились прогулки на лыжах в лес, где были высокие горки с трамплинами, Шурик очень любил с них кататься. Кстати, мама у нас тоже любила невысокие горки, но тоже с трамплинами. Приятно вспоминать: когда Шурик с семьёй приезжал из Свердловска к маме, она встречала гостей всякими вкусностями – пирожками, беляшами, и мы всегда устраивали походы на лыжах или просто пешком, всегда было о чём поговорить, обменяться новостями.

Когда мы переехали в городскую двухкомнатную квартиру, и Шурик занимался в клубе радиолюбителей, в квартире пахло канифолью, работал паяльник, плавилось олово. На

Добров Владимир Семёнович – инженер-геодезист 5-го стройуправления города Ревды, 1965 г.

письменном столе находились детали для создаваемых транзисторов: сопротивления, конденсаторы, провода. Футляры выпиливал из оргстекла, склеивал специальным клеем. В то время к нам постоянно ходили друзья Шурика из его класса: Валера Серкин, Дима Кухта, Федя Колесников, Толя Каганов и другие ребята. С Шуриком им было интересно, потому что это была многогранная личность, как сейчас говорят – космос! Многие одноклассники поступили в Горный Институт, УПИ или Уральский Государственный Университет.

Любое дело, которое становилось полезным Александру в жизни, он мог освоить без проблем. Строить – пожалуйста, разработает проект и внедрит его в жизнь! Перебравшись в Бажуково, помимо огромного количества важных дел, связанных с Парком «Оленьи ручьи», он осваивает шитьё. На простой ручной машинке шьёт туристическое снаряжение: куртки, анораки, брюки. Старенькому дяде сшил утеплённую безрукавку из микровельвета на натуральном меху, в этой ду-

Доброва Тамара Алекандровна – фармацевт в аптеке, 1965 г.

Шурик с радиоприёмником,
собранным своими руками в 1965 г.

шегрейке дядюшка ходил у себя дома до конца жизни. Своими руками в комнате университетского общежития, благоустраивая своё новое жилище, он мог изготовить мебель: сделал из дерева кровать и встроенные шкафы, это было похоже на фабричную работу. Он и в Бажуково построил свой уютный дом, баньку, мастерские, изготавливал мебель, которая прекрасно смотрелась, была удобной и прочной.

В жизни каждого из нас происходят знаменательные события. В 1966 году, когда мне исполнилось 9 лет, я поступила в музыкальную школу и мама купила пианино, а Шурик поступил в Госуниверситет на биофак. В качестве подарка он привёз нам большой диск с выступлением Ван Клиберна на Международном конкурсе имени Чайковского! В нашей квартире впервые звучал знаменитый Первый Концерт для фортепиано с оркестром великого композитора. Через два года Александр приехал с электронной гитарой, которую сделал сам. Это было в 1968 году. Перед приходом мамы с работы мы успели прорепетировать нашу программу, подготовили с братом небольшой концерт из популярной музыки: любимых мелодий Beatles, лирических песен Высоцкого и музыки из кинофильмов. Глаза мамы сияли от счастья и благодарности! Однажды я приезжала в Свердловск в гости к брату, помню, мне было лет 12. Мы с ним ходили в музей природы, на выставки картин, Шурик для меня устраивал экскурсию в Университет на кафедру биохимии. А когда я поступила в музыкально-педагогическое училище, навещал меня, интересовался моими успехами в учёбе, иногда приносил билеты нам с подружкой на какой-нибудь кассовый фильм. В училище у нас не было общежития, помню, как мы с братом ходили зимой в поисках съёмной комнаты для меня, он всегда помогал в решении любых насущных вопросов. В 1983 году я сдавала экзамены в институте, и зашла к нему в гости на Сиреневый бульвар. Шурик пригласил меня в свой рабочий кабинет, и я увидела, как Александр, который не учился специально геодезии и картографии, составляет, как наш папа, расчёты и создаёт чертёжными приборами и тушью на листе ватмана топографическую карту Природного парка «Оленьи ручьи». Брат самостоятельно изучил специальную литературу и создал своё Творение!

Я была и остаюсь счастливой сестрой своего замечательного брата, и в моей памяти много радостных, светлых событий и добрых дел, которые нас объединяют. Шурик всегда живой в моей памяти. Немного строгий, но очень близкий родной человек, с которым мы, несмотря ни на какие обстоятельства, связаны родными корнями наших предков.

Ты как будто далеко, но нас объединяют наши ангелы-хранители, наши близкие, те замечательные люди, кто нас воспитывал, приучал заботиться друг о друге. Ты далеко, я не могу дотронуться до тебя, но ты в моей душе, незримо присутствуешь в моей жизни и, как бы откуда-то, наблюдаешь за мной, как в детстве и юности, согреваешь своим теплом и участием. Мир твоей душе, мой братик!

А. И. Гущин

ЧЕЛОВЕК С РЮКЗАКОМ

Когда-то с биологом Александром Добровым мы жили на одной улице, в соседних домах. Впервые я увидел его – молодого, высокого спортивного мужчину – из окна своей комнаты. Он часто появлялся на улице в походной одежде – в штормовке, в сапогах и с большим рюкзаком за плечами. Так я и окрестил его про себя: человек с рюкзаком.

«Что гонит из дома непоседу? Кто он? Заядлый турист?» – не раз гадал я при появлении знакомой фигуры. Маленькая эта тайна раскрылась совершенно неожиданно.

Помню, в малом зале Дворца молодежи проходила конференция молодых учёных Урала. Закончил своё выступление Борис Павлович Колесников, член-корреспондент Академии наук СССР. Следом к трибуне направился новый оратор, внешне чем-то очень знакомый. Вглядевшись внимательней, я чуть не ахнул: это же мой «человек с рюкзаком»! Да, это был он – сотрудник комиссии по охране природы Уральского научного центра, аспирант Института экологии растений и животных, руководитель работ по изучению территории проектируемого Среднеуральского национального парка Александр Добров.

Тогда-то я едва ли не впервые узнал об идее создания национального парка на Среднем Урале. Признаться, немало

удивился: раньше-то приходилось больше слышать о зарубежных… Как-то не мог я представить «под боком» областного центра этакое заповедное местечко – вроде, скажем, Йеллоустонского национального парка. В Америке он – один из популярнейших, за год принимает до двух миллионов посетителей! Несмотря на огромный людской наплыв, на расположенность в густонаселенном промышленном штате Вайоминг и уже более чем столетний "стаж", в парке прекрасно сохранилась девственная природа. Дикие животные так привыкли к туристам, что смело выходят прямо на человеческую тропу. Не существовало бы национальных парков – наверное, и отдохнуть американцам уже было бы негде.

А у нас? Слава Богу, ещё как будто есть благословенные уголки природы, хотя былого-то раздолья уже нет. Взять те же окрестности Екатеринбурга, нашу теперешнюю «зелёную зону». Некогда там на глухарей охотились, а сейчас – собак водят выгуливать. Не узнать теперь этих мест: всё застроено, огорожено, иссечено дорогами, вытоптано и замусорено. Если натолкнёшься вдруг на грибок или ягодку – удивляешься. А может, не такой уж он, этот Добров, прожектёр?

Однажды, наконец, я постучал в квартиру Доброва – решил познакомиться. Открылась дверь, и чуть не двухметровая фигура в синем спортивном костюме возникла перед глазами: в чём дело? Я объяснил. Хозяин пригласил в комнату, усадил на диван.

– Видите ли, – не спеша, по-лекторски, излагал он, – полного определения, что такое национальный парк, в нашей литературе пока не дано. Есть в этом вопросе кой-какая путаница. И происходит она потому, что во многих странах развитие нацпарков шло разными путями. Это, скорей всего, и привело к «чересполосице» как в раскрытии самих терминов, так и в определении задач и целей парков. По-научному национальный парк определяют примерно так: это район, выделенный для сохранения животного и растительного мира и для охраны объектов, представляющих эстетический, геологический, исторический, археологический или иной научный интерес. А если посмотреть с другой стороны, с самой, так сказать, житейско-экономической, национальный парк – это,

в общем-то, тот же завод или фабрика. Да, да! Фабрика по производству здоровья и восстановлению душевных и физических сил населения. Есть у неё и свои преимущества: если для существования обычной фабрики необходимо подвозить сырьё, то в национальный парк его доставлять не надо. Оно туда поедет само – им станут люди, жаждущие отдохнуть на природе. И «сырья» такого для нашей «фабрики здоровья» – сколько угодно. По данным статистики, в летние выходные дни за город отправляется до 60 процентов населения столицы Среднего Урала. Примерно семьсот тысяч человек! И ясно: цифра эта будет увеличиваться.

Собеседником Добров оказался подкованным.

– А я, кстати, тоже кое-что начинаю зарабатывать журналистским трудом! – улыбнулся он, прервав «лекцию». И подал свежий номер журнала "Человек и природа" со своей статьей о парке.

Александр писал как раз об одной из главных его задач – охране памятников природы, благодаря которым район близ трёх городов – Полевского, Ревды и Нижних Серёг – один из самых притягательных для отдыхающих.

«Для парка, – сообщал автор, – потребуется обширная территория – почти 130 тысяч гектаров. Но и памятников природы на ней порядком – около ста! Чем не живой музей под открытым небом? Подобного места, где бы было столько «знаменитостей», слава которых ушла далеко за Урал (например, Азов-гора, Бардым, Шунут-камень, пещеры и скалы по берегам рек), – у нас больше нет нигде. Уцелели они лишь потому, что природа не так щедро наградила эти земли богатствами – золотом, драгоценными камнями, рудой. Промышленно человек их почти не использовал. Вот и сохранился этот участок бывшей тайги. Ну, а на красоту мать-природа не поскупилась – наделила поистине редкой. По мнению географов, некоторые места в долине реки Серги по красоте ландшафта не уступают классическим пейзажам знаменитого Женевского озера!..»

– Что ж, поздравляю! Видно, в писательстве с вами тягаться будет нелегко, коли дело до журнала дошло. А там, надо думать, и до книги рукой подать?

Мы обменялись улыбками.

– Кстати, а что это мы как на официальном приеме – всё на «Вы» да на «Вы»? – спохватился хозяин. – По-соседски то, наверное, на «Ты» сподручней будет?

Долго мы сидели в тот вечер с Добровым, наперебой рассказывая о давно знакомых и любимых уголках будущего парка, о разных случаях, с ними связанных, даже планы какие-то строили. Вот ведь как может мигом сближать абсолютно незнакомых людей общая привязанность к какому-то делу! Сидели, судили, рядили – и расходиться не хотелось. А когда все-таки пришла пора разойтись, Добров, помрачнев, протянул мне стопку свежих фотографий, на которых была запечатлена его встреча с браконьерами.

– Мы тут красотой умиляемся да ахаем: «Ах, какие пейзажи! Шишкину, Левитану под стать!..» А о том, что красота эта, пейзажи эти чрезвычайно уязвимы, а порой из-за своей абсолютной доступности беззащитны перед напором иных «любителей природы», и не задумываемся. А сейчас где-нибудь на реке Серге, где, кстати, и сделаны эти снимки, именно в эти минуты вовсю орудуют браконьеры.

…С первой поездкой в будущий парк нам с Добровым не повезло: под вечер вдруг нахмурилось небо, и, словно бы нарочно, заморосил дождь. Вмиг раскисла дорога, зачавкала под ногами грязь. Александр снял с плеча своё «ружьё» – фотоаппарат с огромным, как подзорная труба, телеобъективом и аккуратно уложил в рюкзак. Время от времени бросая взгляды в прохудившееся небо, мы заспешили в «приют» – в домик, построенный студентами-биологами в минувший полевой сезон. Уставшие, промокшие до нитки, еле волоча тяжёлые сапоги, уже в сумерках добрались до места. И вот тут-то нас ждал роковой удар: вместо избушки бугрилась черная груда головешек.

– Каков сюрприз подготовили!.. – опешив, только и протянул Добров. Потом зло, сквозь зубы, пообещал: – Ну, и мы в долгу не останемся!.. – Лицо его стало вдруг угрюмым и жестким.

В чей адрес была брошена эта короткая фраза, я догадался: перед глазами вновь ожили показанные Добровым

фотографии. И отчётливо, словно наяву, представил, как, воровато озираясь, браконьеры убегают в кусты от охваченной пламенем избушки…

Вот уже много лет подряд нет им в этих местах никакой пощады. Если связать все рыболовные сети, которые отобраны за это время у любителей поживиться за счёт природы, то получится невод длиной почти в километр. Если собрать вместе все конфискованные ружья, то батальон можно вооружить!

Почти каждый приезд Доброва в парк не проходил бесследно для браконьерской шатии-братии. Кое-кому крепко досталось по заслугам. Любители дармовой зайчатинки да лосятинки превращались в бандитов. Сатанея от злобы и от того, что райской жизни уже не видать, повели они скрытую, но незатихающую войну против создателя парка, мстя исподтишка. Однажды ночью вспыхнула избушка, в которой биологи находили приют. Студенты построили новую. Но чьи-то поганые руки подожгли и её. Однако и этого показалось мало. Последовала другая пакость, уж и вовсе неслыханная – обстреляли дробью археологический памятник – Сергинский писанец, наскальный рисунок древнего человека. Он-то кому помешал?!

Браконьер… В былые времена его приравнивали к разбойнику, а за воровскую добычу лося или оленя могли отправить и на эшафот. Сейчас же так: заплатил штраф – и все дела. Ежегодно в Свердловской области охотничья инспекция и рыбнадзор задерживают около трёх тысяч браконьеров.

Забраться в глушь, в самые богатые дичью места для современного браконьера ничего не стоит, в его распоряжении быстроходная техника – от вездехода до вертолёта. Убить могучего лося тоже раз плюнуть: в руках мощное дальнобойное оружие. А ведь по последней «переписи лесного населения» в нашей области лесных великанов насчитали всего около восемнадцати тысяч голов. Убьёт каждый браконьер по одному – и всё, конец, заноси лося в Красную Книгу.

В Нижних Сергах есть одна необычная скульптура: гордо вскинув рогатую голову, лось стоит на постаменте над обрывом скалы. Это – эмблема города, символ, олицетворяющий

красоту и своеобразие здешней природы. Правда, не так уж часто стал в последнее время попадаться в здешних местах этот удивительный и красивый зверь.

…Ту ночь мы скоротали у костра под каменным сводом входа в Катниковскую пещеру. Хоть и не мочило, но, как из склепа, тянуло промозглым холодом.

Как-то в Полевском Добров устроил настоящий скандал из-за того, что местный леспромхоз, игнорируя запреты, вырубил огромную площадь леса возле наиболее ценного здесь памятника природы – Азов-горы. Набегавшись по конторам, но так и не найдя на месте управы на нарушителей закона, Добров двинул выше – в областное объединение «Свердлеспром». Тогда – самая главная лесопромышленная контора.

Найти общий язык с руководством объединения Добров не смог. Начальники заспорили с Александром, стали защищать Полевской леспромхоз, а когда поняли, что от Доброва так просто не отделаешься, – отфутболили его к главному лесничему области, напомнив, что они, в общем-то, рубят те участки леса, которые отводит областное управление лесного хозяйства.

К сожалению, и в этой солидной организации Добров сторонников не нашёл: «По-вашему, лес лучше сгноить на корню?» – услышал он очередную отповедь.

– Ну, тогда давайте вырубим оставшийся лес в черте города возле Каменных Палаток, на берегу Шарташа, пустим под корень парк Лесоводов России или ЦПКиО имени Маяковского! – вскипел Александр. – Разве можно вырубать сплошняком лес возле памятников природы?! Кто же туда теперь пойдёт отдыхать?..

Просто так оставить это дело, не доведя его до конца, Добров не захотел – счёл своим долгом сообщить обо всём в комиссию по охране природы УНЦ. Но в ответ и тут услышал лекцию о том, что идея создания парка, с которой он носится, также нереальна, как и идея биолога-англичанина П. Фарба, предлагающего повернуть «назад», к природе. Есть такая научная теория в мире – назад, к природе, имевшая в своё время немало сторонников, но не в России.

Круг замкнулся: в УНЦ тогда тоже не все верили в перспективу начинаний Доброва. А тут, как назло, из Ревды председатель городского отделения ВООП сообщил другую новость: в истоках реки Бардым и у Мариинского пруда местный лесопункт вырубил водоохранный лес…

Эта болезнь – вырубать леса там, где не положено по закону – у нас давняя. И самое обидное, что многие специалисты и руководители лесной отрасли считают, что подобные нарушения – не такая уж большая беда. «Снять "урожай" спелого леса, где бы он ни рос» – вот их позиция. Зачастую на поводу у них идут даже природоохранные организации.

Несколько месяцев я не был в городе, а когда вернулся, то Добров по соседству уже не жил – его семья переехала на новую квартиру. Однако вскоре созвонились и встретились.

– А я теперь в УрГУ работаю, директором Ботанического сада, – сообщил он.

Приятно было, что Добров пошёл в гору – занял ответственный пост. Поздравив его с успехом, я спросил:

– Ну, а с парком-то как?

– Подожди минут десять. Мне нужно зайти к проректору, подписать кое-какие бумаги, а потом я свободен. Поедем ко мне, потолкуем, тогда всё и узнаешь.

Через полчаса я сидел в его новой квартире.

– Что касается парка, то тут похвастать нечем, – начал он свой рассказ. – Намечалось крупное совещание, но не состоялось. Вместо него провели что-то вроде тайного голосования – проект создания парка разослали во все те организации и предприятия, производственная деятельность которых ведётся на его будущей территории.

– Ну, и что они ответили?

Александр подошёл к столу и, выдвинув ящик, достал толстую зеленую папку.

– Бумаг накопил – целую гору. Весь наш позор тут —с горечью произнёс он.

Подробных, обстоятельных ответов почти не было. В основном, отписки. Директор Полевского лесхоза и директор Ревдинского леспромхоза даже и словом не обмолвились, «за»

они или «против» парка. Составили краткие характеристики лесохозяйственной деятельности своих организаций – и всё. А вот начальник объединения «Свердлеспром» – в штыки!

«Для отдыха, – сообщил он, – у нас существуют обширные «зелёные зоны» Стоит ли заниматься их расширением?». И посоветовал: «молодым учёным надо чаще задумываться: а тем ли, чем надо, они занимаются?».

– Видишь, как вопрос ставит? – улыбнулся Александр. – А о том забывает, что наши «зелёные зоны» совсем скоро могут превратиться в «мёртвые».

Впрочем, не все оказались противниками создания парка. Были и ответы сторонников – главного лесничего Нижнесергинского лесхоза В. А. Хохлова, директора Михайловского завода обработки цветных металлов С. М. Якимова.

Они верно взглянули на проблему. Что представляет собой наша область? Схематично – это две зоны: промышленная и сельскохозяйственная. Надо, чтобы в одном ряду с ними развивалась и третья, не менее важная – зона отдыха.

По данным учёных, в нашей области уже образовались три гигантские промышленные агломерации, в которых сосредоточено около 80 процентов населения. Это Свердловско-Первоуральская агломерация – примерно от Билимбая до Белоярского и от Верхней Пышмы до Полевского; Нижнетагильская – от Верхнего Тагила до Качканара и Алапаевска; и Североуральская – Серов, Краснотурьинск, Североуральск, Карпинск, Ивдель.

По сути дела, вся область напоминает огромный нескончаемый город. А много ли мест для отдыха?

– Национальный парк, – отметил Александр, – мог бы предоставить такую возможность. Он бы как раз стал тем поэтическим островом леса, в который можно на время уйти от гудящего машинами города, побыть наедине с природой.

Конечно, парк должен быть комплексным хозяйством. Одновременно, кстати, включать в себя и современный, оборудованный по последнему слову техники леспромхоз. Это вполне допустимо. Но рубки вести исключительно выборочно, как в той же Финляндии. Там давно не рубят лес наголо. Убирают лишь те деревья, которые отстояли свой век.

Почему их нельзя вырубать? Можно. А это – значительный источник прибыли. Ну и, соответственно, также база для науки, туризма, массового отдыха и учёбы – студенческих практик и так далее.

Рост крупного предприятия неостановим. Оно будет постоянно набирать силу. Благодаря парку решилась бы, наконец, самая важная проблема – были бы созданы условия, в которых и человек, и природа стали взаимосвязано совершенствоваться и здороветь.

Не укладывалось в голове: толпы отдыхающих, а вреда от них никакого. Разве так бывает? Ведь обычно охрана природы ведётся путем запретов.

И здесь Александр всё поставил на свои места.

– Вопрос этот продуман как надо. Главное – с учётом мнений архитекторов, медиков, психологов. Отдыхающие предпочитают ходить не по «целине», а по дорожкам и тропкам. Останавливаются же – в местах, где есть хотя бы укрытие от дождя, кострище или колодец. Оборудуем всё это, создадим удобства – и такие места и тропы станут своеобразными регуляторами численности отдыхающих, позволят равномерно распределить потоки людей по всему парку. Троп будет много – целая система. Выбирай, какая нравится, и отправляйся в путешествие. Передвижение по тропам и ночлег в отведенных местах – это будет в правилах парка. Природа не везде одинакова. Где-то она легко ранима, где-то более устойчива. А раз так, то маршруты будут проложены с учётом этой особенности.

Всё, что говорил Александр Добров, было проникнуто его незыблемой уверенностью. Но трудноразрешимых задач перед устроителями парка возникало больше, чем хотелось бы…

– Я сам себе создал трудности, а теперь вот их преодолеваю, – пошутил однажды Добров.

Во время одной из совместных поездок – она была на Каменную гору – я понял, что заставило Александра пойти на эти трудности, взяться за столь «невезучее» дело.

Областной совет по туризму и экскурсиям совместно со Свердловским отделением ВООП задумали издать иллюстри-

рованный проспект, рассказывающий о памятниках природы туристского маршрута «Уральский меридиан». Понадобились фотографии, и кто, как не Добров, член областного клуба фотохудожников, снимки которого появляются и в газетах, и в журналах, помог бы! По выходным он зачастил в парк, а в одно из воскресений мы договорились поехать вместе – давно мне хотелось посмотреть, что же это за памятник природы – Каменная. Название не ахти какое громкое, но слышал, что красоты гора редкой и неповторимой.

Её мы увидели издали – примерно за полкилометра. С такого расстояния гора походила на гигантский чёрный нарост, какие бывают на старых берёзах, вблизи – не неприступную крепость, возвышающуюся над лесом. Некоторые скалы, ровные, как стены, отвесно возносились в небо и пугали своей высотой. Другие напоминали громадные ступени. Кое-где, цепляясь прямо за камни, росли приземистые сосны.

Пока поднялись на самый верх кряжа, порядком запыхались. Но вот раздвинулись скалы, и распахнулась ширь, в глаза волной плеснула синева. Но мой Александр вдруг охнул от досады: его фотоаппаратура оказалась бесполезной: перламутровая, нежнейшая дымка всё равно забьёт и ослепит оптику и не даст запечатлеть на плёнку ни этот синий горизонт, убегающий в неоглядную даль, ни эти ровные, ещё не вскрывшиеся ото льда просторы Волчихинского водохранилища и Ревдинского пруда, блистающие на солнце, словно серебряные подносы. А главное – никакой объектив не сможет вместить всё это, разом открывшееся взору.

Отсюда, с самой высокой точки водораздела двух рек – Чусовой и Ревды, казалось, видно за тридевять земель. Хорошо угадывался и сам водораздел – горная гряда, чем-то напоминающая гигантскую земную волну, вздыбленную в некоторых местах до бурунов – скальных горных вершин, и плавно растекающуюся тяжелым зеленым ковром в туманные горизонты двух частей света – Европы и Азии.

С мечтательным выражением лица Добров сидел на камне и всматривался вдаль.

– Я читал, – неожиданно нарушил он молчание, – что в Японии директор может на полдня закрыть школу, чтобы

вместе с учениками выехать куда-нибудь на острова, подняться на холм, откуда открывается красивая панорама. Наверное, один такой урок даст куда больше, чем десять, проведённых в классе…

С вершины открывалась взору немалая часть будущих «Оленьих ручьёв».

– Что же тебя, в конце концов, натолкнуло на мысль заняться созданием парка? – спросил я.

– Тебе никогда не приходило в голову, что эта красота может когда-нибудь исчезнуть навечно? Что не будет здесь ни соснового бора, ни этой горы. Так же, как, например, камень Слизкой, что на Чусовой, возьмут и разрушат на щебёнку! А такое может случиться запросто.

И ещё: не забывай, ведь это мои родные места. Моё детство прошло в Ревде… Иногда думаешь, не бросить ли всё к черту… А приедешь сюда, насмотришься на разноцветные мазутные круги, плывущие по реке, и скажешь: "Нет! Так дело не пойдёт!»

Он опять помолчал.

– А мысль о парке впервые мелькнула в новогоднюю ночь. Не так далеко отсюда стояла лесная сторожка, в которую мы частенько приезжали летом с друзьями на выходные дни. И вот решили махнуть в неё на Новый год. Пришли, смотрим – словно Мамай прошел. Вначале подумали, не туда попали. Сосновый лес вырублен, кругом – следы кострищ. А к избушке подошли – чуть не взвыли. Всё в ней перевёрнуто, нары разобраны, окна выхлестаны.

Я слушал Доброва и вспоминал сожжённую браконьерами избушку…

– И вот в эту ночь мой старый друг высоко поднял бокал и сказал: «Ёлки-палки! Какие здесь чудесные места, а человек их уничтожает! Парк бы здесь надо отгрохать!».

Примерно через месяц я зашёл к себе на биофак, на котором учился, и встретил своего бывшего декана Сергея Васильевича Комова. И вдруг он говорит: «Не слыхал, в твоей-то вотчине как будто парк думают создавать. Колесников вместе с географом Прокаевым высказал эту идею в Новосибирске на Всесоюзном совещании по охране природы. Говорят, под-

держали там его». Сразу вспомнился новогодний тост. Подумал-подумал, да и решил: пойду-ка я к Колесникову! Помню, долго мялся около двери его кабинета…

Именно то, что Добров пришёл к нему без всякого приглашения, по собственному душевному порыву, Борис Павлович и оценил. Учёному как раз нужен был вот такой инициативный, неравнодушный молодой человек, как Добров, который по-настоящему любил свой край и хорошо его знал. Поэтому и оказалась их встреча встречей двух родственных душ.

– Последний раз, – заканчивал свой рассказ Александр, – с Борисом Павловичем я виделся перед его переездом в Крым. Он пригласил меня к себе домой. До позднего вечера мы говорили о будущем парке. И когда уже прощались, он сказал: «От создания парка ни в коем случае отступаться нельзя! Это, несомненно, самая перспективная форма заповедания природы в нашу урбанизированную эпоху. Пока от неё, зачастую, отмахиваются, но пройдёт немного времени, и отношение изменится. Раз уж возникла в них необходимость, то никуда не денешься. Ещё в семнадцатом году Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский говорил: «Философский путь широкого географического синтеза ведёт нас в одни и те же врата национальных парков…» Помни это!»

И, пожелав счастливых дорог, подарил на память вот этот большой, – показал он на стоящий у ног, – рюкзак, сшитый в какой-то мастерской по особому заказу. Мне, говорит, он уж, видно, не понадобится…

Борис Павлович Колесников, таким образом, как бы благословил Доброва на большое и благородное дело, мечту о котором сам вынашивал долгие годы, рассчитывал на её воплощение в жизнь. Ещё в начале 60-х, исследуя вместе с профессором Василием Ивановичем Прокаевым эти, тогда ещё почти не тронутые места, он думал уже о том, как сохранить их.

Дальнейшие события развивались так. Когда началась перестройка, Добров решил заняться предпринимательской деятельностью. В 1987 году создал кооператив по обслуживанию туристов. Назвал его «Оленьи ручьи».

В начале 1990-х Добров окончательно покинул областной центр и обосновался рядом с «Оленьими ручьями» – на небольшом полустанке Божуково Нижнесергинского района, где создал фермерское хозяйство под тем же названием. Основное направление деятельности – выращивание лекарственных трав. Александр стал хозяином участка площадью в 14 гектаров. Благодаря этому появилась возможность присматривать и за остальной территорией будущего парка, а главное – продолжать работу по его изучению.

Как и следовало ожидать, не очень-то дружелюбно встретил местный люд заезжего биолога-фермера. Вскоре началось вредительство. Когда усадьба была построена, кто-то ночью её поджег… Сгорели и дом, и баня, и хозяйственные постройки – всё! Александр чудом успел выскочить из огня…

Но и после этого он не опустил руки. Стал отстраиваться заново.

В октябре 1999 года произошло то, чего Добров ждал ровно четверть века: постановлением правительства Свердловской области природному парку «Оленьи ручьи» был присвоен официальный статус государственного предприятия, а он стал его директором.

Презентация по этому случаю проходила в екатеринбургском Музее молодёжи Урала. Гостей собралось около сотни. Немало было среди них известных учёных, экологов. Кстати, пришли даже те, кто когда-то активно выступал против создания парка, считая саму эту идею «буржуазной», «неперспективной для нашего общества». Но на презентации такие старались казаться былыми единомышленниками: с улыбкой подходили к Доброву, жали руку, поздравляли с победой…

Оглядываясь назад, мне кажется, что появление «Оленьих ручьёв» – во многом чудо. И произошло оно, вероятно, только потому, что за это дело взялся в своё время именно Добров – настоящий ученик настоящего ученого Бориса Павловича Колесникова.

Добров был героем моих публикаций неоднократно, но при этом и у меня порою возникали сомнения: добьётся ли своего?

Сейчас «Оленьи ручьи» – пожалуй, самое популярное место отдыха уральцев. В летние дни сюда приезжают сотни туристов и отдыхающих. В парке действует несколько экскурсионных троп. Одна из них, протяжённостью около пяти километров, с инженерной точки зрения, настоящий шедевр. В окружающую природу вписана так органично, что кажется её естественной частью.

Но больше всего удивляет то, что тропа эта – «ручная работа». Подвесные мостики через овраги, деревянные тротуары и настилы вдоль скал над рекой Сергой – всё это сделано без всяких кранов и тракторов, но при этом надёжно и красиво.

– За прошлый год, – рассказывал Александр, показывая парковое хозяйство, – «Оленьи ручьи» посетило около 10 тысяч человек. Судя по всему, в ближайшие два-три года эта цифра возрастет до 20-25 тысяч. Причём, без всякой рекламы – отдыхающие прибывают «самотёком». Зазывать туристов пока сложно: нет ни одной приличной гостиницы, нет кафе, нет спортивного инвентаря напрокат. Пока мы богаты только природой.

Когда-то Добров мечтал о парке площадью более ста тысяч гектаров. В итоге получил всего 12 тысяч. Тем не менее, «Оленьи ручьи» сегодня представляют собой особо охраняемый резерват, состоящий из четырёх зон: заповедной, с минимальным режимом воздействия, массового туризма, хозяйственной, где допускается ограниченная деятельность, и самой свободной – буферной.

К сожалению, за границами парка оказались десятки уникальных природных объектов, которые требуют охраны. В планах Доброва – сделать их частью парка, его своеобразными филиалами.

А больше всего меня порадовало то, что после получения парком официального статуса, местные жители отношение к нему изменили. Поняли, что «Оленьи ручьи» созданы и им во благо. Прежде всего, парк способствует улучшению состояния окружающей среды. Теперь люди знают, что здесь не будут создаваться вредные и опасные производства. С территории парка в окрестные леса уже пошло расселение

животных и растений. Большие пространства благотворно влияют на микроклимат местности, очищают воздух и воду.

Соседство с парком сулит местным жителям и экономическую выгоду. Обслуживание туристов – это новые рабочие места, стабильный заработок. Заметно подскочили в цене и их дома. Теперь они стоят в разы дороже, чем раньше, потому что желающих купить недвижимость рядом с парком, хоть отбавляй.

…Стоял тёплый, солнечный день. За разговорами по лесной тропе мы незаметно дошли с Александром до Митькиных озер – бывших, ещё дореволюционных, рудников, заполненных водой.

– Хочу в этом месте, – сказал он, – создать учебно-полевой экологический полигон для школьников. Одна программа будет называться «Жизнь леса». Отчасти в виде экскурсий она уже реализуется. В парке только цветов около 800 видов. Чрезвычайно интересна и геология: масса пещер, карстовых провалов, выходов прямо на поверхность земли железной руды. Поэтому вторую программу можно связать с металлургией и назвать, скажем, «Железный век». Её цель – дать подросткам возможность собственными руками выплавить в лесном лагере свой металл. Например, железную крицу.

– Как это?

– Да так, как это делали наши предки: сперва найдут огнеупорную глину, сделают печь, разыщут и обработают руду. Ну, а затем плавка и – конечный продукт. Один такой практический урок, думаю, гораздо лучше иной книги. А главное – на всю жизнь запомнится.

…Доброву уже за пятьдесят. В волосах поблескивает седина. Не так легка и спортивна походка. Четверть века он воевал с бюрократами, не раз нарывался на их унизительные выпады, часто разочаровывался… Но в душе, по-моему, остался прежним. И к делу своему не охладел.

М. Р. Бокачев

ДОБРОВ. ДРУЖИНА. ПАРК

(История создания природного парка «Оленьи ручьи»)

В 2024 году природному парку «Оленьи ручьи» исполняется двадцать пять лет. 18 октября 1999 года губернатором Свердловской области Э. Э. Росселем был подписан указ № 516-УГ, а 29 октября 1999 года Правительством Свердловской области было принято постановление «Об учреждении Свердловского областного государственного учреждения «Природный парк «Оленьи ручьи» на площади 18 871 га и охранной зоны на площади 10500 га.

Но работа по созданию парка началась намного раньше. Впервые (насколько мне известно) идея создания в долине реки Серга особо охраняемой природной территории была высказана еще в 1949 году в статье В.И. Прокаева и А.Ф. Бызова.

В 1963 году В. И. Прокаев – известный советский учёный, физик-географ, ландшафтовед, доктор географических наук, почетный член Русского географического общества в своей монографии обосновал целесообразность и необходимость исключения этих мест из хозяйственного освоения и создания здесь территории с особым режимом использования природных ресурсов. Эту идею горячо поддержал ректор УрГУ, известный геоботаник и лесовед, член-корреспондент Академии наук СССР Б. П. Колесников.

В 1973 году по их инициативе было даже подготовлено обращение обкома КПСС и облисполкома Свердловской области о необходимости создания здесь национального парка, которое было направлено в Совет Министров СССР. Но на этом всё и закончилось: идея, и её воплощение – разные вещи.

Но эта идея не была забыта: мечта создать на Урале национальный парк возникла у аспиранта кафедры физиологии растений УрГУ Александра Владимировича Доброва. Мечта эта казалась в те годы совершенно неосуществимой: в Рос-

сии тогда не было ни национальных, ни природных парков, не было и законодательства, позволяющего их создавать. Но Александр Добров всю свою энергию и все свои силы направил на осуществление этой мечты. И как здорово, что всегда находятся люди, способные осознать значение чьей-то мечты и помочь в её осуществлении! Таким человеком оказался, прежде всего, декан рабочего факультета УрГУ Сергей Васильевич Комов. Он откликнулся на предложение Доброва создать группу для создания национального парка в долине реки Серги.

И вот, зимой 1975 года С. В. Комов сообщил слушателям рабочего факультета УрГУ, что один интересный человек ищет неравнодушных людей для работы по организации национального парка, разработке технико-экономического обоснования парка. Так мы познакомились с Добровым.

Саша Добров оказался человеком очень интересным, много знающим и много умеющим. Он увлёк нас своей мечтой, и мы с радостью согласились участвовать в работах по созданию парка. Первый рекогносцировочный выезд на территорию будущего парка состоялся 4 апреля 1975 года. В этом выезде, помимо А. Доброва, участвовали: А. Александров, М. Бокачев, А. Бородин, О. Дормидонтова и О. Жмуркина. Эту дату ветераны и старожилы парка и считают днём его рождения. Во время этого первого выезда мы – инициативная группа по созданию парка, ознакомились с этими удивительными по красоте местами и, самое главное, определили место для строительства стационара, который впоследствии стал базой для проведения всех работ по созданию парка.

Нужно сказать, что к моменту появления инициативной группы по созданию природного парка, в УрГУ действовала Дружина по охране природы. Правда состояла она только из трёх человек – Валеры Шамина (командир Дружины), Сережи Криницина и (к сожалению, фамилия забылась). Дружина занималась тем, что поддерживала связь с Дружинами по охране природы других ВУЗов страны.

Идея объединить инициативную группу по созданию парка и Дружину по охране природы возникла, по-моему, в 1976 году. Это было неудивительно – ведь и у группы, и у

Дружины были общие природоохранные цели. После объединения мы решили издавать стенную газету с необычным названием: «ДОПИНГ». Это означало: «Дружина по Охране Природы и Инициативная Группа». Я хорошо помню, как толпились студенты у стенгазеты с таким названием. В газете рассказывалось о природоохранной деятельности Дружин по охране природы, о целях и задачах нашей обновленной Дружины и, конечно, о планах по созданию, как его тогда называли, Средне-Уральского национального парка. По-моему, в первом же номере газеты была статья, которая называлась: «О тех ковбойцах». В статье в шуточной форме рассказывалось, как члены Инициативной группы задержали парней на лошадях с обрезом и смогли отнять у них обрез. Статья была пронизана романтикой опасной работы по борьбе с браконьерством.

Также в газете было сказано, что мы ждём новых неравнодушных ребят, готовых участвовать в работе Дружины и в создании национального парка. После этого, количество новых членов Дружины по охране природы значительно увеличилось.

Сформированная на базе инициативной группы по созданию парка Дружина по охране природы УрГУ стала мощной неформальной организацией, основу которой составляли студенты биофака УрГУ, включающей несколько секторов: сектор борьбы с браконьерством, сектор борьбы с загрязнениями, сектор информации и пропаганды и другие. Первым командиром этой объединенной Дружины стал Валера Шамин, но вскоре его сменил Саша Бородин. Ещё примерно через год командиром Дружины стал М. Бокачев, который был командиром до 1980 года, до окончания УрГУ. Затем командиром Дружины стала Татьяна Иванова, а после неё – Вася Пономарев.

Первым объектом, который построили вместе с Добровым члены Инициативной группы, была избушка на Митькином ручье, которая на многие годы стала базой Дружины по охране природы. Строительство это шло не просто – брёвна для стен мы таскали на катках, а то и на плечах, иной раз издалека, ведь в лесничестве нам разрешили рубить деревья

только суховерхие. Когда избушка была почти построена, Добров откуда-то притащил прозрачный жёлтый пластик, которым мы и закрыли крышу. В результате, в избушке всегда было светло и ярко.

Дружина вела очень активную работу по борьбе с браконьерством не только на территории будущего парка, но и в других районах, проводились массовые операции, такие как «Ель», направленная на незаконную рубку новогодних ёлок, «Первоцвет» – по прекращению сбора и торговли подснежниками и другими первоцветами и другие. Занималась Дружина и выявлением мест несанкционированных загрязнений, большое внимание уделялось пропаганде природоохранных идей. Но, конечно, главной задачей Дружины стала работа по созданию парка.

Говоря о Дружине по охране природы УрГУ, нельзя не сказать о роли Саши Доброва в создании и деятельности Дружины. Саша Добров не был членом Дружины по охране природы УрГУ, как не был и официальным куратором Дружины, но переоценить его роль в создании и работе Дружины просто невозможно. Именно благодаря Саше возникла Инициативная группа по созданию парка, которая явилась костяком, основой Дружины по охране природы. Именно благодаря Саше Доброву Дружина стала заниматься своей основной деятельностью – работами по созданию парка, и именно Саша направлял в нужное русло эту работу.

Саша Добров был удивительный человек. Он очень многое знал и живо интересовался всем, что имеет отношение к природе. Он был очень «мастеровитым», ему удавалось всё – и слесарное, и столярное, и плотницкое дело, любые ремонтные работы. При этом он не стеснялся спрашивать совета у нас, студентов. Саша был романтиком и мечтателем. Он искренне любил природу во всех её проявлениях и умел видеть её красоту. Поэтому не удивительно, что его фотографиями до сих пор наслаждаются любители природы.

Саша мог часами рассказывать о природе парка – о почвах, карстовых явлениях, растительности и животных. Тот, кому повезло участвовать в экскурсиях, проводимых Сашей, надолго запоминал его удивительные рассказы о природе

этих мест. Не удивительно, что Добров пользовался у нас, студентов, непререкаемым авторитетом. Саша фонтанировал идеями благоустройства этой территории, прокладкой учебных троп природы, описанием памятников природы. Большинство этих идей сейчас воплощены в жизнь.

Саша обладал удивительным качеством – притягивать к себе людей. К нему тянулись не только мы, студенты, но и учёные, журналисты, руководители крупных предприятий. Со всеми он находил общий язык, всех «заражал» своей энергией, своей мечтой. Мечта у него была одна – создать в долине реки Серги национальный или природный парк. И все свои силы Саша отдавал этой мечте.

У Саши было одно очень важное для человека качество – умение брать на себя ответственность. Ведь именно такие люди чего-то добиваются в жизни. Именно они могут осуществлять свои мечты. Я расскажу историю, в которую трудно поверить, но которая ярко показывает, что значит брать на себя ответственность.

Однажды Саша вёл группу туристов от Бажуково на Шунут. Маршрут пролегал по местам старых вырубок, сплошь заросших малинником. Группа остановилась, чтобы поесть малины. Вдруг один мужчина схватился за горло и захрипел. Оказалось, что он не заметил осу на ягоде, и оса ужалила его в горло. У мужчины начался отёк, он посинел, повалился на землю. Отёк гортани был очень сильный и дышать он уже практически не мог. МЧС вызвать было невозможно – сотовых телефонов не было. Что делать? Саша достал нож, вырезал щепку, разрезал мужчине трахею и вставил в отверстие щепку. Мужчина задышал, и его смогли довести до населённого пункта.

Когда Саша рассказал мне эту историю, я спросил его, понимал ли он, что его бы посадили, если бы этот человек умер. Саша усмехнулся и ответил:

– Так, скорее посадят, скорее выпустят! А как бы я жил, если бы он умер у меня на руках, а я ничего даже не попробовал сделать, чтобы спасти ему жизнь?

Мне приходилось совместно с Сашей задерживать вооруженных браконьеров. Такая работа сразу показывает, кто

чего стоит. Саша никогда никого и ничего не боялся. Таким был Саша Добров, который направлял работу Дружины по созданию парка.

Работа эта началась сразу по нескольким направлениям: информационно-пропагандистские мероприятия, направленные на формирование позитивного отношения населения и общественности к идее создания в долине реки Серги особо охраняемой природной территории (выступления по телевидению, радио, публикации в газетах и журналах), борьба с браконьерством на этой территории, развитие инфраструктуры, позволяющей минимизировать отрицательное воздействие человека (строительство туристических приютов, оборудованных кострищ с запасом дров, маркировка туристических маршрутов, оборудование спусков и участков троп, наиболее подверженных вытаптыванию) и, самое важное, – разработка Технико-экономического обоснования по созданию парка и развитие инфраструктуры, позволяющей минимизировать отрицательное воздействие человека на природные комплексы.

Уже тогда мы понимали, что посещение парка большими группами туристов вызовет вытаптывание и деградацию растительных сообществ, особенно может пострадать очень ранимый тонкий слой почвенного покрова на скалах. А ведь именно здесь произрастает большое количество редких реликтовых и эндемичный растений, нуждающихся в особой охране.

Выход был найден: прокладка троп, снабжённых информационными указателями – мы называли их учебные тропы природы, устройство в наиболее подверженных вытаптыванию местах трапов, мостиков и мостов, строительство на крутых спусках противоэррозионных лестниц, оборудование мест отдыха и остановочных пунктов с запасом дров.

Полезные рекомендации по обустройству учебных троп природы и регулированию рекреационной нагрузки на территорию парка давала аспирант кафедры географии МГУ Вера Павловна Чижова.

Большая работа проводилась по обеспечению взаимодействия с Дружинами других вузов – из Москвы, Ленингра-

да, Кирова и других городов. В 1978 году в Свердловске был проведён организованный Дружиной по охране природы УрГУ Всесоюзный семинар студенческих дружин по охране природы. Большую роль в организации семинара сыграл Саша Добров. Это было большое и значимое мероприятие. В нём приняло участие около шестидесяти представителей Дружин по охране природы из Москвы, Ленинграда, Кирова, Новосибирска, других городов, а также из Литвы, Белорусии, Украины, Казахстана, Таджикистана. На семинаре рассматривались вопросы создания особо охраняемых природных территорий, обустройство учебных троп природы, особенности благоустройства туристических маршрутов. Большое внимание было уделено организации работы по борьбе с браконьерством. Были проведены ученья по выявлению и задержанию нарушителей природоохранного законодательства, где члены Дружин в условиях, максимально приближенных к реальным, показывали свои навыки этой работы.

Пленарное заседание семинара проходило во Дворце молодёжи, но основная часть семинара была проведена на территории будущего парка. Там участникам семинара показали не только природные красоты долины реки Серги, но и то, что можно сделать силами студентов: проложенные туристические тропы, остановочные пункты и приюты для туристов с оборудованными кострищами и с запасом дров.

Многое делалось студентами для обеспечения охраны редких и уникальных природных объектов: в это время студентами – членами Дружины по охране природы – на территории будущего парка было описано более двадцати памятников природы. Неоценимую помощь в придании этим объектам официального статуса оказал Владимир Ипполитов – Учёный секретарь Комиссии по охране природы Уральского научного центра (позднее – Уральского отделения АН РАН). Во многом благодаря ему были приняты решения облисполкома от 11 сентября 1975 года «О мерах по обеспечению сохранности памятников природы области» и от 30 июня 1983 года «О мерах по устранению недостатков в охране памятников природы области». К сожалению, в расцвете своих сил и способностей он погиб – был убит бандитами.

Охрана этой территории, борьба с браконьерством были особой задачей. В то время это был, как мы тогда говорили, край непуганых браконьеров. Практически каждый выезд студенты встречались с теми, кто любил поживиться в лесу или не реке. Членами сектора борьбы с браконьерством изымалось большое количество незарегистрированного оружия, сетей, бредней и других орудий браконьерства. Дело это было иногда опасное и требовало от членов сектора борьбы с браконьерством смелости и уверенности в себе. Были случаи, когда члены Дружины безоружные, в одиночку задерживали двоих-троих браконьеров и отнимали у них незарегистрированное оружие. Браконьеры попадались самые разные, в том числе и высокопоставленные. Помню случай, когда на незаконной охоте попался инструктор райкома партии.

Нельзя не сказать о том, что проводимая работа была очень непростой, а иногда и просто опасной. Особенно это касалось борьбы с браконьерством. Стычки с браконьерами были не редкостью. Но нужно сказать, что мы хорошо понимали опасность такой работы. В 1984 году произошла трагедия – во время рейда по охране животного мира браконьером был застрелен член Дружины по охране природы Евгений Семухин. Браконьер был пойман и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу (в те годы не было моратория на смертную казнь).

Нелёгкая работа по борьбе с браконьерством вскоре стала приносить свои плоды: слухи о том, что эта территория находится под жёсткой охраной студентов, быстро стали распространяться среди местного населения и браконьерство пошло на убыль. И сейчас, гуляя по парку, вы не услышите браконьерских выстрелов.

Нужно сказать, что хотя работа по созданию парка была неформальной, её поддерживало и руководство УрГУ, и комитет ВЛКСМ, и областное подразделение Всесоюзного общества охраны природы (ВООП). Саша Добров, благодаря своей энергии, смог добиться того, что руководство УрГУ согласилось оформить инициативную группу по созданию парка как студенческий строительный отряд. Это позволяло в довольно больших объемах проводить работы по благоу-

стройству территории, строительству объектов инфраструктуры. Кстати, работы эти велись на безвозмездной основе, более того, что-то делалось студентами просто за свой счёт.

В работах по развитию инфраструктуры парка принимали участие многие студенты биофака УрГУ: Гриша Машанов, который внёс очень большой вклад в устройство противоэрозионных спусков, Филаред Гафуров, Вадик Фёдоров, Дима Рыбников, Саша Александров, Саша Бородин, Эдик Поленц, Халид Нафиков, Лёша Сабанин, Татьяна Иванова, Ольга Чистоусова, Толик Жестков, и многие, многие другие.

Но помогали в этих работах очень многие: руководство Нижнесергинского завода и Михайловского алюминиевого завода нередко поставляли необходимые для оборудования противоэрозионных спусков и ограждений металлоконструкции, лесничий Нижнесергинского лесничества Булат Галеевич Нигаматов оказывал посильную поддержку в заготовке материалов для строительства туристических приютов и заготовке дров для оборудованных кострищ. Всегда можно было рассчитывать на помощь и поддержку председателя районного Совета народных депутатов Геннадия Васильевича Арефина.

Многое делалось для популяризации идеи создания на этой территории парка. Большой вклад в это дело внёс Юрий Андреевич Дубровин. Его прекрасные фотографии окрестностей реки Серга знают многие любители природы. Всех этих людей «заразил» своим оптимизмом, своей любовью к природе, своей энергией, своей мечтой – создать в долине Серги природный парк, Саша Добров. Благодаря Саше, идея создания парка объединила очень многих неравнодушных, любящих природу людей.

В то время сложилась парадоксальная ситуация – никакого решения о создании парка не было, но силами Дружины по охране природы уже были обустроены и промаркированы тропы, противоэрозионные спуски, оборудованы кострища, построены туристические приюты, была хорошо налажена охрана этих мест от браконьеров.

Казалось, вот ещё совсем чуть-чуть и решение о создании парка будет принято. Но тут начались девяностые годы.

В той экономической ситуации, в которой оказалась страна, стало не до создания особо охраняемых природных территорий. Казалось бы, о создании парка можно было забыть. Но активность А. В. Доброва, поддержка общественности и неравнодушие главы администрации Нижнесергинского района Г. В. Арефина привели к беспрецедентному шагу – в 1992 году было принято решение Администрации Нижнесергинского района о создании природного парка районного значения.

В том же году по инициативе Ю. Ф. Шабалина был создан Фонд поддержки природного парка «Оленьи ручьи». А. В. Добровым был организован кооператив (позднее – ТОО) «Оленьи ручьи», который продолжил работы по созданию объектов инфраструктуры парка и по развитию организованного туризма.

В 1995 году Областной думой Законодательного собрания Свердловской области был принят Областной закон «Об особо охраняемых природных территориях, расположенных в Свердловской области», проект которого был разработан рабочей группой под руководством директора МНПЦ «Экология Урала» Р. И. Бокачева. Этот закон предусматривал, в том числе, и возможность организации природных парков областного значения.

Постановление правительства Свердловской области «Об учреждении Свердловского областного государственного учреждения «Природный парк «Оленьи ручьи» было принято по представлению Госкомэкологии Свердловской области только 29 октября 1999 года. Этим постановлением были утверждены Положение о природном парке и Положение об его охранной зоне.

Проект этого постановления разрабатывала главный специалист отдела охраны земель, животного мира и особо охраняемых природных территорий Госкомэкологии Свердловской области Бокачева Т. И. В разработке проекта Положения о природном парке и Положения о охранной зоне парка участвовали многие сторонники парка: А. В. Добров, П. С. Воздвиженский, Ю. Ф. Шабалин, Я. В. Чепчугова и другие. Так был создан первый в области природный парк.

А. В. Добров стал первым директором природного парка «Оленьи ручьи». Он проработал в этой должности с 1999 до 2002 года. После него природный парк возглавляли Андрей Викторович Смольников (с 2002 по 2004 год), Борис Николаевич Обухов (с 2004 по 2005 год), Павел Сергеевич Воздвиженский (с 2005 по 2007 год) и Николай Михайлович Калинкин (с 2007 года по настоящее время).

После официального создания парка количество посетителей значительно выросло. Вскоре стало понятно, что желающих посетить природный парк «Оленьи ручьи» намного больше, чем парк мог принять. Дорога до деревни Бажуково была грунтовая, плохого качества, машины посетителям было оставить негде, негде было обогреться и отдохнуть, негде было перекусить.

Решение этой проблемы взял на себя ещё один неравнодушный человек – директор фирмы «Уралкомплектнаука» Сергей Павлович Тамакулов. Он со своими коллегами разработал проект административного центра и автомобильной стоянки, способной вместить не только автомобили, но и экскурсионные автобусы. Сразу стало понятно, что необходимо срочно делать хорошую дорогу от трассы до административного центра. Сделать это было непросто. Ни в какую программу развития автомобильных дорог эта дорога включена не была. Начальник Управления автомобильных дорог Свердловской области В. В. Плишкин тоже оказался человеком, любящим природу. Во многом благодаря ему эта дорога вскоре оказалась построена.

К октябрю 2008 года строительство административного центра, автомобильной стоянки и асфальтовой дороги до деревни Бажуково было завершено. После строительства административного центра, автодороги и стоянки начался новый этап в развитии природного парка. Расширялась сеть оборудованных троп, строились новые противоэррозионые спуски, мосты, смотровые площадки, места отдыха. Сейчас природный парк «Оленьи ручьи» стал любимым местом отдыха многих и многих любителей природы. Его посещает ежегодно более ста тридцати тысяч человек, как из нашей области, так и из иных регионов нашей страны и из других стран.

Н. Смирнов

МЕЧТЫ А. ДОБРОВА – ПРЕЗИДЕНТА УРАЛЬСКОГО ФИЛИАЛА ПИКВИКСКОГО КЛУБА (1967 г.)

Мы мечтали о дальних дорогах,
Мы мечтали об вкусно поесть.
А. Добров – предводитель народов
В пиквикисты сумел нас вовлечь.

Уральская народная мудрость

Всякое путешествие начинается не с вокзала или аэропорта, и даже не со сборов в дорогу, оно начинается с мечты. Это началось совершенно по-дурацки, но мечта была ....

Мечта об очередном путешествии появилась в жаркий полдень. Саша Добров и его однокурсники, Анатолий и Виктор, сидели в садовой части двора старого дома с верандой. Даже на веранде было душно, и стол поставили прямо под яблоней. Эти вчерашние первокурсники изображали из себя очень взрослых и пили разбавленное водой и без того слабое красное алжирское вино. Это необходимо подчеркнуть, чтобы было ясно, что все были в трезвом уме. В их возрасте, даже в таком состоянии, люди иногда совершают поступки, о которых потом жалеют. Вот и они потом не могли вспомнить, кто первый предложил взять и ни с того, ни с сего поехать в Дикие Пещеры. Нет никаких сведений на этот счёт и в уцелевших протоколах Клуба. Наверное, просто захотелось приключений, да и давненько они вместе нигде не были. Взяли, и вот так встали и поехали. Такие поступки были в духе Уральского филиала Пиквикского клуба. Основателем и Президентом Клуба был не кто иной, как Александр Добров, эсквайр. Остальные были просто членами Клуба, зачисленные в таковые после первого путешествия ещё прошлой зимой после сессии. Целью таких поездок было изучение человеческой натуры в природных условиях и сплочение Пиквикской солидарности, опять же в условиях дикой природы (по возможности экстремальных).

Чтобы добраться до места основных экстремальных событий, к четырём часам пути в поездах пришлось добавить три часа пешего хода по шпалам. Так остаток вечера и почти вся ночь прошли в пути. Последние километры по железнодорожному полотну шагали молча. Все устали, да и не хотелось нарушать торжественность марша. Полотно шло по высокой насыпи, и друзья-пиквикисты плыли над всем миром, погруженным в сумрак последних минут ночи в зарождающийся утренний туман.

Впереди замаячил разъезд, около которого пора сворачивать на лесную тропинку.

Лес встретил друзей предрассветным гомоном пернатой мелюзги, туманом в низинах и густым запахом цветущих летних трав. Разгоряченные ходьбой, взбодрённые утренней прохладой, о сне никто и не думал. Наскоро вскипятили чайку и натянули одежду, припасённую для встречи с жидкой пещерной глиной.

Троица спелеологов стояла, готовая к первому шагу, когда солнце ещё не коснулось их своими лучами. Они молча смотрели на склон, слегка прикрытый березняком, словно сцена – полупрозрачным занавесом. За ним, то тут, то там в сумраке виднелись скалы. Где-то среди них скрыты входы в эти самые Дикие Пещеры. Слава о них была нехорошая. Точно никто не знал, сколько этих пещер. Одни говорили, что три – по количеству входов, другие считали, что это одна пещера, лабиринты которой причудливо переплетаются, и просто в них ещё как следует не разобрались. Третьи уверяли – вошли в один вход, а потом, сами не зная как, вышли через другой. Ни Виктор, ни Саша, ни тем более Валентин, об этом в тот момент не вспомнили. Им надо было решить, через какой из входов начать тренировку. Молча двинулись к тому, который быстро приводит к первому колодцу.

Начался спуск туда, где через несколько шагов пропал весь мир цветов и запахов пробуждавшегося утра. Они снова вернулись в ночь, но особую, без утра, дня или вечера, в постоянную темноту, безмолвие, холод и сырость. Все обещало быть, как надо – экстремально. Спуск шёл по «этажерке» – широкому почти вертикальному ходу, заполненному

громадными каменными глыбами. Виктор и Александр легко пролезали между ними всё ниже и ниже. Анатолию, с его тучноватой комплекцией, приходилось тяжелее, но он старался не отставать.

Наконец, под ногами ощутили ровную площадку и, оглядевшись, поняли, что находятся в небольшом, но довольно уютном гроте, где уже ничто не напоминало о существовании верхнего мира.

– Перекур, – объявил Президент, и все расселись на камни.

Лучи фонариков прорезали темноту, как праздничные прожекторы, и было видно, что у каждого изо рта шёл пар. Самый наблюдательный заметил это и определил, что, должно быть, температура градусов шесть-семь, а влажность сто процентов.

– Не тарахтите, – попросил Виктор, – дайте послушать тишину.

При этом все погасили фонари и созерцали тишину в полной темноте. У Александра на какое-то мгновение закружилась голова, и он потерял ориентировку – настолько непривычно отсутствовало что-либо вокруг. Нет ни малейшего света. Он поднёс собственную ладонь к открытым глазам, подвигал ей и убедился, что зрение ничего не улавливает. Звуков нет настолько, что звон в ушах буквально заглушает стук собственного сердца. Так продолжалось какое-то время. Потом раздалось мелодичное «кап» и отдалось слабым эхом. С потолка упала капля, и наступило ожидание следующей. Это ожидание почему-то раздражало. Ну, когда, когда…, вот, наконец, опять «кап!». Ну, всё нормально, мир продолжает существовать, и даже затянутый ритм этих капель радует.

– Коллеги, – первым нарушил тишину Александр. – У меня появилась мечта.

– Наверно, есть хочет, – цинично предположил Виктор.

– Вечно ты всё сведёшь к медицинскому факту и опошлишь, – продолжал подозрительно разоткровенничавшийся Саша.

– Представьте себе. Какой-нибудь спелеолог-асс приведёт сюда, в этот подземный храм, группу начинающих и

начнёт обряд посвящения в спелеологи с такой же тишины в темноте. Он поведает им о тайнах и опасностях подземелий, расскажет легенды о щелпах и белом спелеологе. Потом будут крестить глиной. Для этого включат фонарики и увидят…, – он артистично выдержал паузу, – например, в том углу, – ещё пауза, – диван, весь засиженный клопами.

– А в чём мечта? – повис вопрос.

– Как в чём? Притащить сюда диван.

– Да, мечта высокая, вполне в духе Клуба, но не рассчитывай, что я буду тебе помогать.

Тема дивана с клопами грозила разрастись, и её предложили закрыть в пользу действий. Даже небольшой перерыв в движении, и холод начинал пробираться под сыреющую с каждой минутой одежду.

Пора начать самый ответственный, как тогда, казалось, этап – спуск в колодец. Достали припасённую веревку, закрепили один её конец за большую глыбу, а второй бросили вниз. Всё получилось ловко. Было видно, что свободный конец достал почти до самого дна, а стен колодца веревка нигде не касалась. Глубина была небольшой – метров шесть или семь. Ребята с шуточками, легко спустились вниз и, ощущая прилив тепла и радости от движения, без паузы, не оглядываясь, стали углубляться дальше и дальше по основным ходам и галереям. Ничего особенного по дороге не встречалось; кругом влажные известняковые стены то шире, то уже. Потолок то позволяя идти в полный рост, то приходилось нагибаться и двигаться на четвереньках. На ходу все быстро согрелись. Примерно минут через сорок такого передвижения встретилось небольшое озерцо. Обойти его оказалось невозможно, пришлось переходить вброд. К счастью, глубина была не ахти какой большой, но выше сапог, и ноги у всех промокли.

– Так дело не пойдёт, – сказал опытный Добров. – Надо вылить воду и отжать носки. Пришлось сесть прямо на мокрую глину и проделать эту малоприятную процедуру. После озерка вода под ногами была уже всё время. Местами она стояла лужицами, местами струилась по полу маленьким ручейком. Со стен постоянно сочилось, и с потолка капало. В особо узких местах по этим лужам приходилось ползти.

– Если дальше будет продолжаться в том же духе, то я так больше не играю вообще.

– А куда ты денешься? – спросил Толя – Или все двигаем дальше, или все поворачиваем обратно. По одному здесь никто не играет.

– Да это я так, для разговора, – оправдался Витя. Некоторое разнообразие и радостное оживление принесло расширение хода и подъём потолка. Ещё через несколько десятков метров оказалось, что радоваться нечему. Пол стал резко уходить вниз в виде катушки, по которой стекал ручей. К чему всё это приводило, не было видно из-за поворота, но было слышно, что впереди шумела вода как в небольшом водопаде.

– Забавно сесть на пятую точку и скатиться по этой горке. Только чувство самосохранения подсказывает вопрос – как потом подниматься? – начал рассуждать Анатолий.

– Элементарно, – сказал Добров и, отодвинув друзей, покатил вниз, как будто он не в пещере, а какой-нибудь Хургаде, в аквапарке. Через несколько мгновений раздался выразительный звук, по которому стало ясно, что он шлепнулся в большую лужу или озерко.

– Делай как я! – скомандовал снизу предводитель пиквикистов.

– А я ещё в детстве обещал маме не прыгать с пятого этажа, даже если так будут делать все, – откликнулся Виктор.

– Да что вы, катушка не высокая, а главное, в конце успевайте немножко затормозить и прыгнуть, чтобы не плюхнуться в лужу, – подбадривал Саша, – я посвечу и буду изучать вашу природу в экстремальных условиях.

Ребята по очереди так и сделали. Дух немного захватывало, но в этом удовольствие и состояло. Толя на спуске так размахивал руками, что разбил об стену фонарь. «Хорошо, что не голову» – утешили чуткие друзья и дали ему свечку.

Следующим испытанием стал шкуродёр. Лучше бы фонарь сломался где-нибудь после этого нехорошего места. Там было так тесно, что ползаньем такой способ передвижения можно было назвать очень условно. Не было свободного места совсем, его не хватало даже для того, чтобы упереться локтями или коленями. Хорошо, что голова проходила

между полом и потолком. Правда, не во всякой плоскости. Иногда ее приходилось складывать на бок. Одежда часто цеплялась за выступы скал, и карманы быстро превратились в лохмотья. Все пыхтели и молча извивались. Первым, как ему и положено, полз Добров, за ним Виктор и замыкал Толя. Он попытался освещать перед собой пространство свечкой, подпалил себе шапочку, брови и ресницы и предпочёл лезть на ощупь. Однако всё имеет конец. Кончился и шкуродёр. Он привёл в довольно просторный грот с изумительными по красоте натёками.

Здесь начиналась другая часть пещеры. Всё, что было до сих пор, было серо, убого и местами даже противно – голые камни, глина и вода. Местами по отдельности, местами вперемешку. Какая-то первозданная дикость и хаос. Известняк был изъеден водой, но ещё не покрыт натёками, щебень и глыбы еле держались на своих местах и осыпались даже от слабого прикосновения. Вода не могла найти себе путь, местами куда-то струилась, точила камни и размывала глину, а та старалась забить своей вязкой массой любую образовавшуюся щель.

В гроте же, напротив, была заметна тщательная, кропотливая работа над каждой деталью интерьера. Размеры грота создавали одновременно ощущение и величественности, и уюта. Соразмерным было и соотношение водного зеркала и суши. Даже вода здесь уже никуда не спешила – она лежала спокойным зеркалом озера на одном уровне так давно, что местами её поверхность подернулась кальцитовой корочкой, а та успела зацепиться за берег. На стенах и потолке дикого первобытного камня не было видно совсем – всё покрывали кальцитовые натёки. Они свисали драпировками и занавесями, нарастая с потолка и пола, срастались и образовывали колонны. Тонкие нити соломинок местами висели так густо, что невозможно было пройти. Всё это великолепие было либо белоснежным, либо имело разные оттенки охристых и красных тонов. Там, где пол не покрывали натёки, на нём была почти сухая глина. Она лежала таким первозданно ровным слоем, что ступать по ней было как-то неудобно. Здесь совсем не было следов присутствия людей.

Слегка привыкнув к роскоши зрелища и отдышавшись после шкуродера, оробевшие гости осторожно вступили под своды этого дворца. Кто-то задел соломинку – она с жалобным звоном сломалась и беззвучно упала на бархат глины. Ребята подошли к озеру и сели на камни. Двигаться больше не хотелось, да, собственно, и куда же дальше идти? Не видно ни одного прохода. Сидели и внимательно осматривались.

– Какая-то восточная вычурность во всём этом есть. Шику много, – отозвался Виктор.

– Меня больше занимает, как из этой красоты двигать дальше, – Анатолий был более практичен. – Какие предложения?

Саша, как самый опытный, высказал два предположения: или ход скрыт где-то под водой или замаскирован под коркой натёков.

– Видите вон то углубление, похожее на камин. Если постучать в его зев, то не исключено, что там будет заветный «сим-сим откройся», а может и не будет, – начал он перебирать варианты, но как-то вяло, без энтузиазма.

– Лично я, прежде всего, поставил бы на этот камин вычурные часы и пару подсвечников, – пустился в разглагольствования Виктор.

– Кстати, и о часах. Кто угадает, сколько времени мы под землёй? – продолжил диалог Александр и достал из дальнего кармана часы. Остальные могли только гадать, у них с собой часов не было.

Толя предположил: «Часа два».

Виктор вспомнил, что циркадный, то бишь суточный, ритм под землёй у людей обычно замедляется, и сказал, что поскольку Анатолий – человек нормальный, и ему показалось, что прошло два часа, то на самом деле, вероятно, больше, наверное, три.

– Ход твоих мыслей абсолютно верный, – ободрил начитанного товарища Александр. – Только прошло уже почти пять, и посему, слушай мою команду. Не ручаюсь за точность цитаты, но Нансен сказал на пути к северному полюсу: «Если бы мы не дошли до этого места – можно было считать нас трусами, но. если пойдём дальше, – будем безумцами». Всё,

поворачиваем обратно, и в очень резвом темпе двигаемся к выходу, а то у всех скоро начнётся упадок сил от голода и переохлаждения.

Эта команда была голосом трезвого рассудка. Действительно, времени прошло много, сил оставалось уже только-только на обратный путь. Обидно было поворачивать назад, дойдя до начала самого интересного, ещё никому не известного и такого манящего. Кому знаком азарт движения вперёд, тот поймёт, как трудно послушаться этого самого рассудка и повернуть. Примерно об этом подумал Виктор.

– Уходить отсюда, когда мы на пороге новой части пещеры, где ещё никто не был? Я представляю, что там может быть. Вдруг там, как в Кунгуре, — ледяная часть пещеры, а во льду лежит замороженный неандерталец со своими орудиями, а может, и не один. Да такого ещё никто в мире не находил.

– Мне уже ничего не надо, кроме кружки горячего чая со сгущёнкой, – взмолился Анатолий, – И вам вообще скоро ничего не надо будет, если мы быстро отсюда не повернём обратно.

Обратный путь занял меньше времени, не надо было искать нужные ходы и упираться в тупики, но и силы уже не те, что в начале пути. Ощутимая заминка вышла только при подъёме на катушку, но и её преодолели.

К подножью колодца добрались почти на автопилоте, двигаясь бездумно, как во сне, с единственной мыслью – не останавливаться, шевелиться. Все были так голодны и измучены, что о еде уже никаких мыслей не было. Хотелось только поскорее попасть на вольный тёплый воздух, лечь, вытянуться и не шевелиться. Осталось чуть-чуть: подняться по верёвке, выйти к этажерке и всё – там тепло летнего дня. Можно сбросить с себя мокрую, пропитанную глиной одежду, походить босиком по нагретой солнцем траве, развести костер, вскипятить чай.

Глаза уже слипаются на ходу, а это и есть самое опасное – явно начинает наступать переохлаждение и вместе с ним озноб и сонливость. Ничего, сейчас наши герои истратят последние калории на подъём по верёвке, немного согреются

от этих усилий и выйдут к свету и теплу. Виктор начал карабкаться первым.

Веревка свисала с потолка грота, как канат в спортивном зале. До стен было далеко, а собственно стенки колодца начинались где-то высоко, там, у потолка грота. С первых движений стало ясно, что Вите надо помогать. Двое изобразили из своих плеч подставки для его ног. Это помогло подняться метра на полтора, а как же дальше? На одних руках надо подтягиваться ещё около пяти метров. В нормальных условиях для спортивного Виктора такое упражнение сущий пустяк, но сейчас, когда всё тело бьёт озноб, руки едва держат вес собственного тела, поднять его нет никаких возможностей. От ног никакого прока – только лишний груз, они до того перемазаны глиной, что скользят по верёвке, как намазанные салом.

У Анатолия остались силы высказаться:

– Будем смотреть правде в глаза, – продолжил он уже очень серьёзно. – Никто из нас не способен сейчас залезть по этой проклятой верёвке так просто. Надо думать – силой здесь не возьмёшь, у нас её уже нет.

– Давайте навяжем на верёвке узлы – предложил Саша. Нижний узел навязали быстро, ещё один, ещё, а дальше, там, выше, где они нужнее всего, сделать это оказалось очень трудно. Чтобы вязать узлы верёвка должна быть свободной. Пришлось Александру залезть на плечи к Анатолию, тянуться оттуда и вязать до того уровня, пока хватало роста этой пирамиды. Решили испытать подъём с узлами. Увы, они почти не помогли – мешала скользкая глина, которой перепачкали и верёвку, и одежду.

Попробовали еще одно средство – соорудить горку из камней. Собрали все подъемные камни вокруг, но этого явно было мало. Ничего больше в голову не приходило, а холод и усталость брали своё.

Положение становилось отчаянным, и это понимали все. Посторонней помощи ждать было неоткуда – никто не знал, где они и когда должны вернуться. Дома, конечно, хватятся, начнут искать, но живыми уже не найдут. Вот что значит нарушить элементарное правило техники безопасности: спуска-

ясь в пещеру, оставь кого-нибудь на поверхности страховать. Об этом все думали, но никто не говорил.

Виктор усиленно гнал от себя такие мысли и пытался вспомнить всё, что могло пригодиться. Фонари уже почти погасли, батареи, как и силы людей, были на исходе. Оставили гореть одну свечу. Она стояла на большом камне в середине грота и отбрасывала тени на красновато-серые стены с силуэтами сидящих в разных углах ребят.

Анатолий пытался шутить, но голос его был слабым и звучал несколько фальшиво: «Так ведь и простудиться можно. Сидишь тут, мокрый, на холодных камнях, никаких тебе условий для нормального отдыха. Ещё и в спину поддувает, закройте кто-нибудь форточку».

– Стоп, Толя, откуда тебе поддувает? Я серьёзно спрашиваю, раз дует, там может быть другой ход, а это шанс, – Александр энергично поднялся, взял свечу и пошел в тот угол, где сидел Анатолий. Пламя свечи заметно стало шевелиться, когда её поднесли к одной из глыб у стены. Под глыбой, между камнями был узкий лаз, через который поддувал воздух, но человеку пролезть было невозможно. Этим ходом, скорее всего, пользовались лисы – на камнях было видно несколько рыжих шерстинок.

– Попробуем расширить ход, – предложил или скорее скомандовал Александр. Все начали раскачивать камни. Те, что поддавались, были быстро убраны. Скоро стало ясно, что глыбы так держат остальные камни, что с ними не справиться. Больше здесь ничего не сделать, и надо было попробовать пролезть так.

Самая подходящая для этого фигура была у Виктора. Главное даже не фигура вообще, а голова. Если голова проходит в узость, то всё остальное можно протиснуть. Первая попытка оказалась неудачной. В самое первое узкое место голова, хоть и с большим трудом, но проходила, а плечи упорно застревали. Виктор вылез обратно, молча снял с себя всю верхнюю одежду и полез так, полуголым. Друзья понимали, насколько это ужасно – собственной кожей, спиной, животом и всем остальным касаться холодных мокрых камней, когда единственным желанием было сохранить в своём теле

оставшиеся крупицы тающего тепла. Они молча смотрели, как щуплое тело Вити медленно исчезало в щели между глыбами, и последнее, на чём остановился на какое-то мгновение их взгляд, были подошвы его сапог.

Виктор быстро сообразил, что лисий ход ведёт не к другому выходу из пещеры наружу, а просто тянется до верхнего грота в обход колодца. Ползти было трудно не столько из-за холода, он, конечно, не помогал, но главную неприятность приносили ссадины и раны, которые неизбежно появились на спине, плечах, коленях и локтях, сразу ободранных об острые камни.

Пространство, в котором можно было оторвать голову от пола, Виктор воспринимал, как подарок судьбы. Он постоянно разговаривал с собой, хвалил себя, уговаривал потерпеть ещё немного. Лампа не светилась, в ней просто была ещё видна нагретая спираль. Этот светлячок помогал не остаться один на один с полной темнотой. Особенно трудно пришлось на крутом изгибе хода. Торчащий на самом повороте острый угол камня просто вспарывал тело. Виктор изо всех сил прижимался к противоположной стене и уговаривал себя продвигаться и не обращать внимания на боль от этого пыточного орудия. Еще в одном месте застряла голова, да так, что правое ухо грозило оторваться.

«Кому я нужен без уха», ворчал на себя Виктор и, стиснув зубы, протискивал себя дальше и дальше, сантиметр за сантиметром.

Наконец, он ощутил перед собой большое свободное пространство. Всё, он в гроте, где начался колодец. Надо найти его ощупью, чтобы не провалиться. Крикнул ребят, и они сразу отозвались.

– Берегите тепло и электроэнергию, – произнёс он, с трудом сохраняя привычный шутливый тон. – Я быстро смотаюсь наверх и принесу вам что-нибудь для сугрева. Держитесь.

Саша и Толя сели, прижавшись, друг к другу спинами, накрылись с головами курткой, штанами и прочей одеждой Виктора и приготовились долго ждать. Тепло, выходящее из тела с дыханием, немного задерживалось в этом подобии шалаша.

Виктор рывком вскочил и кинулся из последних сил по этажерке к выходу.

Ужас перед страшной реальностью гибели друзей отодвинул всё куда-то в сторону. Тепло и свет солнца, буйство запахов и разноцветье леса после мрака и холода пещеры — ничего этого он не замечал.

Вот когда пригодился навык моментально, с одной спички разводить костер. Доводить воду до кипения было некогда – была бы горячая. Быстро её – во фляжку, туда же сгущённого молока. Боже, как оно медленно течет. Быстро, прямо на грязь и кровь, накинул на себя запасную одежду, выхватил из рюкзака несколько кусков сахара, пачку печенья и бегом обратно к пещере, к её пленникам.

Пленники пещеры просто сидели в оцепенении под одеждой товарища спинами друг к другу, приняв позы, похожие на те, в которых лежат младенцы в утробе матери. Они прижали руки к животу и груди, втянув их из рукавов верхней одежды. Головы тоже втянули в одежду так, чтобы дыхание не выходило из-под рубашек. В таком мешке из одежды было душно, но можно продержаться какое-то время.

Они едва, сквозь дремоту и уже затуманенное сознание, услышали какие-то звуки у себя над головой. Виктор был прямо над ними и готов спуститься, чтобы растормошить, силой вливать чай, отогревать. Хорошо, что удержался и остался наверху. Они зашевелились, зажгли свечу, которая стояла, тоже остывшая, дожидалась своего часа.

Фляжка уже успела остыть так, что можно было пить. С каждым глотком к ребятам возвращалась жизнь.

– Если ваши мозги уже шевелятся, давайте обсудим план дальнейших действий, – преодолевая бившую его дрожь, предложил Александр.

Остановились на таком варианте. Самого тяжёлого – Анатолия, оставляют внизу, а Сашу пытаются вытащить с двух сторон наверх. Виктор тянет сверху, а Анатолий толкает снизу. Если это получится, двое пытаются вытянуть Толю, обвязав его веревкой.

Первый этап прошёл на удивление легко. Саша собрал силы и волю в кулак. На первых метрах помогла подставка

из спины и плеч Анатолия, на последних – рука Виктора, а посередине – выражения, на которые в крайних случаях способны пиквикисты.

– Хорошо быть молодым и ловким, – непринужденно заключил Добров своё освобождение.

Однако вытянуть увесистую тушку Толи двоим измученным оказалось не под силу, а он был не в состоянии ничего сделать для своего спасения. Решили, что Саша побежит за подмогой на разъезд, а Виктор будет подбадривать узника и носить ему еду и горячее питьё.

* * *

Добров добрался до разъезда минут за сорок. Там стоял всего один жилой домик и будка стрелочника, но в них никого не было. Он опять не знал, что ему делать. Вышел и сел на лавочку около будки. Доски под солнцем были горячими и какими-то ласковыми, бархатными. Хотелось лечь на них и никуда не двигаться, от всего отключиться и уснуть. Он просто прислонился спиной к горячей стене будки, прижался к ней затылком и закрыл глаза. Солнце просвечивало сквозь веки, грело лицо, грудь. Вокруг было очень тихо. От шпал и щебёнки поднимался тяжелый железнодорожный дух. Предводитель боялся уснуть и открыл глаза. Стена леса была далеко, и было видно, что ветерок перебирает листья на берёзах и осинах, но звуки сюда не доходили. Среди кустов, у кромки леса не в такт ветру зашевелились ветки, тут же из них показалась лохматая рыжая собака, а за ней — маленькая девчушка. Они шли к будке, и Саша ждал их приближения. Малышке было не больше пяти лет, её синее в белый горошек платье было чистеньким и выглаженным. Собака первая подбежала к Саше, обнюхала его ноги, опустила голову, прижала уши и завиляла хвостом, как будто они давно были знакомы, и она была уверена, что её сейчас будут гладить и чесать за ухом. Девочка на ходу расчесывала комариные укусы на тоненькой шейке. Все её голые ноги были в красных пятнах от злых комаров.

– А ты не видел Пашу? – спросила она вместо «здравствуйте».

– Тут никого нет, – деликатно ответил Александр. – А кто это Паша, и как тебя зовут? – Можно было засомневаться, что таинственный Паша вообще человек. Может, это телёнок или какая другая скотина?

– Меня зовут Зоя, а Паша – наш богатырь.

– Слушай, Зоенька, богатырь-то мне сейчас больше всего и нужен. Давай вместе его искать. Где он может быть? – почему-то не удивившись такому повороту дел, ответил Добров.

– Если в деревню ушёл, так должен уже возвращаться, – сказала Зоя, взяла за руку и повела по тропке.

От ощущения этой маленькой ручонки в своей ладони ему стало удивительно спокойно и уверенно на душе. Он уже не сомневался, что все их злоключения кончатся благополучно.

Ощущения – ощущениями, но надо было торопиться – ребятам всё равно плохо, их надо поскорее вытаскивать. Малышка явно уже устала и пылила ножками по хорошо знакомой ей дороге, собака, как на пружинках, весело бежала впереди.

– Может, ты устала, на руки пойдёшь, я тебя немного понесу? – предложил Саша.

– Нет, меня только Паша носит, он очень сильный. Скоро мы его встретим.

– Присядь, отдохни. Тут ветерок и комаров нет, – предложил Александр.

– Давай, посидим, – откликнулась она. – Подождём.

Вскоре девочка показала пальцем на далекую фигуру, которая отделилась от крайних домов и двигалась по дороге в их сторону.

– Вот – Паша, из деревни вышел.

Когда он подошёл к ним, Зоя побежала навстречу, прыгнула на руки и повисла, уцепилась руками и ногами. Паша ловко подбросил ребенка, усадил себе на загривок и подошёл к незнакомцу.

Пока они шли эти несколько шагов, девочка успела сказать богатырю на ухо несколько слов, а собака крутилась у них под ногами, скакала и радостно гавкала.

– Паша, выручай, – без лишних предисловий начал Алек-

сандр. – Двое моих друзей застряли в пещере, одного мы уже вытянули, а другой такой тяжёлый, нам не под силу. Пойдём скорее, им там холодно и вообще плохо.

– Ясно, пошли, – был лаконичный ответ. Они быстро зашагали к пещере.

Через некоторое время Паша первый нарушил молчание и за разговорами они быстро подошли к пещере.

* * *

За то время, пока Саши не было, Виктор решил подняться наверх, подкрепиться, переодеться самому, взять еды и сухую одежду для Анатолия.

– Иди, я в порядке, – напутствовал узник.

Как только шаги Вити затихли вдали, Толя ощутил неосознанную тревогу. Конечно, в полной темноте ничего приятного не было, но и темнота сама по себе его уже не пугала. Угроза исходила от чего-то другого. Это самое неприятное, когда не знаешь точно, что тебе угрожает. Оглядываться по сторонам было бессмысленно —всё равно кругом полная тьма. Толя сидел посреди грота, под колодцем, на той куче камней, что они все вместе собирали, делая первые попытки выбраться.

Толя пошарил вокруг себя по полу в поисках свечи, но безуспешно. Пришлось достать спички. Он ощупью сосчитал – их в коробке осталось всего семь.

Одну достал и трясущимися руками ударил о стенку коробка. Раздалось предательское шипение, но настоящего огня не вышло.

– Шесть, – мысленно начал вести отсчет Анатолий.

– Пять, – и ещё одна полетела без пользы в темноту.

– Четыре, – и эта туда же.

– Три, – сырое гореть не хотело.

– Две, – шипение, и слабый зеленоватый огонёк на долю секунды родился и сразу умер.

Последняя спичка. Надежды почти нет.

Толя с обреченностью подумал: «А что от неё толку? Даже если случится чудо, и она загорится, свечу всё равно не успею найти и зажечь».

Он сел на камень, и его охватило тупое отчаяние.

В это время Богатырь решительно отодвинул Александра и Виктора. Спуститься вниз, обвязать веревкой пострадавшего и поднять его удалось быстро. Благодаря Паше всё было сделано необычайно ловко.

Все начали двигаться к выходу, пытаясь помогать выбираться спасённому, но он отшучивался и карабкался сам.

* * *

Вечер у костра проходил без обычных шуток и споров. Огонь в костре выплясывал свой магический танец, и глаза не хотели от него отрываться. Казалось, во всём мире наступил покой, и разлилось умиротворение. После всех впечатлений этих безумных суток, напряжения сил, голода, холода и крайней усталости тишина, сытость и благость этого тёплого вечера подсказывали, что вот примерно так и бывает человек счастлив просто оттого, что он жив.

В небе начали моргать звёздочки, а луна куда-то пропала. Президент внимательно оглядел всё небо и, убедившись, что так оно и есть, про себя тихо этому порадовался. Не хотелось ничего тревожащего – ни лунного света, ни стука вагонных колёс на рельсовых стыках. Вполне хватало «перемывания» лесных новостей, что каждый вечер вели струйки в ручье, редкого шипенья дров в огне.

Виктор лежал на боку, вытянув ноги вдоль костра и, подперев голову кулаком. Он пытался спокойно обдумать всё, что случилось, дабы в другой раз на такие грабли не наступать, но получалось это плохо. Мысли путались, подступал сон, и вместо уроков на будущее в голову лезла всякая пиквикская чушь.

У Александра на душе никак не наступало покоя. Его неотступно преследовало ощущение чего-то важного, очень, очень существенного, что произошло в его жизни, но что это было, он никак не понимал. Всё, что было после того, как его вытащили, он помнил в деталях и пытался в этом разобраться, но это ничего ему не давало. Делиться с друзьями своими сомнениями он не хотел, но и держать всё при себе сил больше не было. Тут никакие слова не помогут, это ясно.

– Я решил, что через неделю вернусь сюда со своим знакомым горняком, и взорём мы вход в эту пещеру к чертовой матери. Нечего там людям делать, – такая моя новая мечта.

– А я торжественно клянусь, перед вашими лицами, дорогие пиквикисты, что с этих пор никогда в жизни вообще ни в какие пещеры ни ногой, – тоном пионерской клятвы произнес Анатолий и почувствовал на душе большое облегчение.

Какие подробности этого путешествия остались зафиксированы в записках Уральского филиала Пиквикского Клуба неизвестно. Сами записки, скорее всего, утрачены на пожаре в лесной избушке А. Доброва, эсквайра, более известного позднее уральскому народу, как «человека с рюкзаком» и организатора Природного Парка, в котором никаких Диких Пещер нет и искать их бесполезно, так как А. Добров всегда воплощал в жизнь свои мечты.

P.S.

Автор вышеизложенных записок посчитал необходимым проинформировать читателей о том, что все описанные приключения действительно имели место. Главный герой – А. Добров – реальный герой, как и два других действующих лица. Последние приведены под измененными именами, но остальное – истинная правда. На основе изложенных приключений ранее уже была написана и издана повесть «Лишний груз», но «Мечты А. Доброва...» значительно ближе к реальности, так как цель их написания – донести до читателей память о молодых годах главного героя, его бескорыстных мечтах, обаянии, смелости, верности в дружбе.

Т. Г. Фарафонтова

МАСТЕР ФОТОПЕЙЗАЖА

Когда после эпохи советских плёночных фотоаппаратов типа «ФЭД», «Зенит», Зоркий», «Киев», «Смена» появились так называемые «мыльницы», Александр Владимирович, человек по натуре очень спокойный и выдержанный, очень раздражался от того, что туристы в «Оленьих ручьях», все подряд, гордо заявляли: «Мы сами фотографируем!»

Его можно было понять. Для него фотография была способом постижения мира. Он никогда не расставался с фотоаппаратом, и с помощью снимков показывал красоту и грани этого мира.

А здесь люди, понятия не имеющие, как проводить фотосъёмку, что такое её параметры (диафрагма, выдержка), гордились своим умением делать фотографии.

«Что на них можно увидеть?» – возмущался Александр Владимирович: «Глаз человеческий видит не так, как фотообъектив!»

«Мой учитель – возмущался А. В. Добров, говорил, что хороший фотограф может сделать снимок на века через окошко, пропиленное в посылочном ящике!»

Это значит, что нужно правильно выбрать точку съёмки!

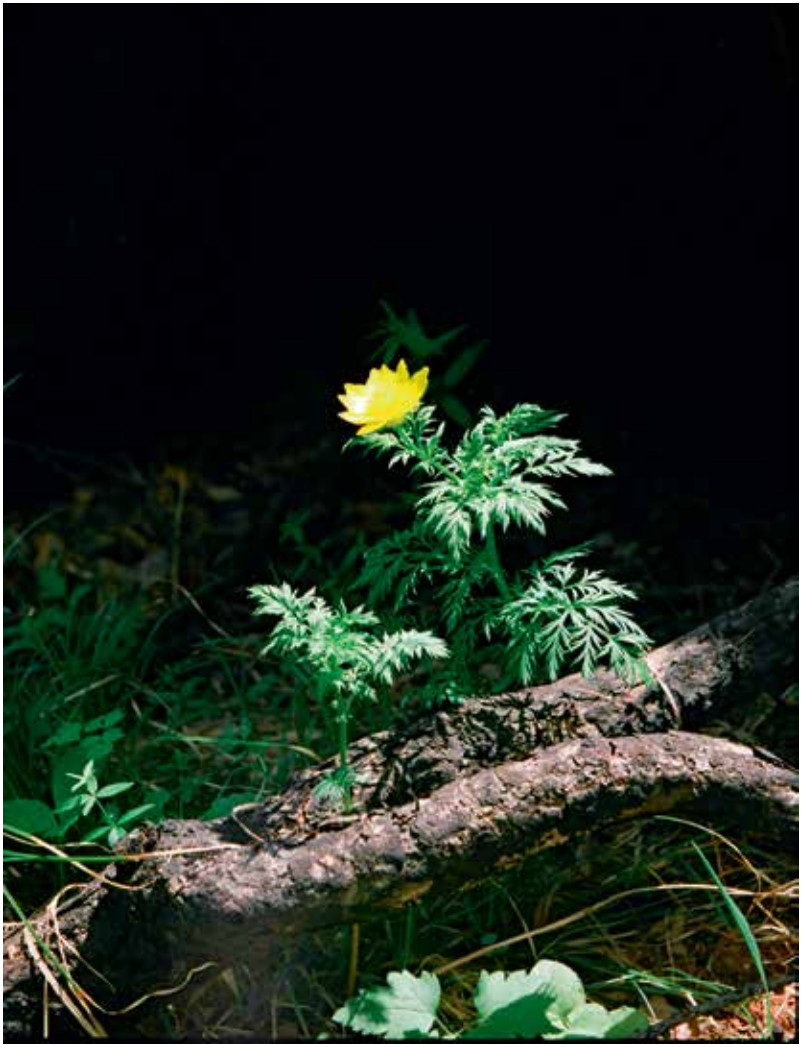
Сколько дорог и тропинок было пройдено им в долине реки Серга в поисках этих самых точек! Им были сделаны сотни снимков, имеющих эстетическую и историческую ценность.

Например, фотография «Скала Лягушка». Только с одной единственной точки камень в верхней части скалы похож на лягушку. И только в лучах закатного солнца сумел поймать этот кадр Александр Владимирович.

Его любимая фотография «Одинокая сосна». Он снимал её в разное время суток, и в каждое время года. И благодаря этим снимкам одинокая сосна, выросшая на обрыве на скале, на камне, зажила своей жизнью: красивая, гордая, сильная!

Думаю, что этот визуальный образ отображал внутренний мир Александра Владимировича. Окружённый множеством людей, он был одинок, и всю его жизнь у него была одна любовь. Он любил только Великую русскую реку Сергу, как он её называл.

Вернёмся к его шедеврам. Фотография «Горицвет» в дупле дерева, образовавшегося в результате низового пожара, как свеча жизни, торжество мира над стихией.

Горицвет весенний

Скала Лягушка

Одинокая сосна

Одинокая сосна

Заводь у Морозова ключа

Одна из работ А. В. Доброва – «Заводь у Морозова ключа» – получила престижную премию журнала «Советское фото». Покрывало из лопухов на воде – в этой фотографии особая атмосфера гармонии и уюта.

Мирные и любопытные растения и цветы, ускользающие туманы над рекой, золотая осень с её яркими красками, или зима с гирляндами и бахромой чистейшего белого снега, пещеры с загадочными гротами, сталактитами и сталагмитами, утро, восходящее солнце или закат – всё было подвластно его взгляду фотографа.

Александр Владимирович дружил с кинорежиссёром, фотографом Свердловской киностудии Юрием Андреевичем Дубровиным. Очень часто они обсуждали точки съемки и уже сделанные фотоработы.

Помню, как Александр Владимирович посмеялся над фото Юры – цветы, припорошенные снегом: «Ты, ведь, Юра, сам снежку на них подкинул. Это заметно».

Для Александра Владимировича важно было не «сделать кадр», а поймать его, у природы вырвать.

Не раз Ю. Дубровин и А. Добров проводили выставки своих фоторабот. Они пользовались популярностью. Я лично на одной из выставок, проходивших в Доме кино в Екатеринбурге, продала много их работ посетителям. Причём, некоторые фото по три-четыре раза. Пришлось допечатывать. Но они, никогда не делавшие фото для продажи, были удивлены, и, одновременно, обрадованы.

А. Добров и Ю. Дубровин представляли Великую русскую реку Сергу в своих фоторабoтах так, как никто не смог ни до, ни после них.

О. Корона

САША ДОБРОВ

Впервые мы встретились 6 ноября 1975 года, хотя до этого я много слышала о нём от однокурсников-рабфаковцев, которые постоянно вспоминали свои поездки на реку Сергу, особенно первую апрельскую 1974 года, незабываемую...

Итак, 6 ноября мы с Олей Дормидонтовой (участницей первого похода) на платформе Первомайская отстали от электрички до Дружинино. Это была первая в моей жизни настоящая поездка, и возвращаться домой решительно не хотелось. Тогда Оле пришла в голову светлая мысль, что надо ехать к Доброву. Поехали, и тут, в переполненном предпраздничном трамвае, соскочила и потерялась дужка от моего лыжного крепления. В общем, всё было против... А Саша встретил нас спокойно и деловито. Исчез куда-то на пару минут, вернулся с дужкой, поправил крепление. Набросал разные варианты дальнейших действий, и мы отправились на вокзал. Меня поразило, как он легко и непринуждённо разрешил все наши проблемы, и, конечно, стала понятна Олина фраза: «Надо ехать к Доброву!». На Бажуково мы по лыжне нашли группу, от которой отстали, поездка прошла успешно.

А потом начались университетские будни: учёба, Дружина по охране природы (ДОП), «акции присутствия» – поездки на Сергу и Шунут. Участие в студенческих семинарах дружин по охране природы, сектор БСБ (борьба с браконьерством), работа со школьниками, флора, фауна, акции: «Ёлка», «Первоцвет» и другие – это были общие направления работы природоохранных студенческих дружин по всему Советскому Союзу. Но у нашей Дружины был куратор Саша Добров и его большое Дело – работа по созданию Парка. Вся работа по традиционным доповским направлениям была посвящена именно этому. Летом 1976 года мы занимались описанием памятников природы на территории парка. Технико-экономическое обоснование создания парка уже существовало в виде переплетённого в черный дерматин тома, а мы занима-

лись работой над приложениями и дополнениями. Тогда казалось, что всё близко, достижимо. Помню, как мы мечтали после окончания университета работать в Парке. Конечно, это было наивно, но тогда так верилось... А на самом деле всё было так непросто, да и не могло быть просто.

Саша был полон идей и творческих замыслов – взять хотя бы прозрачную крышу у избы на Базе. В этой избе даже самый пасмурный день казался солнечным... А идея построить дирижабль... Причём, это не были пустые мечтания, они сопровождались практическим воплощением. Например: на кафедре биохимии и физиологии растений нам показывали приборы для изучения С4 фотосинтеза, которые усовершенствовал А. В. Добров.

Остались в памяти его внезапные появления вечером у костра часто с новыми интересными людьми, песни, которые пел только он.

И звучит ещё в памяти его голос... Пусть звучит!

Мы выросли, жизнь развела нас, каждый пошёл своей дорогой, а Саша продолжал, не бросал своё Дело. 29 октября 1999 года был открыт Природный парк «Оленьи ручьи»!

Такой долгий трудный путь... Это останется навсегда – без Саши не было бы Парка. Только его энергия помогла довести дело создания Парка до победы.

В. П. Чижова

НОВЫЙ ГОД В «ОЛЕНЬИХ РУЧЬЯХ»

(воспоминания полувековой давности)

Совместные экспедиции Группы охраны природы географов МГУ и Дружины биологов Уральского университета по проектированию природного парка «Оленьи ручьи» проводились ежегодно летом и зимой, начиная с 1976 года, и о каждой из них можно было бы написать отдельный рассказ.

Получилась бы целая книга, где были бы и результаты наших научных исследований, и личные впечатления студентов. Но это «долгая песня», на которую сейчас уже не хватит времени ни у меня в моём серьёзном возрасте (в минувшем декабре 2023 года мне исполнилось, ни много ни мало, восемь десятков лет), ни у моих бывших студентов, которых закрутили-завертели дела из области «вчера–сегодня–завтра».

Поэтому, простите за моё решение описать лишь один случай из прошлого, в котором были задействованы только два дорогих мне, но ранее незнакомых друг с другом человека: куратор Дружины охраны природы Уральского университета Александр Добров и мой сын Дима.

Диме тогда было лет десять. По причинам медицинского характера (к нему с глубокого детства прицепилась зловредная бацилла, и ни одна клиника не могла с этим справиться) Дима не ходил в школу. Была зима, приближался Новый год. Мы договорились с Добровым, что выберемся к нему с Димой на зимние каникулы. Но что-то пошло не так, и у меня лично отпала такая возможность. По совету Доброва, мы с Димой решили, что поедет в Свердловск он один.

Дима сначала колебался (до этого времени он никогда и никуда не ездил самостоятельно), но желание побывать в увлекательном во всех отношениях путешествии пересилило страх.

Поезд в Свердловск уходил вечером. И в день отъезда, 31 декабря, с утра Дима пошёл покататься на лыжах в наш Чертановский лес. А там, спускаясь с крутого склона оврага, кувыркнулся и сломал лыжу. Пришёл домой весь в слезах – путешествие «накрывалось медным тазом». Я тут же перезвонила Саше в Свердловск, и он успокоил нас: «Прямо сейчас иду в магазин и покупаю Димке новые лыжи – какой у него рост?».

В результате лыжи были куплены (о чём Саша сообщил мне тут же по телефону), и вечером в тот же день я провожала Диму в первое самостоятельное путешествие. На вокзале нас ждал поезд, который предстал перед нами будто из сказки: наш вагон был весь обледенелый, а дверной проём был вырублен топором в ледовом панцире. Рядом стояла невысокая

проводница средних лет и «деревенской» внешности, которая отчаянно ругалась на пассажиров: практически все они уже «приняли на грудь» и отвечали ей теми же словами, не переводимыми на русский язык. Мне очень не хотелось отправлять сына в такой компании, но Дима неожиданно сам справился с этой задачей.

Подойдя к вагону и глядя на проводницу снизу вверх (он в то время, до самого 8-го класса, рос очень медленно – как, впрочем, и я в эти годы), и неожиданно для всех нас, обаятельно улыбнувшись, громко произнёс, не дожидаясь перерыва в её монологе: «С Новым годом!»

Проводница обомлела и запричитала:

– Мой же ты маленький! Спасибо тебе! Хоть ты один догадался поздравить меня с Новым годом… А то все только ругаются: и то им не так, и это…

Я робко вставила в её речь тот факт, что я с ним не еду, а только провожаю его. Проводница оборвала меня на полуслове:

– Да он мне будет как родной сынок. Он будет ехать в моём купе, я его буду кормить-поить – не волнуйтесь за него…

И на этом я отчалила, а проводница увела его к себе. На следующий день Саша позвонил мне и сообщил, что всё отлично и что они собираются в лес.

По возвращении из Свердловска Дима взахлёб рассказывал мне о поездке с такой радостью и восторгом! Саша сделал ему настоящий праздник! Про катание на лыжах вдвоём с Сашей, про красоту зимнего заснеженного леса, а также о том, как Саша заботился о нём каждое утро, каждый день и каждый вечер.

Спасибо тебе, Саша! Сейчас вы оба в тех краях, до которых мне не дойти и не достучаться. Но меня утешает мысль, что вы там вместе, и вам хорошо вдвоём.

Т. И. Бокачева

ВОСПОМИНАНИЯ

Первый раз я встретилась с Сашей Добровым в 1997 году. Тогда мы с моим мужем Мишей приехали к нему в гости. Он встретил нас в своём доме в поселке Бажуково. Он тогда приятно удивил меня своим гостеприимством и приветливостью. Сразу накрыл стол. Завязался разговор. Я, конечно, в разговоре участвовала мало, больше слушала. Саша с Мишей вспоминали молодые годы, когда они начинали работу по созданию парка, трудности, которые им приходилось преодолевать, радость, которую они испытывали, когда удавалось добиться каких-то успехов, интересные случаи, которые случались во время задержания браконьеров.

Затем разговор перешел на то, что нужно ещё сделать для официального признания природного парка. Ребята обсуждали, каким должен быть режим парка, чтобы интересы местного населения не были ущемлены и, в то же время, чтобы от большого количества посетителей не страдала ранимая природа этих мест. Говорили о том, что необходимо подготовить проект постановления правительства области о создании природного парка и об утверждении положения о природном парке. Обсуждали и вопрос о необходимости создания охранной зоны парка.

После разговоров мы с Мишей пошли на Карстов мост. Это было моё первое посещение этих мест. Конечно, величественные скалы и красота речной долины произвели на меня большое впечатление.

Следующая интересная встреча с Сашей Добровым, которая открыла мне его с новой стороны, произошла в августе 1999 года. Этому предшествовала большая работа по подготовке предложений по созданию парка и его охранной зоны, по режиму использования природных ресурсов на этих территориях. Для этой работы была сформирована общественная группа, в которую вошли: Саша Добров, Юра Шабалин, Миша Бокачев, Павел Воздвиженский, я и моя дочь

Яна, которая тогда работала юристом Министерства культуры Свердловской области.

Работа по подготовке предложений по созданию парка была непростой: нужно было обеспечить сочетание интересов как посетителей парка, так и местного населения, хотя эти интересы часто вступали в противоречие, интересов охраны природных комплексов и организаций, ведущих на этой территории хозяйственную деятельность. Всё это должно было найти отражение в проекте Положения о парке и проекте Положения о его охранной зоне. Когда подготовка предложений по организации парка была закончена, Добров обратился с этими предложениями в Правительство Свердловской области. Эти предложения рассматривало Министерство экономики области. По результатам рассмотрения была создана рабочая группа, которой было поручено с выездом на место определиться с возможностью принятия Правительством области решения об организации природного парка «Оленьи ручьи».

В эту рабочую группу вошли: представитель Министерства экономики Свердловской области В. Я. Бершадский, представители Свердловского областного комитета по охране природы Т. И. Бокачева и Г. Власова, от Министерства культуры – заместитель директора областного краеведческого музея Е. Скурыхина, эксперт-эколог М. Чеботаева, представители разработчиков предложений по созданию парка А. Добров и Ю. Шабалин и представители особо охраняемых природных территорий – директор Висимского заповедника А. С. Мишин, директор заповедника «Денежкин камень» М. А. Секерин, директор НП «Припышминские Боры» Г. В. Короселев.

Для поездки был выделен микроавтобус. Когда мы приехали в Бажуково, нас встретил Саша Добров. После того, как мы обсудили возникшие у членов рабочей группы вопросы, Саша организовал экскурсию по территории будущего парка. Очень трудно передать словами ощущение от этой экскурсии! Саша рассказывал об истории этих мест, о формировании ландшафтов в результате сенокошения, о распространенном ранее здесь бортничестве. Саша так ярко рассказывал, как делали борти, как с помощью верёвки взбирались бортники

за мёдом, что мне невольно представлялись эти люди, поднимающиеся на огромную высоту за янтарными, полными медом, сотами. Саша показывал большую сосну с зарубами, на которую ещё сравнительно недавно поднимались бортники.

Когда мы подошли к огромной старой сосне, Саша начал рассказывать об изменении растительных сообществ в результате человеческой деятельности. О том, как рубки изменяют и омолаживают наши леса. О том, что в результате рубок таких старых деревьев почти не осталось. Оказалось, что этой сосне было уже триста лет. Возраст её определили ученые Уральского отделения Российской академии наук. Саша с таким теплом и трепетом говорил о том, как много видела эта сосна, как много она могла бы рассказать, если бы она могла говорить.

Рабочая группа по организации парка «Оленьи ручьи» в Бажуково, 26.08.1999 г.

Рассказывал он так увлечённо, что все слушали, затаив дыхание. Далее, идя по проложенной ещё членами Дружины по охране природы тропе, Саша рассказывал о карстовых явлениях, таких характерных для этой территории, о почвах, об уязвимости многих растений, растущих на скалах, где слой почвы может быть менее одного сантиметра, и о мерах охраны, необходимых для сохранения этой уникальной растительности.

Рассказывал Саша и о пещерах, о древних охотниках, живших когда-то в них. О костях пещерных медведей, бизонов, древних оленей, найденных в этих пещерах. Он так живо повествовал о природе тех лет и древних людях, что описываемые им картины представлялись мне, как кадры в кино.

Подойдя к скале с названием Писаница, Саша показал нам фигурки оленя и охотников, нарисованные охрой на отвесной скале. С душевным трепетом он рассказывал о древних художниках, оставивших память о себе на тысячелетия.

Когда Сашина экскурсия закончилась, мы возвращались в Бажуково полные эмоций, и какого-то особого светлого чувства. Нужно сказать, что я вообще-то не люблю экскурсии, эти хождения за экскурсоводами, но эта экскурсия меня просто поразила, поразила Сашиным трепетным отношением к этим удивительным местам, его умением полностью завладеть вниманием и чувствами людей, с которыми он общается, его энциклопедическими знаниями природы и этих мест.

Конечно, после такой экскурсии, после обстоятельного рассказа Саши о том, как много было сделано для сохранения природных объектов, для удобства посетителей, о планах на дальнейшее развитие этой территории, ни у кого из членов рабочей группы не осталось никаких сомнений в необходимости создания здесь особо охраняемой природной территории – природного парка.

После того, как о результатах поездки рабочей группы и её выводах было доложено Министерству экономики, Областному комитету по охране природы была поручена подготовка проекта постановления правительства Свердловской области. Прошло уже двадцать пять лет, но я до сих пор горжусь, что подготовка проекта этого постановления была

поручена мне. И хотя предложения по проекту положения о парке во многом были подготовлены, работа над проектом шла непросто. Нужно было согласовать со всеми заинтересованными инстанциями все детали предполагаемого режима особой охраны парка, нужно было привести точные описания границ парка и его охранной зоны.

Но, в конце концов, Указ Губернатора Свердловской области Э. Э. Росселя от 18 октября 1999 года № 516-УГ «О создании Свердловского областного государственного учреждения «Природный парк «Оленьи ручьи» был подписан.

Постановление Правительства Свердловской области от 29 октября 1999 года № 1255 - ПП «Об учреждении Свердловского областного государственного учреждения «Природный парк «Оленьи ручьи» вышло за подписью председателя Правительства Свердловской области А. В. Воробьева. Было также утверждено положение о парке, площадь которого составила 19871 гектар, и положение об охранной зоне на площади 10500 гектаров.

С Сашей Добровым после этого мы встречались довольно часто, испытывая при этом взаимную симпатию друг к другу. И когда наступил двухтысячный год, мы с моим мужем отметили его на Бажуково у Саши Доброва в компании друзей.

С. Чаиркин

ВОСПОМИНАНИЯ

Добров Александр Владимирович. Человек с такой фамилией и такой замечательной, очень доброй, располагающей к себе улыбкой, просто по определению не может быть плохим человеком. Со своей «фирменной» улыбкой и полным радушием он всегда встречал нас – археологов – в своём парке «Оленьи Ручьи», когда мы заезжали в гости к нашему старому другу Юрию Михайловичу Мамаеву, который работал у Доброва в парке. Навсегда запомнились эти длинные

вечера-посиделки у костра или мангала после баньки, когда в непринуждённом стиле и приятной компании обсуждался широчайший круг вопросов и тем, не только по археологии и биологии, но и по всем другим аспектам, связанным с созданием и функционированием природного парка.

По просьбе Александра Владимировича мы в начале 2000-х гг. осмотрели все археологические объекты, которые выявил в своей разведке Олег Кардаш на территории природного парка. Для раскопок выбрали самый интересный из них с точки научной значимости и самый перспективный в плане его использования в качестве объекта туристического показа – городище Оленеручьёвское, которое расположено на вершине высокого правобережного утеса реки Серги, как раз возле трассы пешеходного маршрута по парку. На городище были хорошо различимы его оборонительные сооружения – ров и вал.

После проведения научных раскопок планировалось воссоздать это городище, на этом же месте или на другом мысу Серги. Увы, в связи «уходом» А. В. Доброва с должности директора парка, этим планам так не суждено было сбыться …

Ещё нам с А. В.Добровым «посчастливилось» поучаствовать в 2010 г. в съёмках «замечательной» передачи канала НТВ «Таинственная Россия. Свердловская область», где он с вершины скального утёса вещал о таинственных и могущественных нижнесергинских щелпах, а я с умным видом докладывал об изображении формулы бензола на древней писанице на Двуглазом камне, расположенной на реке Нейве возле г. Алапаевска.

Александр Добров навсегда останется в моей памяти как человек, который не только был искренне заинтересован в сохранении природного и исторического наследия уральского края, но и многое реально выполнивший для его блага!

Е. Дормидонтова

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

В 1975 году я училась на первом курсе биофака УрГУ и дружила с ребятами с рабфака. От них я узнала, что на кафедре физиологии человека есть аспирант Александр Добров, который мечтает создать на Урале национальный парк. Он попросил декана рабфака Сергея Васильевича Комова помочь найти инициативных, неравнодушных людей для работ по сбору информации для написания технико-экономического обоснования парка в долине реки Серга.

Узнав о том, что они заинтересовались этой идеей и должны были поехать на первый рекогносцировочный выезд, я присоединилась к их группе. Выезд был намечен на вечер третьего апреля на железнодорожном вокзале, под аркой.

Саша Добров не знал, сколько человек он поведёт в первый поход на территорию будущего парка. Знал только, что пойдут ребята, а про девчонок не знал. Пришли: Саша Александров, Миша Бокачев, Саша Бородин. И тут появляемся мы: Оля Жмуркина и я, Оля Дормидонтова.

Саша Добров изменился в лице. Он не ожидал девчонок, и начал нас отговаривать от поездки, говоря, что будет трудно, тяжело, и нам не справиться. Но разве ж нас, молодых, испугаешь? Кстати, я, домашняя девочка, никогда не ходила ни в какие походы. Поэтому пришла с маленьким рюкзачком, который выдали мне родители, и в руках несла новенький спальник, только что купленный в спортивном магазине.

Саша Добров с грустью посмотрел на меня, вздохнул и забрал у меня спальник в свой рюкзак. Раз уж не удалось от нас, девчонок, отделаться.

Поезд до Михайловска приходит на станцию Бажуково в 12 часов ночи. Выходим из поезда, на улице темно, пахнет талым снегом, но мы, все воодушевленные, в предчувствии приключений, двинулись за Добровым вглубь леса.

Начало апреля – это время, когда снег становится тяжёлым, набухшим, и в сапогах по глубокому снегу идти труд-

но. Шли гуськом, ступая след в след. Впереди идущие протаптывали дорогу, периодически сменяя друг друга.

Я шла за Сашей Бородиным, а у него в центральном кармане рюкзака лежала миска, и когда, вдруг, все останавливались, я лбом натыкалась на эту миску. Звук от этого удара был глухой металлический. Так как это повторялось несколько раз, то становилось ужасно смешно и на привалах, когда ребята переводили дух от усталости, мы с Олей Жмуркиной почему-то продолжали находить смешные моменты. Просто нам смешинка попала в рот. Саша Добров всё удивлялся, что, как будто, мы и не устали, и прозвал нас хохотушками.

Наконец, мы добрались до охотничьей избушки, благополучно переночевали. Утром Добров рассказал план: надо перебраться на другой берег Серги и определить место для строительства избушки. Забегая вперёд, – это будет будущая база дружины по охране природы.

И опять он попытался уговорить нас, девочек, остаться в избе, но, не тут-то было. Естественно, мы не поддались на его уговоры.

Как в дальнейшем признался сам Саша Добров, он немного не верил, что девчонки тоже могут много что делать наравне с мальчишками, что мы ему и доказали, и впоследствии он стал нам доверять ответственные задания.

Итак, 4 апреля 1975 года мы первый раз пошли знакомиться с красотами реки Серги. Впечатления от самой реки с трещинами на льду, через которую мы должны были переправиться, соблюдая все предосторожности, были неизгладимыми. Нависающие скалы, как мне казалось, таинственный лес – всё это осталось в памяти на всю жизнь.

Переправлялись мы через реку напротив скал и поляны, которая теперь называется Смотровая площадка. Когда мы вскарабкались на другой берег, перед нами открылась потрясающая панорама реки Серга с её извилистым руслом. И сколько бы раз я там не останавливалась впоследствии, этот вид всегда завораживал.

Как мы добрались до будущего места нашей стоянки, я честно, не помню, но сойку, которую мы встретили там, запомнила. Она, как будто, охраняла это место, и не улетела

даже после того, как была построена изба. Ребята, которые останавливались в избушке, часто подкармливали её.

А на майские праздники началось строительство нашей избушки. Помню, что наши мужчины валили деревья, и, чтобы их дотянуть до места, мы девочки, помогали подкладывать под брёвна чурбачки, по которым легче было тянуть бревно.

А ещё я помню своё первое дежурство у костра. Надо было сварить обед в ведре на большую команду. Конечно же, я не знала всех нюансов приготовления пищи на костре, и это был полный провал. Я так старалась, но как сейчас помню, что варила пшеничную кашу, и она у меня подгорела. Мне было так стыдно до слёз, что ребята, которые трудились целый день, уставшие, остались голодными. И только Саша Добров меня подбодрил – сказал, что ничего страшного, и что в следующий раз у меня всё получится. Он был для нас отличным другом и товарищем.

Потихоньку дело по строительству двигалось вперёд, параллельно все работали по сбору информации для технико–экономического обоснования парка, велась борьба с браконьерством.

Всё это было благодаря неравнодушному, увлекающемуся человеку с горящими глазами – Саше Доброву, за что ему огромное СПАСИБО.

Его мечта сбылась. И теперь, через почти 50 лет, я с теплотой вспоминаю те дни, ту школу жизни, тех друзей, которых приобрела.

Может быть всё, что я написала, наивно и сумбурно, но мне захотелось рассказать немного о своих впечатлениях от первого знакомства с этими удивительными, поражающими и завораживающими красотой местами, с удивительным человеком, который заряжал своей энергией и увлеченностью и нас.

М. С. Галишева

АХ, КАК ДОЛГО-ДОЛГО ЕДЕМ…

Отряд «Серга» 1985 года – мой и моих однокурсников первый отряд. Почти одни, за небольшим исключением, новички-первокурсники, … и командир, и комиссар тоже! Мы все очень рвёмся в бой, но что делать, толком не знаем, так как весна была бурной, и не только у нас, но и у Александра Владимировича тоже – встречались разве что пару раз. И, в основном, научную часть обсуждали: изучение антропогенной нагрузки, растительности, редких видов.

И, вот, август – и мы в отряде. И научную часть выполняем вроде, но объединяющей идеи нет, и мы почти разлагаемся в незначительных делах и мелких спорах. Поддерживаем и чистим туристические приюты, изучаем флору и фауну, носим гальку из Митькиного ручья для мощения двора у Базы, на которой в тот год проживали, но все понимаем, что ради этого не стоило и «огород городить».

Так продолжалось больше недели, что мне показалось вечностью, и грозило полным разочарованием. Ждём Доброва, а он всё не едет! И вот дождались!! Всё сразу закрутилось – в первый же день начали строить складскую избёнку на склоне туалетного лога. Как мне сейчас кажется, не очень и нужную, но так сразу нас объединившую! Утром второго дня услышали выстрелы со стороны Митькиных озёр, мужики под предводительством Доброва сорвались и унеслись в неизвестность, и не появлялись пугающе долго. Как потом оказалось, обнаружили убитого лося, устроили засаду.

Строительство «трупохранилища», как окрестили складскую избушку по причине невозможности нахождения там живых людей из-за использования стекловаты, превратилось в фоновое действие, а соло в том отряде исполнило установление металлического спуска в Большой провал. Парни два километра транспортировали от дороги тяжеленные лестничные пролеты,и спускали их в провал, мы под песню Новеллы Матвеевой в рюкзаках носили гальку с отмели на Серге в

Устье Федотова лога, а потом все вместе бетонировали спуск, весело гоняя по склону, и сдирая с него те самые краснокнижные виды, которые так прилежно изучали вначале.

У многих было недоверие к такой работе, но предводитель сказал, что это разовое действие. Как только спуск установим – людской поток будет канализирован, и всё быстро зарастет. Так и случилось. До установления лестниц все спускались в провал, кто где хотел, топча растительность на обширной территории, а после установления – все начали ходить только по лестнице – и вскоре опять заколосились на склоне воронцы и орхидейки разные. А особенно заколосилась наша гордость за отряд 85 года.

Я нечасто видела Александра Владимировича до и после отрядов, но каждая встреча вписывалась в образ инициатора и аттрактанта социально значимой деятельности – будь то работа фермера, директора парка «Оленьи ручьи» или творческого человека, организующего свою фотовыставку.

Я до сих пор тихо радуюсь, что мне удалось впрыгнуть в последний вагон эпохи под названием стройтряд «Серга» биофака УрГУ, созданный и питаемый энергией этого удивительного человека.

А. С. Мишин

РОМАНТИКИ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Только вдруг
Озаренье такое,
И зачем эта мне суета,
Тихий шорох
и чувство покоя
От упавшего наземь листа.

В. С. Дедков, стихи «На краю»,
Екатеринбург, 2009.

Открытие парка «Оленьи ручьи» в 1999 году стало очередным небольшим шагом в деле сохранения природной среды. И сделан он подвижниками, романтиками – дружинниками по охране природы Уральского университета во главе с Александром Добровым.

Это шаг к устранению противоречия между потреблением природных ресурсов и сохранением средообразующей функции Природы, важнейших составляющих возможности существования человечества на Земле. Для достижения этой цели таких шагов должно быть сделано очень много.

Этот шаг потребовал от каждого из сотен дружинников больших усилий, твёрдости, самоотверженности, мужества, уверенности в правоте своего дела, и прежде всего, от их лидера А. В. Доброва. Этот шаг ещё должен получить достойную оценку общества.

Дружины по охране природы появились в 70-е годы XX века почти во всех ВУЗах. Студенты в свободное время работали в заповедниках, органах охотнадзора, рыбинспекциях по борьбе с браконьерством, обычно на общественных началах.

Дружина Уральского университета во главе с Александром Добровым, поставила себе целью создание парка «Оленьи ручьи». Идея возникла не сразу, но в данном случае на предыстории мы не останавливаемся.

Начали с проекта. Определили территорию, разработали познавательные маршруты, наметили места стоянок. Одновременно продолжались исследования силами учёных и студентов Уральского университета, Института экологии растений и животных УрО РАН, налаживались связи со спонсорами. Благодаря А. В. Доброву многое удалось сделать. Парк работал на общественных началах, не в полную силу, но работал. И охранял, и изучал, и пропагандировал.

Дело оставалось за малым – официально утвердить границы и получить финансирование, укомплектовать штат, создать материальную базу. Для этого нужно было получить решение руководства области. Самое сложное – согласовать границы парка. Ведомства – лесное хозяйство, лесная промышленность, сельхозпредприятия, недропользователи, охотники, рыбаки, водопользователи – должны отказаться от части использования определённого ресурса, откорректировать планы в сторону их уменьшения, а это деньги, в том числе и наполнение областного бюджета. Сложно, но приходилось разрешать ситуацию.

Чаще всего проекты особо охраняемых природных территорий, в части земли, изрядно урезают. К сожалению, природообразующую функцию никто не отстаивает, да и методик таких, насколько известно автору, до сих пор нет.

Экологическая доктрина, одобренная Правительством Российской Федерации в 2002 году, до сих пор законом не стала. Поддержание природных систем в режиме естественной регуляции зависит от всех государств, всего мирового сообщества.

Разрушительные ураганы уничтожают созданное человеком, засухи снижают урожаи, приводят к лесным пожарам, наводнения влияют и на то, и на другое. Частота аномалий погоды и их интенсивность возрастают. Погода постоянно обновляет рекорды температур и осадков, их совпадений по времени. Одна бабочка, по Бредбери, может изменить ход истории. А человечество – не бабочка, мы не то, что можем, ради денег мы творим, не ведая что!

Александр Добров – автор около 30 статей. Так, обстоятельная аналитическая статья была подготовлена с коллега-

ми Воздвиженским П. С. и Черновым В. Ю. и опубликована в 2001 году в сборнике «Совершенствование деятельности ООПТ Урала на основе обобщения опыта их работы». Незадолго до этого Природный парк «Оленьи ручьи» вошёл в состав Союза особо охраняемых природных территорий Урала, куда входили все заповедники и национальные парки от Приполярного Урала до Оренбургских степей.

В 2004 году Александр Добров подготовил текст и фотоиллюстрации к альбому «Парк рифейского периода «Оленьи ручьи». В них профессионально, творчески, ярко изложена история, этапы и проблемы парка.

Природный парк «Оленьи ручьи» был официально открыт в октябре 1999 года. Но прошел ещё не один год, прежде чем парк стал таким, каким мы его знаем. Такова цена просчёта в планировании сохранения природы в советские времена. В годы рыночных отношений изменений к лучшему не видно. Мы учимся только на своих ошибках.

Природный парк «Оленьи ручьи» создан дружиной по охране природы во главе с Александром Добровым вопреки всем препонам, и останется вечным памятником романтикам двадцатого века.

Содержание

Александр Добров

Неторопливое путешествие в долине реки Серги

К истории создания Природного парка «Оленьи ручьи».....7
Дикий Запад (Университет. Наука. Серга. Щелпы).....23
Дружина.....55
Зигзаги судьбы.....78
Пещера Дружба.....88
Кооператив.....98
Последние годы фермерского хозяйства.....104

Воспоминания об Александре Доброве

И. В. Герасименко. Воспоминания о брате 111
А. И. Гущин. Человек с рюкзаком 124
М. Р. Бокачев. Добров. Дружина. Парк 139
Н. Смирнов. Мечты А Доброва - президента уральского филиала пиквикского клуба 150
Т. Г. Фарафонтова. Мастер фотопейзажа 167
О. Корона. Саша Добров 174
В. П. Чижова. Новый год в Оленьих ручьях 175
Т. И. Бокачева. Воспоминания 178
С. Чаиркин. Воспоминания 182
Е. Дормидонтова. Личные воспоминания: как всё начиналось 184
М. С. Галишева. Ах, как долго-долго едем... 187
А. С. Мишин. Романтики охраны природы 189

Составители: Бокачев М. Р., Мишин А. С., Трубецкой В. С.
Фото: М. Бокачев, А. Добров, Ю. Дубровин, В. Крыщенко, В. Лузин, Е. Мокроносова, Е. Сеславина. Также использованы фотографии из личных архивов И. Герасименко, В. Трубецкого, Т. Бокачевой.

Подписано в печать 14.08.2024 Формат 60x84/16. Усл. печ. л.: 12 Тираж: 250 экз.
ИП Чумаков И. В, Свердловская область, г. Новоуральск
тел.: 8-922-221-46-16, e-mail: uralizdat@bk.ru
сайт: http://uralizdat.ru группа в соцсетях: https://vk.com/uralizdat

Отпечатано: ООО «ИПК«Лазурь».
623750, Свердловская обл., г. Реж, ул. П. Морозова, 61. Тел./факс: (34364) 2-49-32.

